

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР
*Всесоюзный научно-исследовательский институт
криминалистики*

СЛЕДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА

ВЫПУСК

25

*Государственное Издательство
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва — 1956*

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР
Всесоюзный научно-исследовательский институт
криминалистики

СЛЕДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА

МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

ВЫПУСК

25

*Государственное издательство
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва — 1956*

Настоящий, выпуск «Следственной практики»
подготовили научные сотрудники Всесоюзного научно-
исследовательского института криминастики .
Прокуратуры СССР З. Т. Баранова, Е. В. Бол-
дырев, кандидат юридических наук М. С. Брайнин,
Э. Д. Епифанова, М. П. Колядинцев,
Г. Н. Мудьюгин, В. Г. Танасевич, А. И. То-
карев и Э. А. Финн

Ответственный редактор
25-го выпуска «Следственной практики»
кандидат юридических наук
В. И. ТЕРЕБИЛОВ

УСИЛЕНИЕ БОРЬБЫ С ХИЩЕНИЯМИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ — ОДНА ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ЗАДАЧ ОРГАНОВ РАССЛЕДОВАНИЯ

Следственная практика довольно часто сталкивается с хищениями государственного и общественного имущества в торговой сети, при которых благодаря сложным способам их совершения и сокрытия сам факт недостачи денег или иных материальных ценностей не получает отражения в бухгалтерских документах. Очередные ведомственные ревизии торговых организаций часто не вскрывают подобных случаев хищений.

Такое положение имеет место, главным образом, тогда, когда действует организованная преступная группа, широко использующая должностное положение участников преступления.

Расследование дел о хищениях государственного и общественного имущества, возникающее по различного рода сигналам, а не по материалам о недостаче материальных ценностей, представляет значительную сложность и требует от следователей не только знания общих вопросов методики расследования хищений, но и специфических приемов, вытекающих из своеобразных способов совершения хищений в торговой сети.

В настоящем выпуске «Следственной практики» большинство статей посвящено раскрытию и расследованию именно таких хищений в торгующих организациях, которые осуществлялись организованной группой, в крупных размерах и с применением иногда весьма сложных способов сокрытия преступлений.

Следственная практика показывает, что в такого рода преступлениях нередко участвуют должностные лица,

работающие в промышленности, промкооперации, заготовительных органах и т. п.

Как видно из публикуемых материалов, за последнее время весьма распространенной формой совершения подобных преступлений является реализация через торговую сеть товаров, похищенных в промышленности или в артелях промкооперации. Участники сплоченных преступных групп, действующие в торговой сети, нередко запасаются в таких случаях «временными» товаро-транспортными накладными с тем, чтобы обезопасить себя от разоблачения в момент реализации похищенного.

После того как товары проданы и деньги изъяты, преступники обычно уничтожают такие «временные» накладные, полагая, что они уничтожают все следы преступления. О том, как раскрываются подобные хищения, рассказывают в своих статьях следственные работники прокуратуры Московской области тт. Маркво и Поспевев, следователь прокуратуры г. Ангарска Иркутской области т. Перцев и другие.

Изучение практики позволяет сделать вывод, что многие преступления в торговле совершаются по сговору между работниками торговых баз и магазинов. Наиболее распространенным способом хищения в этих случаях является искусственное создание пересортицы и в связи с этим продажа товаров по ценам, превышающим их фактическую стоимость. Однако и эти хищения, ключ к раскрытию которых следует искать на базе, а не в магазине, где реализуются товары, могут быть успешно раскрыты. Об этом наглядно свидетельствует опыт работы прокурора следственного отдела прокуратуры Саратовской области т. Медведева, статья которого публикуется здесь.

Известно, что на практике при взаимных расчетах крупных оптовых баз со своими поставщиками и розничной сетью порою возникают взаимные претензии на недовложение товаров или их пересортицу. Эти претензии выражаются в огромных суммах. Нередко в связи с «невозможностью» разобраться в сложившейся ситуации эти конфликты разрешаются в арбитражном порядке и зачастую лишь с формальных позиций. Между тем за этими внешне чисто хозяйственными «недоразумениями» весьма

часто скрываются организованные крупные хищения социалистической собственности. Расследование таких преступлений, как это видно из статьи старшего следователя прокуратуры Алтайского края т. Туркевича, имеет весьма специфические особенности.

С точки зрения методики расследования значительный интерес представляют хищения в магазинах, связанные с обворовыванием потребителей, то есть обмер, обвес и продажа товаров по ценам, превышающим установленную для них стоимость. При этом мы имеем в виду не те единичные факты нарушений законности, которые могут быть объяснены различными ошибками, а прежде всего систематические действия отдельных торговых работников, преследующих цель путем обвеса, обмера и тому подобными способами создать резерв товаров для последующего их хищения. Такой резерв реализуется обычно через эту же торговую сеть, а деньги, вырученные от продажи, присваиваются преступниками.

Изъятие наличных денег часто бывает сопряжено с известными трудностями. Поэтому расхитители используют имеющиеся при магазине палатки и ларьки, а также отделы штучной торговли, где деньги за проданный товар вносятся не в кассу, а получаются непосредственно продавцами.

В более сложных случаях для сокрытия хищения преступники прибегают к фальсификации показаний счетчика механической кассы в магазине. Небезинтересный опыт расследования такого дела описан, в частности, в статье старшего следователя прокуратуры Железнодорожного района Москвы т. Макаровой.

Значительной спецификой отличается расследование хищений, в которых наряду с отдельными работниками торговли активное участие принимают спекулянты, помогающие расхитителям реализовать похищенное. Сговор этих двух групп нередко весьма опытных преступников порождает не только особую опасность совершаемых ими преступлений, но требует наряду с серьезной следственной работой проведения четких и продуманных оперативных мероприятий. Положительный опыт расследования такого преступления изложен в статье старшего следователя прокуратуры Хабаровского края т. Лопаткина.

В последнее время весьма широко стала распространяться выездная торговля, которая имеет место, главным образом, в сельской местности. Отдаленность от основной торговой базы и отсутствие систематического контроля за деятельностью такого «выездного магазина» в отдельных случаях используется преступниками в целях хищения. Основными способами такого рода хищений бывают продажа неучтенных (обычно похищенных в промышленности) товаров и различные комбинации с завышением цен. Необычные условия торговли приводят к тому, что важнейшие события, относящиеся к преступлению, происходят в разных населенных пунктах. Это значительно затрудняет выявление и допрос необходимых свидетелей. Если еще учесть, что база снабжения «выездного магазина» обычно находится на значительном расстоянии от места реализации товаров, то становится ясным, с какими трудностями приходится сталкиваться следователю. В связи с этим следует еще раз особо подчеркнуть необходимость самого тесного контакта следователя с органами милиции и самого широкого использования их оперативных возможностей. Недооценка этого положения влечет иногда серьезные отрицательные последствия. Так, например, получилось при расследовании дела, описанном старшим следователем прокуратуры Московской области т. Мартвелем.

Наряду с охарактеризованными выше делами о хищениях социалистической собственности в статьях настоящего выпуска «Следственной практики» освещены дела о хищениях, относительно часто встречающиеся в практике работы следователей, например, дела о недостачах, выявляемых при ревизии. Обмен опытом в соприятии и исследовании доказательств по таким делам, несомненно, может принести значительную пользу для практических работников.

Не следует ни на минуту забывать, что усиление борьбы с хищениями социалистической собственности является одной из важнейших задач всех прокурорских и следственных работников. К сожалению, выполнение этой задачи оставляет желать много лучшего. Одной из причин отставания в расследовании дел о хищениях социалистической собственности является недостаточная осведомленность наших прокурорско-следственных работников отно-

сительно приемов, которыми пользуются расхитители, и тех методов, которые применяют наиболее опытные следователи при расследовании хищений. Материалы, помещенные в настоящем выпуске «Следственной практики», должны содействовать совершенствованию методов следственной работы, а в конечном счете — улучшению борьбы с хищениями социалистической собственности.

*Старший следователь прокуратуры
Железнодорожного района Москвы*

юрист 2-го класса

B. Н. Макарова

РАССЛЕДОВАНИЕ ХИЩЕНИЯ ДЕНЕГ, СКРЫТОГО ФАЛЬСИФИКАЦИЕЙ ПОКАЗАНИЙ СЧЕТЧИКА МЕХАНИЧЕСКОЙ КАССЫ

В июле 1954 года в Управление милиции Москвы поступило анонимное письмо, в котором сообщалось, что директор магазина № 10 Мосрыбторга Рейснер и его заместитель Матвеев систематически расхищают деньги из кассы магазина. Чтобы скрыть эти хищения, они повышают цены на продаваемые рыбные товары. Негласной проверкой факты, изложенные в заявлении, подтвердились.

Внезапно проведенным снятием остатков в магазине № 10 была выявлена недостача товаров на 11 300 руб. Такой результат был обусловлен правильной организацией инвентаризации и действительной внезапностью. Нужно подчеркнуть, что техника проведения подобных внезапных инвентаризаций имеет решающее значение для их результатов. Комиссии, которые были созданы для снятия остатков в магазине № 10, до последнего момента не знали, где именно они будут работать. Снятие остатков производилось одновременно в кассе, кладовой и во всех секциях магазина, с участием материально-ответственных лиц в присутствии работников милиции.

Была также исключена возможность внесения в магазин новых товаров до передачи материальных ценностей вновь назначенным материально-ответственным лицам¹.

¹ Иногда в подобных случаях материально-ответственным лицам удается внести в магазин новые товары, и после вторичного переучета товаров, который обычно производится или по просьбе материально-ответственных лиц, утверждающих, что у них не могло быть недостачи, а при снятии остатков произошла ошибка, или при передаче магазина новым работникам, оказывается, что недостачи в магазине уже нет.

Торговые и подсобные помещения были опечатаны. Поэтому, когда после выявления недостачи магазин принял новые материально-ответственные лица, подтвердилась правильность результатов первой инвентаризации.

Расследование было начато УБХСС Управления милиции Москвы весьма успешно. Своевременно проведенный работниками милиции ряд следственных действий явился хорошим фундаментом для всего следствия. В дальнейшем, когда дело было принято к производству следователем прокуратуры, он поддерживал контакт с милицией, которая оказывала эффективную помощь следствию, выясняя различные вопросы оперативным путем¹.

В анонимном заявлении, о котором говорилось выше, сообщалось, что в магазине систематически изымались наличные деньги путем каких-то манипуляций с кассовым аппаратом. Нужно было проверить это обстоятельство, но раньше всего следовало ознакомиться с системой организации работы в магазине и изучить технику работы кассового аппарата.

В магазине имелось несколько секций, где материально-ответственными лицами числился ряд работников. Материальную ответственность за ценные несли также директор магазина Рейснер и его заместитель Матвеев. Товары отпускались покупателям по чекам двух кассовых аппаратов, выручка которых не распределялась между секциями. Эта система столь расширенной коллективной материальной ответственности уже была ненормальной и наталкивала на мысль о существовании крепкой спайки между работниками магазина.

Какие же материальные следы изъятия выручки из кассы можно было найти? В каждом кассовом аппарате, как известно, существует счетчик, показывающий нарастающую сумму пробитых чеков. Исправный аппарат не может не учесть каждый выпущенный чек. При этом, кроме чека, каждая пробитая аппаратом сумма ограждается

¹ Для настоящей статьи, преследующей цель ознакомления следователей с опытом расследования дела о крупном хищении в магазине, несущественно, какие именно следственные действия были проведены работниками милиции, а какие — работниками прокуратуры, и поэтому в дальнейшем я не останавливаюсь на этом.

еще и на контрольной кассовой ленте, назначение которой определяется ее названием.

Кассир записывает показатели счетчика, приступая к работе и заканчивая ее. Разница между этими показателями означает сумму выручки, которая и приходуется по кассовому журналу. Не оприходовать сумму, показанную механическим счетчиком, кассир не может без того, чтобы это сразу же не выявилось. Если путем каких-либо манипуляций удается снизить показатель счетчика, это не изменяет цифр, отражаемых на контрольной кассовой ленте. Подсчитав по ней, на какую сумму выпущено чеков, можно выявить действительную общую сумму выручки и установить, что оприходованная по кассовому журналу сумма, основанная на заниженном показателе счетчика, не соответствует сумме денег, поступивших в кассу.

Проверка правильности записей, сделанных в кассовом журнале магазина № 10, сразу же натолкнулась на трудности. Оказалось, что в нарушение установленного порядка, кассовые аппараты магазина работали большей частью без контрольных кассовых лент. Пришлось обращаться к самим кассовым чекам и по ним устанавливать сумму денег, полученных кассой от покупателей в тот или иной день. Но и чеки не хранились в должном порядке. Лишь обыском, произведенным в торговом помещении, удалось найти несколько мешков с чеками. При их осмотре выяснилось, что в мешках имеются несистематизированные чеки за отдельные дни мая, июня и июля 1954 года. Но поскольку сличение записей кассового журнала с чеками можно было производить и за отдельные дни, решили систематизировать найденные чеки, восстановить по ним выручку магазина за отдельные дни и таким путем проверить правильность оприходования выручки по кассовому журналу. Эта кропотливая работа принесла успех. Оказалось, что суммы чеков за 6 дней — 30 мая, 7, 17 и 28 июня, 5 и 11 июля — значительно больше сумм, оприходованных в эти дни по журналу.

За 30 мая кассовых чеков было обнаружено на 20 759 р. 07 к., а оказалась оприходованной по кассовому журналу лишь сумма в 11 429 р. 07 к. Следовательно, по кассе не была оприходована выручка за этот день в сумме 9330 руб., 7 июня не было оприходовано 8990, 17 июня — 17 190, 28 июня — 5860, 5 июля — 8060, 11 июля — 9330 руб.

Всего, таким образом, за эти шесть дней не было оприходовано 58 760 руб.

Эти суммы не были оприходованы кассиршой Фабрикантовой (30 мая, 17 июня, 5 и 11 июля) и кассиршой Таммик 7 и 28 июня. У остальных двух кассирш подобных разрывов не было.

Кассиршам Фабрикантовой и Таммик были предъявлены чеки, явившиеся неопровергимой уликой, и они вынуждены были объяснить, почему по кассе оприходованы меньшие суммы, чем суммы выпущенных чеков. Они рассказали, что заместитель директора Матвеев начиная с осени 1953 года регулярно, примерно три раза в месяц, во время обеденного перерыва вскрывал кассовые аппараты и каким-то образом уменьшал показатели счетчиков. Образовывающиеся вследствие этого в кассе излишки денег он забирал у кассирш, уплачивая им каждый раз по 200—300 руб.

Необходимо было проверить эти показания.

Регулярное посещение кассовой кабинки Матвеевым не должно было укрыться от внимания рядовых работников магазина, в частности уборщиц, в обеденный перерыв подметавших пол. Следователь допросил уборщиц Архипову и Смирнову и продавщицу Блинову, которые рассказали, что несколько раз видели, как Матвеев во время обеденного перерыва заходил в помещения кассовых кабин и что-то делал там с кассовым аппаратом. Это всегда совпадало с дежурствами кассирш Фабрикантовой или Таммик.

Расследованием также было установлено нарушение существующего для всех магазинов порядка учета выработки продавцов, имеющее прямое отношение к совершению директором и его заместителем хищений.

Продавцы магазина работали сдельно (зарплата начислялась в зависимости от выручки) и поэтому были заинтересованы в правильном исчислении суммы, на которую продавались товары в течение дня. Каждый вечер ими пересчитывались чеки, полученные от покупателей. Дирекция магазина обязана была вести таблицу выручки. Однако этого не делалось, так как, имея перед собой таблицу выручки, легко можно было обнаружить общее уменьшение выручки, подсчитанной продавцами по чекам. Тем же из продавцов, кто аккуратно вел записи сумм полученных чеков и обнаруживал в конце месяца, что ему

начислили зарплату на основе заниженной суммы выручки, директор и его заместитель объясняли, что они при начислении зарплаты часть его выручки перенесли на другую секцию, где продавались менее ходовые товары.

При исследовании этого обстоятельства было установлено, что никому из продавцов не увеличивались данные о выработке. При сопоставлении данных о выручке тех продавцов, которые систематически вели указанный учет, с данными бухгалтерии выявилось значительное расхождение между официальными записями и записями продавцов. Например, по штучному отделу (где торговля проводилась также по чекам) у продавцов сохранились записи выручки за пять месяцев — с октября 1953 года по февраль 1954 года. Выручка по этим записям была на 262,2 тыс. руб. больше той, на основе которой им была начислена зарплата. Эти записи были приобщены к делу.

Следует отметить, что эти записи оказали двойную пользу. При их осмотре на обратной стороне листков были обнаружены заметки следующего содержания: число, месяц, фамилия кого-либо из материально-ответственных лиц, наименование товара и стоимость его. Авторы этих записей — продавцы штучного отдела пояснили, что материально-ответственные лица нередко бесплатно брали у них различные рыбопродукты. Но поскольку в штучный отдел товары выдавались в подотчет, продавцы записывали эти случаи. При получении же товаров со склада им отпускалось рыбопродуктов на соответствующую сумму больше, чем записывалось в подотчет.

Так, следствием были выявлены косвенные доказательства, подтверждающие правильность показаний кассирш об изъятии денег из кассы.

Исследуя акты прежних инвентаризаций и сопоставляя их с³ данными об изъятии наличных денег из кассы, следователь, в частности, обратил внимание на то, что 28 июня из кассы было изъято 5860 руб., а инвентаризацией, проведенной через два дня (30 июня), не было выявлено недостачи. Допрошенная по этому поводу кассирша Таммик рассказала, что обычно директору было заранее известно об инвентаризации. И в этот раз он на кануне узнал о предстоящем переучете товаров. 29 июня Рейснер передал деньги, изъятые им 28 июня, Таммик и предложил ей пробить их по кассе. Сделав это, Таммик оприходовала указанную сумму по кассовому журналу, а

чеки уничтожила. Таким путем были внесены в кассу деньги, только перед этим оттуда изъятые, и показатель кассового счетчика, искусственно уменьшенный на эту сумму 28 июня, был восстановлен. 5 июля из кассы вновь были изъяты наличные деньги, но уже в сумме 8060 руб.

Привлек внимание и тот факт, что 16 июня 1954 г. была проведена не обнаружившая никаких ненормальных инвентаризация, а на следующий день (17 июня) были изъяты из кассы 17 190 руб. Это обстоятельство при расследовании нашло свое объяснение. Осмотром подсобного помещения, произведенным следователем, были обнаружены первоначальные записи остатков товаров на 16 июня. При сравнении их с экземплярами инвентаризационных описей, приложенных к официальной отчетности, выяснилось, что в описях указано товаров на 13 тыс. руб. меньше, чем в первых записях. Таким образом, фактически по состоянию на 16 июня в магазине были излишки на сумму 13 тыс. руб., но их скрыли, уменьшив на эту сумму данные о фактических остатках в переписанных инвентаризационных описях. Ведавший учетом заместитель директора Матвеев (под давлением улик ранее уже сознавшийся в совершении хищений) рассказал, как это произошло. Ревизор Грахов, проводивший инвентаризацию, передоверил ее работникам магазина. При сверке описи фактических остатков с книжными обнаружились излишки. Чтобы скрыть их, работники магазина переписали инвентаризационную опись, показав в ней количество товаров, уменьшенное на 13 тыс. руб. После инвентаризации излишки изъяли. О том, почему не были уничтожены первоначальные описи остатков товаров, Матвеев рассказал, что 17 июня он ушел в отпуск и в спешке забыл уничтожить эти записи. Рейснер же не обратил на них внимания, считая, что Матвеев уничтожил их.

Матвеев также подробно рассказал, как он уменьшал показатели счетчика кассы. При этих манипуляциях ему приходилось отвинчивать винты, которыми прикрепляется передняя крышка кожуха кассового аппарата. Часть винтов он утерял.

Для проверки этих показаний был проведен следственный эксперимент с участием Матвеева и специалиста-механика ремонтного завода кассовых аппаратов. Перед началом следственного эксперимента было обна-

ружено и зафиксировано в особом протоколе отсутствие в кассовом аппарате, указанном Матвеевым, пяти винтов, укрепляющих переднюю крышку кожуха. Затем Матвеев поднял у кассового аппарата переднюю часть кожуха и взятой им в подсобном помещении отверткой стал вращать шестеренку счетчика, показывающую цифру десятков тысяч. Таким путем цифру «4» он заменил цифрой «3». Вследствие этого показатель счетчика, раньше фиксировавший цифру «45 758», уменьшился до цифры «35 758». При этом никаких царапин или других следов на шестеренке не осталось. После изменения показателя счетчика кассовый аппарат продолжал работать нормально. Матвеев объяснил, что шестеренки с остальными цифрами (тысяч, сотен и др.) он изменял таким же способом. Отдельные этапы следственного эксперимента фотографировались.

Как же покрывались недостачи товаро-материальных ценностей, которые неизбежно должны были образоваться в магазине в связи с оприходованием по кассе выручки в меньших суммах против стоимости товара, отпущеного покупателям по чекам?

Матвеев и Рейснер, сознаваясь в совершении хищений, вынуждены были объяснить, каким образом покрывалась недостача товаров. Вместе с остальными материально-ответственными лицами — руководителями секций — они организовали в магазине торговлю рыболоварями по повышенным ценам. В этих целях из поступавшей в продажу рыбы второго сорта отбиралась рыба покрупнее и продавалась по ценам первого сорта. Отбирающие рыбу рабочие магазина Бабкин, Гордеев, Кызенков, Романов и другие подтвердили, что по указаниям руководителей секций они передали продавцам большое количество рыбы второго сорта для продажи по ценам первого сорта.

Учитывать, какое количество рыболоваров и на какую сумму переводилось из низших сортов в высшие, было весьма затруднительно, и поэтому расхитители сами на каждый день не знали, в какой мере они перекрыли недостачи, образовавшиеся вследствие изъятия наличных денег. Этим объяснялось то обстоятельство, что директор магазина и его заместитель очень часто, не реже раза в декаду, производили «самоучеты». Тщательным обыском, произведенным в помещении магазина, удалось найти часть черновых записей этих «самоучетов».

Следствием были добыты и другие доказательства завышения цен на рыбу. С помощью эксперта-бухгалтера были проанализированы зафиксированные в инвентаризационных описях остатки рыболовов и установлено, что в некоторых случаях в описях значилось в остатке большее количество рыбы высших сортов, чем могло быть, если бы даже в течение времени, прошедшего между инвентаризациями, рыба высших сортов совсем не продавалась.

Кроме того, в этих описях были выявлены некоторые рыболовы, записанные первыми сортами, хотя поступали они только вторыми сортами, а к началу инвентаризационного периода их вовсе не было. Так, например, в остатке на 19 ноября 1953 г. вовсе не было первого сорта сельдей полярных крепкосоленых с головами; не поступали они и в период с 19 по 29 ноября. Однако при снятии остатков по магазину 29 ноября эти сельди первого сорта значились в наличии в количестве 280 кг на сумму 4284 руб. В остатке на 26 декабря 1952 г. не было сельдей первого сорта полярных среднесоленых без головы; в период с 26 декабря 1952 г. по 26 января 1953 г. они также не поступали, и все же в акте инвентаризации на 26 января был записан их остаток в количестве 95 кг на сумму 2251 р. 30 к.

Много усилий потратил следователь на выявление обманутых покупателей. Однако большого успеха в этом достичь не удалось. Сами обвиняемые, подробно рассказывавшие о своих преступлениях после их изобличения, объяснили малое количество жалоб покупателей на пересортицу тем, что неспециалисту очень трудно правильно определить сорт рыбы. Это было тем более затруднительно в данном случае, поскольку в преступную группу расхитителей был вовлечен специалист по рыбе Борисов, который имел специальное задание подбирать на рыбных базах так называемые переходящие товары, то есть товары, стоящие на грани двух смежных сортов. Тем не менее путем осмотра книг жалоб следователю удалось выявить трех покупателей, которые в свое время писали о продаже рыбы низших сортов по ценам высших. На допросах они подтвердили свои жалобы, основанные на том, что такая же рыба, какую продавали по ценам высших сортов, была выставлена на витрине с ценами низшего сорта.

Как уже сообщалось выше, органы милиции все время помогали в расследовании дела. В частности, из сообщенных ими оперативных данных явствовало, что хищения в магазине совершались, начиная с 1952 года. Следственным путем также было подтверждено, что в магазине продавались рыболовные товары по повышенным ценам систематически, начиная с 1952 года. Между тем кассиры Фабриканова и Таммик, давно работавшие в магазине, утверждали, что Рейснер и Матвеев начали изымать деньги через кассу лишь с осени 1953 года; излишков товаров по магазину в 1952—1953 гг. не было. Следовательно, излишки ценностей, образовывавшиеся в магазине в результате завышения цен, изымались каким-то другим путем. Но каким?

Изучение системы торговли в магазине подсказало правильный ответ. Было выяснено, что начало изъятия денег через кассу с осени 1953 года совпало с ликвидацией палатки, торговавшей рыболовными товарами магазина на рынке. Там покупатели платили деньги непосредственно продавцу. Возникла версия об изъятии денег в 1952—1953 гг. через палатку.

Рейснер и Матвеев не смогли опровергнуть доказательств, устанавливающих, что систематическим повышением цен они занимались и в 1952—1953 гг., и потому должны были рассказать, как изымались в те годы излишки ценностей. Они показали, что с лета 1952 года до осени 1953 года деньги, вырученные от продажи излишков рыболовных товаров, изымались через палатку. Делалось это так: Рейснер и Матвеев передавали заведующему палаткой Зилюку определенное количество похищенной ходовой рыбы, предупреждая его, чтобы он не приходил эту рыбу, а деньги после продажи отдавал им. На время торговли Зилюку давали накладные, которые он возвращал Рейснеру и Матвееву вместе с выручкой от продажи той или иной партии рыбы, причем накладные уничтожались ими и, таким образом, не оставалось никаких следов от продажи излишков рыбы. Зилюку Рейснер и Матвеев при этом говорили, что им нужны наличные деньги для оправдания по магазину расходов, на которые не выделяются средства.

Следователю удалось добить некоторые доказательства, подтвердившие приведенные показания обвиняемых. Бывшие продавцы палатки Мартыненко и другие, полу-

чавшие зарплату в зависимости от товарооборота, показали, что они, хотя и не вели точных записей выручки, при получении зарплаты обнаруживали неправильность ее исчисления из расчета уменьшенной суммы выручки. По этому поводу ими в свое время заявлялись претензии. При анализе остатков работников, зафиксированных в инвентаризационных описях, по палатке были выявлены такие товары, документов на поступление которых к отчетности палатки приложено не было.

Таким образом, были установлены продолжавшиеся в течение трех лет крупные хищения государственных средств, проводившиеся организованной группой, состоявшей из директора магазина № 10 Рейснера, его заместителя Матвеева, заведующих секциями и их заместителей — Борискина, Борисова, Воронова и Максимовой, кассирш Таммик и Фабрикантовой. У некоторых обвиняемых при обыске удалось найти значительные суммы денег: у Матвеева — наличные деньги и вклады в сберкассах на 49 565 руб., у Борискина — 24 683 руб. и у Максимовой — 33 400 руб.

Большие трудности возникли при определении суммы похищенного. Было совершенно ясно, что при существовавшей в магазине системе хищений с восполнением похищенного путем обмана покупателей, недостач товароматериальных ценностей, отражаемых в бухгалтерском учете, не могло быть. Сумму изъятых из кассы наличных денег можно было бы установить по выпущенным кассами чекам или контрольным лентам, но, как говорилось выше, они не сохранились. Единственными данными, документально установленными, являлись: недостача в сумме 11 300 руб., выявленная 28 июля 1954 г. в результате хорошо организованной, действительно внезапной инвентаризации, и разница в 58 760 руб. между суммой чеков, выпущенных кассой, и суммой, оприходованной по кассе. Но известно, что эта сумма была изъята из кассы в течение всего лишь шести дней мая — июля, за которые случайно сохранились чеки; обвиняемые же расхищали государственное имущество не только в эти дни и месяцы, а в течение 1952—1954 гг. Была установлена еще одна цифра — 262,2 тыс. руб., на эту сумму, по неофициальным записям продавцов штучного отдела, администрация магазина преуменьшила их выручку, несомненно, в связи с присвоением наличных денег. Но эта цифра, естественно,

не могла быть положена в основу исчисления суммы похищенного, так как она не была основана на данных бухгалтерского учета и к тому же имела лишь косвенное отношение к хищению.

При этих условиях пришлось устанавливать сумму похищенного показаниями свидетелей и обвиняемых.

Следователь исходил из того, что несомненно было доказано совершение хищений в магазине на протяжении 1952—1954 гг. Обвиняемые Рейснер и Матвеев, определяя сумму похищенного, сначала давали показания о том, что похитили около 300 тыс. руб., из которых изъяли через кассу 250 тыс. руб., а остальную сумму — через палатку магазина. Кассирши Фабрикантова и Таммик заявили, что через кассу деньги изымались ежемесячно в среднем по 25 тыс. руб. на протяжении десяти месяцев (в период между сентябрем 1952 года и июлем 1954 года). Таким образом было изъято около 250 тыс. руб. Их показания находили известное подтверждение в документально установленных данных об изъятии за неполных три месяца 58 760 руб.

На основе этих доказательств обвиняемым было предъявлено обвинение в хищении 300 тыс. руб.

Московский городской суд определил сумму похищенного в 150 тыс. руб., так как изменившие показания обвиняемые Рейснер и Матвеев называли в судебном заседании именно эту сумму. Но, несмотря на изменение суммы, суд согласился с квалификацией действий обвиняемых Рейснера, Матвеева, Борисова, Борискина, Воронова и Максимовой по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и по ст. 128-в УК РСФСР. Действия Фабрикантовой и Таммик были квалифицированы только по упомянутому Указу. Все они осуждены к длительным срокам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях.

Так было раскрыто это крупное организованное хищение. В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что успешность расследования этого дела была в значительной мере обусловлена хорошим контактом следователя с органами милиции на протяжении всего следствия.

Следователь прокуратуры Боково-
Антрацитовского района Ворошилов-
градской области
юрист 3-го класса

М. Я. Могилевский

ВАЖНОСТЬ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕДОСТАЧУ МЕЖДУ МАТЕРИАЛЬНО- ОТВЕТСТВЕННЫМИ ЛИЦАМИ

16 июня 1954 г. начальник орса треста «Боково-Антрацит» получил письмо от группы рабочих шахты № 24 с жалобой на плохую работу промтоварного отдела магазина на орса № 11. Рабочие писали, что продавец отдела Плаха обсчитывает покупателей. В письме указывалось, что «Плаха беспросыпно пьет, и промтоварный отдел часто бывает закрыт. Заведующая магазином Кравченко является женой Плахи, а потому никаких мер в отношении этого пропойцы не принимает». Рабочие просили начальника орса принять меры «к дельцам, которые работают в нашем магазине».

В тот же день ревизору орса Чумаку было дано распоряжение провести в магазине № 11 внезапную ревизию.

Магазин № 11 состоял из двух находившихся в разных помещениях отделов. Материально-ответственным продавцом в промтоварном отделе был Плаха, а в бакалейно-гастрономическом — Гончарова. Кроме того, при магазине был овощной ларек с ответственным продавцом Арабаджа.

Ревизия, охватившая период в пять месяцев, то есть со времени прежней ревизии (с 17 февраля по 17 июня 1954 г.), выявила недостачу по магазину в сумме 23 518 руб., а с учетом допустимой естественной убыли — 19 962 руб. По овощному ларьку ни недостачи, ни излишков выявлено не было.

Ревизия проводилась в присутствии заведующей магазином Кравченко и продавца бакалейного отдела Гончаровой. Обе они подписать акт ревизии отказались, хотя в объяснениях к акту не оспаривали правильности

общей суммы недостачи. В своих объяснениях Кравченко указывала, что вся недостача полностью относится к бакалейному отделу и за нее должна отвечать Гончарова. Гончарова же утверждала, что почти вся недостача образовалась по промтоварному отделу в результате систематического пьянства Плахи. По бакалейному отделу Гончарова признала недостачу лишь на сумму 2300 руб., объяснявшуюся тем, что Плаха систематически брал «в долг» из отдела спиртные напитки и продукты, не расчитываясь за них. О том же заявила и Арабаджа. У нее в ларьке Плаха также без оплаты набрал продуктов на 1085 руб. Однако Арабаджа, в отличие от Гончаровой, регулярно представлявшая отчеты по ларьку, аккуратно отражала в них стоимость взятых Плахой продуктов, указывая по его просьбе, что эти продукты переданы в промтоварный отдел. Кравченко, а иногда и сам Плаха, принимая отчеты от Арабаджа, не возражали против этого.

Плаха в своем объяснении настаивал на том, что вся недостача, размер которой он также не оспаривал, относится к бакалейному отделу. В то же время Плаха почему-то отказался присутствовать при проведении ревизии, о чем Кравченко сама сделала приписку в акте ревизии.

Гончарова, отрицавшая свою вину в образовании недостачи, обязалась тем не менее 14 июля совместно с Кравченко погасить недостачу и в счет ее возмещения уже 15 июля внесла в кассу орса 3 тыс. руб.

Направляя акт ревизии прокурору района, начальник орса просил привлечь к ответственности Гончарову, Плаху и Кравченко за совместную растрату ими всей недостающей суммы, не подразделив ее по лицам. В письме это было объяснено тем, что вывести результаты по каждому отделу не представилось возможным, так как точного учета в магазине заведующая Кравченко не вела, а выдача товаров и получение выручки от продавцов отражались лишь записями в тетрадях, сделанными каждым продавцом в отдельности.

Приняв дело к производству и изучив его материалы, я поставил своей первоочередной задачей установить, кто из трех, то есть Кравченко, Плаха или Гончарова, и в какой мере должен отвечать за выявленную ревизией недостачу? Правда, уже с самого начала расследования

у меня были сведения о постоянном пьянстве продавца Плахи, но этого, разумеется, было еще недостаточно, чтобы делать отсюда заключение о его виновности в растрате не достающих в магазине товаров.

Допрос ревизоров ничего не дал для установления лица, ответственного за недостачу. Они показали, что учет внутри магазина Кравченко вела не в соответствии с требованиями, предъявляемыми к учету в торговых предприятиях с самостоятельными материально-ответственными продавцами, а совершенно произвольно и к тому же не полно: так, по промтоварному отделу не велось никакого учета, поскольку материально-ответственным продавцом там был муж Кравченко. По бакалейному же отделу и овощному ларьку Кравченко вела учет в обычной тетради, куда она, а иногда и ее муж записывали наименование и количество продуктов, получаемых Гончаровой и Арабаджа, и сумму сданной выручки. Там же выводилась сумма остатков товаров по бакалейному отделу и овощному ларьку. Ни Гончарова, ни Арабаджа, ни Кравченко в тетради не расписывались. Ревизоры не признали эту тетрадь официальным документом, тем более что у Кравченко не было первичных документов, подтверждавших записи в этой тетради, а именно: а) внутримагазинных накладных на передачу товаров от заведующего магазином в бакалейный отдел с расписками на них Гончаровой и б) кассовых ордеров на сдачу выручки продавцами Кравченко. Не представляла Гончарова и пятидневных отчетов, как это делала Арабаджа. Гончарова объяснила, что Кравченко вместе с Плахой сами вели все записи в тетради по бакалейному отделу и не соглашались доверить ей составление отчетов. Одновременно Гончарова сообщила также, что сразу после окончания предыдущей ревизии на 16 февраля 1954 г. Кравченко и Плаха устроили ревизору-инвентаризатору орса Омельченко проводы, для чего взяли в ее отделе 2 л водки, 2 бутылки шампанского и 2 бутылки вермута, не заплатив за это. Такая характерная деталь особенно заинтересовала меня в связи с полным благополучием результатов ревизии, проведенной Омельченко: сумма недостачи по магазину на 16 февраля 1954 г. оказалась меньше, чем допустимая естественная убыль. По словам Гончаровой, в акте ревизии «...сделали недостачу в 1600 руб., чтобы покрыть естественную убыль». Из сопоставления этих двух фактов невольно

родилось предположение, что ревизору Омельченко устроили «широкие проводы» именно за «благополучный» акт ревизии, возможно замаскировавший недостачу, уже тогда имевшуюся в магазине.

Необходимо было изучить этот чересчур благополучный акт ревизии и, в первую очередь, инвентаризационную опись. Вместе с бухгалтером орса Гридневой мы познакомились с документами ревизии. В описи снятия остатков не были выведены итоги по каждому отделу, но поскольку фактические остатки товаров снимались и фиксировались в описи последовательно, отдел за отделом, то, учитывая различный ассортимент товаров в отделах, бухгалтеру можно было выявить итоги по каждому отделу. Оказалось, что на 16 февраля 1954 г. по бакалейному отделу значился остаток товаров на 131 165 руб., по промтоварному — на 300 348 руб. и по овощному ларьку — на 5682 руб., а всего по магазину — на 437 195 руб. При со-поставлении этих данных с записями в тетради Кравченко, где были указаны фактические остатки товаров по бакалейному отделу и овощному ларьку на день ревизии, выяснилось, что сумма остатков по ларьку почти полностью совпала с суммой, подсчитанной Омельченко; остаток же по бакалейному отделу оказался записанным в сумме 136 672 руб., то есть на 5507 руб. больше, чем по данным снятия остатков, выявленным Омельченко. В то же время книжный остаток по бакалейному отделу на 15 февраля согласно данным Кравченко составлял лишь 116 тыс. руб. Выясняя происхождение разрыва между данными инвентаризации и тетради Кравченко, я путем допроса Гончаровой узнал, что в первый день ревизии — 15 февраля 1954 г. ею была сдана выручка в сумме 5507 руб. В доказательство сказанного Гончарова предъявила накладную, датированную 15 февраля 1954 г. с пометками «Бакалея», «в ревизию», где были перечислены денежные купюры с указанием их количества и достоинства на общую сумму 5507 руб. На накладной, подписанной Гончаровой, была также расписка Кравченко в получении данной суммы.

Кравченко, не отрицая получение от Гончаровой выручки в 5507 руб., пояснила, что эта сумма была предъявлена Гончаровой ревизору как кассовое наличие на день ревизии, но Омельченко почему-то не указал ее в акте ревизии, где по магазину в целом значилось наличных

денег всего 399 руб. На вопрос, были ли сданы 5507 руб., полученные от Гончаровой, в кассу орса или Госбанк и имеется ли на эту сумму приходный ордер, Кравченко заявила, что она этого не знает, так как инкассией денег в банк занимался Плаха, которому она 16 февраля передала деньги, полученные от Гончаровой.

Чтобы приступить к допросу Плахи, уже располагая определенными объективными данными, необходимо было предварительно проверить по документам, были ли 5507 руб. сданы в кассу орса. Однако установить это обстоятельство простым осмотром приходных кассовых ордеров не удалось, так как они не всегда выписывались ежедневно, и ими нередко объединялась выручка за несколько дней. Хотя среди приходных ордеров и не оказалось ордера на сумму 5507 руб., это еще не исключало возможности того, что деньги были сданы по какому-нибудь ордеру вместе с другой суммой.

В тетради Кравченко среди записей о сдаче выручки продавцами суммы в 5507 руб. также не значилось.

В таких условиях требовалось сопоставить приходные кассовые ордера за 16, 17 и несколько последующих дней февраля с записями в тетради Кравченко, чтобы уточнить, вошли ли 5507 руб. в одну из сумм, сданных Плахой в кассу орса или Госбанк и оформленных приходными кассовыми ордерами. Но для этого требовалась уже дополнительная ревизия, которую я и предложил организовать начальнику орса.

Значительное, почти на 15 тыс. руб., расхождение между книжным и фактическим остатками товаров по бакалейному отделу на 16 февраля, выявленное при осмотре тетради Кравченко, также привлекло мое внимание. Бухгалтер Гриднева, участвовавшая со мной в осмотре документов, сопоставив записи в тетради о книжных и фактических остатках, заявила, что это расхождение может быть вызвано двумя причинами: либо в бакалейном отделе на день ревизии действительно был излишек товаров, либо данные инвентаризации о фактических остатках не соответствовали действительности, будучи по ошибке или умышленно завышены. Наряду с этим не исключалась возможность ошибки в записях Кравченко, относящихся к книжным данным об остатках товаров.

При допросе Гончаровой по поводу выявленных у нее по делу «излишков» выяснилось, что она о них ничего не

знала, поскольку ни книжных остатков, ни данных инвентаризационной описи по ее отделу Кравченко ей не сообщила.

Кравченко при допросе по этому поводу признала, что ей сразу же стало известно о значительном превышении суммы фактических остатков, определенной Омельченко по бакалейному отделу, против суммы книжных остатков, выведенных в ее тетради. Однако она об этом Гончаровой не сказала и не предложила Омельченко проверить данные инвентаризации по бакалейному отделу. Убедившись после окончания снятия остатков, что в целом по магазину нет ни недостачи, ни излишков, Кравченко, по ее собственному признанию, решила оприходовать излишки по бакалейному отделу, то есть записала в свою тетрадь новый, завышенный остаток товаров, не предупредив об этом Гончарову.

Установив все эти обстоятельства и проконсультировавшись с бухгалтерами орса, я пришел к заключению, что, вне зависимости от того, были ли в бакалейном отделе на 16 февраля реальные излишки товаров или они существовали только на бумаге, в промтоварном отделе на то же число должна была быть недостача на соответствующую сумму. Без этого общие результаты по обоим отделам дали бы превышение фактического остатка над книжным, чего, как известно, при ревизии выявлено не было. Другими словами: излишки по бакалейному отделу должны были компенсировать недостачу по промтоварному отделу. Объяснить же образование излишков в бакалейном отделе за счет недостающих товаров в промтоварном отделе было невозможно, так как совершенно различный ассортимент товаров в этих двух отделах исключал возможность пересортицы или неправильного отнесения стоимости товаров по отделам.

Далее я рассуждал так: если излишков по бакалейному отделу в действительности не было, то недостача по промтоварному отделу являлась одновременно и недостачей по магазину в целом. Отсюда логично вытекала версия: обнаружив недостачу в промтоварном отделе, ревизор Омельченко по сговору с Кравченко и Плаха умышленно завысил данные инвентаризационной описи по бакалейному отделу. Тем самым скрывалась недостача в промтоварном отделе и по магазину в целом; кроме того, ввиду оприходования стоимости излишков на бакалейный

отдел дальнейшая ответственность за недостачу перекладывалась с Плахи на Гончарову, так как при очередной ревизии в бакалейном отделе неизбежно должно было бы не хватить товаров на сумму искусственного завышения остатков. Как известно, именно это и произошло при ревизии, проведенной 17 июня. Однако не имея возможности указать в акте ревизии, за счет какого отдела образовалась недостача, ревизор отнес ее в целом на магазин.

Передо мной стояла задача проверки правильности выдвинутой версии и выяснения, имелась ли действительно недостача по промтоварному отделу на 16 февраля, и если да, то на какую сумму. Лишь решив эту задачу, можно было получить ответ и на основной вопрос — кто из продавцов должен нести ответственность за недостачу в 19 962 руб., выявленную при ревизии 17 июня.

Прежде чем была начата повторная ревизия, я совместно с бухгалтерами орга тщательно ознакомился с официальными отчетными документами по магазину. Оказалось, что первичными документами, на основе которых составлялись отчеты по магазину, являлись копии накладных базы на товары, поступившие в магазин, и приходные кассовые ордера отделения банка или кассы орга, выдаваемые заведующему магазином на каждую сумму сданной выручки.

Решение поставленной задачи облегчалось тем, что на накладных базы имелись расписки не только Кравченко, получавшей товары на базе, но и ответственных продавцов — Гончаровой или Арабаджа, которым она эти товары передавала. Подписей Плахи на накладных не было, так как Кравченко, доверяя ему, как мужу, не только не оформляла, но и не учитывала приход и расход по этому отделу. Но стоимость товаров, полученных промтоварным отделом, можно было установить и без подписей Плахи. Во-первых, поскольку все накладные по другим отделам были подписаны продавцами, то неподписанными оказывались только накладные промтоварного отдела; во-вторых, по ассортименту товаров можно было безошибочно определить те из них, которые поступили в промтоварный отдел.

Сложнее обстояло дело с подсчетом выручки. На кассовых приходных ордерах не указывалось, по каким отделам она сдается. Здесь на помощь пришла все та же тетрадь Кравченко: в ней отмечались суммы выручки, сдан-

ные Гончаровой и Арабаджа. Выручка же по промтоварному отделу хотя и не учитывалась, но могла быть определена сопоставлением сумм выручки, сданных Кравченко по магазину в целом и зафиксированных в кассовых ордерах, с записями в тетради о суммах выручки, сданных Гончаровой и Арабаджа.

Вычитая эти последние суммы из сумм, сданных Кравченко в Госбанк или кассу орса, можно было восстановить и суммы выручки промтоварного отдела.

Своими соображениями о возможности таким путем восстановить учет по промтоварному отделу я поделился со специалистами-бухгалтерами. Они согласились со мной и предложили произвести подсчеты за период работы продавцов Гончаровой и Плахи, то есть с 12 сентября 1953 г., приняв за исходные документы акты приема ими отделов.

При проведении этих подсчетов присутствовали все материально-ответственные лица: Кравченко, Плаха, Гончарова и Арабаджа; все они безоговорочно подписали акт, составленный бухгалтерами.

В результате проведенной работы полностью подтвердилась намеченная мной версия о том, что в промтоварном отделе на 16 февраля действительно имелась недостача на сумму 12 048 р. 95 к. В то же время по бакалейному отделу на 16 февраля должно было быть товаров на 15 208 руб. меньше, чем их было занесено в инвентаризационную опись ревизором Омельченко.

Омельченко даже не пытался отрицать, что остатки товаров по бакалейному отделу на 16 февраля в инвентаризационной описи оказались завышенными против действительного их количества. Объяснял он это обстоятельство своей ошибкой при проведении инвентаризации и, в частности, тем, что мешки с сахаром не перевешивались, при подсчете не переносились с места на место, а поэтому количество мешков могло быть записано в опись ошибочно. Кравченко и Плаха в своих показаниях утверждали, что вообще не знали до последней ревизии об излишках по бакалейному и недостаче по промтоварному отделу на 16 февраля. Следует признать и мою ошибку: я не предложил комиссии установить путем контрольного сличения, мог ли остаток сахара по магазину № 11 на 16 февраля выражаться в таком значительном количестве, как это было записано ревизором Омельченко в инвентаризационной описи, а именно в количестве 2025 кг на об-

шую сумму около 20 тыс. руб. Между тем для проверки достаточно было сопоставить остаток сахара на день приема отдела Гончаровой вместе с приходом за ревизуемый период с остатком сахара на 16 февраля, показанным в инвентаризационной описи. Если бы в остатке на 16 февраля сахара оказалось больше, чем поступило в отдел, то, следовательно, остатки сахара на это число в инвентаризационной описи были искусственно завышены.

Исходя из скорректированных сумм остатков товаров на 16 февраля, тем же методом был восстановлен учет по отделам и за период с 16 февраля по 17 июня. В результате удалось установить, что за этот период недостача у Плахи увеличилась еще на 3192 руб. Если к этой сумме прибавить деньги за продукты, взятые у Арабаджа (1085 руб.), то общая сумма недостачи в промтоварном отделе составит 16 325 руб. Остальная сумма недостачи образовалась в бакалейном отделе вследствие выдачи продуктов Плахе в долг без документов, отсутствия оформления документами испорченных продуктов и т. п.

Таким образом, была решена основная, казавшаяся вначале неразрешимой, задача, установить, каким образом распределялась недостача между материально-ответственными лицами магазина.

В отношении же 5507 руб. мы пришли к заключению, что эта сумма не сдавалась Плахой ни в кассу орса, ни в Госбанк. Это было установлено сопоставлением кассовых приходных ордеров за время с 16 по 20 февраля и записей в тетради Кравченко за те же числа о выручке, сданной продавцами Гончаровой и Арабаджа. Оказалось, что за это время выручка в банк сдавалась лишь по одному кассовому приходному ордеру от 20 февраля на сумму 22 528 руб. Сумма эта точно соответствовала выручке по бакалейному отделу — 13 325 руб. и овощному ларьку — 9 203 руб., записанной в тетради Кравченко за ту же пятидневку — с 16 по 20 февраля. Выручка же в 5507 руб. за 15 февраля в сумму, сданную в банк по ордеру от 20 февраля, не вошла. Не вошла она и в последующие ордера. Поступившие от Гончаровой 5507 руб. в тетради Кравченко были завуалированы путем записи их не как выручки, а как увеличения остатка товаров в бакалейном отделе (с 131 164 р. 60 к. до 136 671 р. 60 к.).

При допросе Плаха продолжал настаивать на том, что основная сумма недостачи относится к бакалейному

отделу. Правда, на прямой вопрос, известны ли ему случаи, чтобы Гончарова брала для себя товары без уплаты, Плаха ответил отрицательно. Так же ответила на этот вопрос и Кравченко. Вместе с тем, будучи изобличен показаниями жены и выводами ревизии, произведенной в его присутствии, Плаха не мог не признать, что 5507 руб. он от Кравченко получил, но в банк их не сдал. Данное обстоятельство он объяснил так: «Эти деньги Кравченко получила от Гончаровой и передала мне. Я, дождавшись общего итога снятия остатков в целом по магазину, сверил свои остатки с остатками Омельченко; они сошлись; недостачи в целом по магазину не было, и 5507 руб. оказались излишками. Эти 5507 руб. я взял себе и потратил на свои личные нужды».

Плаха также не мог ничего возразить против предъявленных ему отчетов Арабаджа, где в графе «расход» против той или другой суммы было указано: «в промтоварный магазин» либо еще определенное: «промтовары Плаха». Большая часть этих отчетов была принята и подписана самим же Плахой.

Что же касается спиртных напитков и продуктов, взятых Плахой в разное время «в долг» в отделе Гончаровой на общую сумму 2300 руб., в том числе и на организацию «проводов» Омельченко, то, пользуясь отсутствием у Гончаровой его расписок или других письменных доказательств, Плаха категорически отрицал свою ответственность за эту часть недостачи по бакалейному отделу, несмотря на то, что на очных ставках несколько человек, в том числе и Кравченко, изобличали его во лжи. Одновременно Кравченко и сама призналась, что принимала отчеты Арабаджа с переводом личного долга Плахи на промтоварный отдел, брала без оплаты у Гончаровой спиртные напитки для угощения ревизора Омельченко.

Занимаясь вопросом обеспечения возмещения ущерба, я обнаружил полное отсутствие имущества на квартире у Кравченко и Плахи. Узнав у одного из шоферов авто-колонны, что Кравченко в процессе следствия ездила к родителям, я произвел у последних обыск и обнаружил там значительное количество имущества Кравченко и Плахи, которое и было полностью описано.

Опыт расследования по данному делу позволил мне сделать некоторые выводы, полезные для дальнейшей

работы по расследованию хищений в торгующих организациях.

Во-первых, необходимость максимального использования документов не только официальной, но и оперативной отчетности. Это, конечно, не означает, что они могут полностью заменить бухгалтерские документы, но в определенных случаях вместе с другими доказательствами они могут иметь важное значение. Решающую роль в изобличении Кравченко и Плахи, как уже известно читателю, сыграла их тетрадь внутреннего учета.

Второй вывод, который я сделал, указывает на недопустимость ограничиваться проверкой приходо-расходных документов лишь за последний ревизионный период. Если бы не был исследован и проверен акт предыдущей ревизии (на 16 февраля 1954 г.) со всеми к нему относящимися документами, не удалось бы выяснить происхождение недостачи, выявленной ревизией 17 июня 1954 г.

Все лица, привлеченные по делу в качестве обвиняемых, были осуждены народным судом: Кравченко и Плаха — по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», Гончарова и Омельченко — по ст. ст. 97 и 99 УК УССР (соответствуют ст. ст. 109 и 111 УК РСФСР).

*Прокурор следственного отдела
прокуратуры Саратовской области*

юрист 1-го класса

П. И. Медведев

ХИЩЕНИЯ БЫЛИ ВСКРЫТЫ В РЕЗУЛЬТАТЕ ТЩАТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИЧИН ПЕРЕСОРТИЦЫ ТОВАРОВ

По инициативе районного прокурора, имевшего сигналы о фактах завышения розничных цен, в отдельных магазинах сельпо и на промтоварном складе Макаровского райпотребсоюза¹ было произведено снятие натуральных остатков.

Во время инвентаризации, а также после сдачи товаров-материальных ценностей заведующий складом Петров представил в бухгалтерию райпотребсоюза несколько дополнительных отчетов с документами, которые не были им предъявлены до начала работы инвентаризационной комиссии. Как выяснилось еще во время бухгалтерской проверки, среди этих документов имелись счета-фактуры, по которым Петров вместо товаров передавал некоторым заведующим магазинами сельпо наличные деньги. Ревизия выявила на складе райпотребсоюза крупную пересортицу по хлопчатобумажным тканям, швейным изделиям и другим товарам. Кроме того, у Петрова была обнаружена недостача разных товаров на сумму более 10 тыс. руб.

По существу фактов, установленных материалами бухгалтерской проверки, районным прокурором было возбуждено уголовное дело. Однако Петров отказался давать показания следователю и районному прокурору, ссылаясь на их необъективность. По указанию областного прокурора производство расследования по этому делу было поручено мне, работавшему тогда старшим следователем областной прокуратуры.

¹ В настоящее время Макаровский район входит в состав Балашовской области.

Допрошенный мною Петров признал наличие у него пересортицы товаров и показал, что на складе имелось большое количество готового платья, тканей разных наименований и других товаров, сходных по своему внешнему виду, и он, будучи перегружен работой, в ряде случаев допускал ошибки при выписке фактур. Артикулы, определяющие цену ряда товаров, он не всегда будто бы сверял с прейскурантом, надеясь на свою память. Пересортица тканей и готовых изделий возникла, по объяснению Петрова, именно вследствие этих причин.

Соглашаясь с фактами неправильного отпуска товаров в торговую сеть по завышенным или заниженным ценам и объясняя это допущенной небрежностью в работе, Петров отрицал наличие в его действиях корыстных мотивов. Он заявлял при этом, что при количественно-суммовом учете на складе использовать суммарную разницу от пересортицы для хищения товаров практически невозможно, так как приход и расход товаров на складе отражался в документах и аналитическом учете. Эти доводы на первый взгляд казались убедительными. Вместе с тем Петров оспаривал размер выявленной у него недостачи товаров, ссылаясь в своих объяснениях на то, что движение товаров по документам проверено не точно, а его возражения по поводу итогов инвентаризации бухгалтером-ревизором райпотребсоюза якобы не были приняты во внимание.

К этому времени следствие еще не располагало данными о том, каким способом пересортица товаров могла быть использована для совершения хищений, если они имели место в действительности. В то же время допросом свидетелей было установлено, что Петров жил не по средствам, часто пьянствовал, заново перестроил свой дом, купил жене золотые часы, дорогое платье и приобрел ряд других ценных вещей, обнаруженных при обыске.

Для того чтобы убедиться в правильности выводов бухгалтерии райпотребсоюза о действительном размере недостачи и выявить причины пересортицы, а тем более установить факты хищения товаров или денег, необходимо было организовать документальную проверку отчетности склада и при помощи квалифицированных ревизоров проанализировать отдельные операции, связанные с отпуском товаров в торговую сеть и продажей их потребителям. По нашему предложению для этой работы были

выделены бухгалтер-ревизор и товаровед облпотребсоюза.

Учитывая, что магазины сельпо, которым Петров отпускал товары по завышенным ценам, производили продажу товаров за наличный расчет, можно было предполагать, что одним из источников хищений мог быть перебор денег с покупателей, вызванный завышением цен.

Ревизорам было дано задание завершить на складе райпотребсоюза документальную сверку движения товаров и правильности применения цен в торговой сети.

В процессе этой сверки, в частности, был выявлен отпуск Петровым по счету-фактуре от 22 июля представителю Дмитриевского сельпо Фионову 300 м кашемира, артикула 948, по цене 15 р. 93 к. за метр. Названная цена кашемира этого артикула соответствовала прейскурантной. Как усматривалось из документов, и это было подтверждено показаниями работников сельпо, товары в сельпо поступали только со склада райпотребсоюза, а на день проверки кашемир был получен только один раз. В то же время при проверке головного магазина этого сельпо были обнаружены остатки кашемира с фабричными этикетками артикула 173. Это обстоятельство явилось основанием для предположения о том, что под видом кашемира артикула 948 со склада райпотребсоюза через сельпо в его головной магазин поступила ткань того же наименования, но артикула 173, розничная цена которой согласно прейскуранту составляла не 15 р. 93 к., а 10 р. 86 к. за метр.

В процессе исследования операции с кашемиром, поступившим в Дмитриевское сельпо, было установлено следующее.

По показаниям Феонова и продавцов Дмитриевского сельпо, товары, полученные по счету-фактуре от 22 июля, были оприходованы и частично проданы по цене, указанной в этом документе. Эти свидетели утверждали, что, реализуя товары, они не обращали внимания на артикул и цену, обозначенные в фабричных этикетках, и руководствовались ценой, указанной в фактуре сельпо, выписанной бухгалтерией на основании фактуры склада райпотребсоюза. При этом в ряде случаев сверка цен по прейскурантам не производилась. Показания тех же лиц подтверждались результатами снятия натурных остатков товаров и выверкой отчетов о сданной выручке. Данные,

установленные расследованием, указывали на то, что в этом случае имел место незаконный перебор денег с потребителей, но хищение исключалось, так как выручка была полностью оприходована.

Одновременно обратила на себя внимание другая операция. По счету-фактуре от 23 июля со склада райпотребсоюза было отпущено заведующему головным магазином Макаровского сельпо Мызникову 300 м кашемира, артикула 173, по розничной цене 10 р. 86 к. При сверке документов с товарами, имевшимися в наличии, кашемира артикула 173 в этом магазине не оказалось, но были обнаружены остатки кашемира артикула 948, подлежащего продаже по цене 15 р. 93 к. Согласно акту ревизии, в головной магазин Макаровского сельпо кашемир поступил только по фактуре от 23 июля. Этот факт давал основание предположить, что со склада райпотребсоюза Мызникову фактически был отпущен кашемир артикула 948 вместо кашемира артикула 173, как значилось в фактуре, выписанной Петровым.

По показаниям членов лавочной комиссии, кашемир продавался в головном магазине Макаровского сельпо по цене 15 р. 93 к. Эти же свидетели назвали ряд граждан, которые на допросе подтвердили факты покупки ими кашемира по той же цене.

Будучи допрошен по делу, Мызников вынужден был подтвердить данное обстоятельство и признался в том, что, отпуская кашемир по цене 10 р. 86 к., Петров предупредил его, что действительная цена этой ткани 15 р. 93 к. и ее можно продать в соответствии с артикулом, указанным в фабричных этикетках, по цене 15 р. 93 к. Одновременно, с согласия Мызникова, Петров не додал ему другие товары: обувь, трикотажные изделия и прочие, включенные им в счет-фактуру от 23 июля, на сумму 1521 руб. Эта сумма как раз и являлась той разницей, которую можно было присвоить, если бы кашемир был продан не по цене, указанной в фактуре, а по действительной цене. По показанию Мызникова, данная незаконная операция была совершена не в целях хищения с его участием, а вследствие того, что, по словам Петрова, у него на складе произошла пересортица, вызванная допущенными им ошибками при отпуске товаров другим получателям, которую он мог перекрыть товарами, не выданными по фактуре от 23 июля.

Допрошенный Петров отрицал преступное соглашение с Мызниковым о продаже кашемира по цене, не соответствующей указанной в счете-фактуре, а также не подтвердил факта неотпуска товаров на сумму 1521 руб.

При проверке показаний Мызникова возник вопрос, как мог быть присвоен излишек товаров, недоданных Мызникову? Допросами сторожа, рабочего склада, некоторых получателей товаров и работников конторы райпотребсоюза я установил, что Петров в ряде случаев продавал товары со склада за наличный расчет, в том числе товары, наименование которых совпадало с товарами, недополученными Мызниковым по фактуре от 23 июля.

Для того чтобы замкнуть цепь доказательств, подтверждающих факт хищения, требовалось также установить, каким образом описанные выше операции были отражены в учете на складе и в бухгалтерии райпотребсоюза.

Результаты сличения фактур, по которым был отпущен кашемир Дмитриевскому сельпо и головному магазину Макаровского сельпо, оказались довольно любопытными. Они позволили более четко уяснить прием, применявшийся Петровым для маскировки хищения. Это видно из следующей таблицы.

Отпущено кашемира по документам склада райпотребсоюза	Фактически получено	Результаты
1. Феонову — 300 м, арт. 948, по цене 15 р. 93 к., на сумму 4779 руб.	1. Феоновым 300 м, арт. 173, по цене 10 р. 86 к., на сумму 3258 руб.	Создан суммарный излишек в учете склада на сумму 1521 руб.
2. Мызникову — 300 м, арт. 173, по цене 10 р. 86 к., на сумму 3258 руб.	2. Мызниковым — 300 м, арт. 948, по цене 15 р. 93 к., на сумму 4779 руб.	Скрыт суммарный излишек на 1521 руб.
Итого — 8035 руб.	8035 руб.	Расхождений в учете по складу нет

Таким образом, на складе и в бухгалтерии райпотребсоюза расход кашемира балансировался по артикулам, количеству метров, цене и общей сумме, а образовавшийся суммарный излишек, вызванный пересортировкой кашемира при отпуске его Дмитриевскому сельпо и головному магазину Макаровского сельпо, в данном случае не мог быть учтен по документам. Не получил отра-

жения в учете и излишек товаров, недоданных Мызнико-
ву, так как эти товары числились полученными им и на
основании счета-фактуры от 23 июля были списаны со
склада райпотребсоюза на счет Макаровского сельпо.

Излишков этих товаров также не оказалось и в на-
туре, что подтверждалось сличительной ведомостью дви-
жения товаро-материальных ценностей на складе, со-
ставленной ревизорами.

Приведенный выше анализ документов и материалы
расследования достаточно убедительно опровергали
утверждения Петрова о невозможности присвоения раз-
ницы от завышения цен при количественно-суммовом
учете товаров и подтверждали показания Мызникова по
поводу перекрытия стоимости недополученных им това-
ров суммарным излишком, образовавшимся от заниже-
ния в фактуре розничной цены на кашемир.

Для уяснения этого способа хищения и скрытия сле-
дов преступления здесь подробно описана лишь одна опе-
рация. В действительности же в ходе расследования был
выявлен ряд других аналогичных операций. На после-
дующем допросе Мызников показал, что Петров, исполь-
зуя его неопытность и доверчивость, систематически не-
додавал ему часть товаров, а ему компенсировал их
стоимость путем отпуска других товаров по заниженной
цене, которые он, Мызников, продавал покупателям по
действительной цене. Согласно записей, обнаруженных
при обыске у Мызникова, в течение трех месяцев Петров
недодал ему разных тканей, готового платья, трикотажа
и других товаров, имевших наибольший спрос у потреби-
телей, на сумму до 10 тыс. руб. Изъяв фактуры из отчес-
тов Мызникова и Петрова, я исследовал операции, отме-
ченные в записях у Мызникова. Излишков товаров, недод-
анных Мызникову, как и в ранее описанном случае, на
складе райпотребсоюза не оказалось, так как к моменту
снятия натурных остатков они уже были Петровым не-
законно реализованы.

Такой способ хищения позволял преступникам избе-
жать видимых убытков, которые могли быть причинены
райпотребсоюзу путем прямого изъятия товаров, и являл-
ся, по их мнению, более безопасным, так как изъятие то-
варов или денег производилось за счет суммарного ре-
зерва, созданного на складе в результате обмана Петро-
вым работников сельпо, по незнанию продававших насе-

лению более дешевый товар по дорогой цене, указанной в фактуре склада. Этот способ хищения для преступников был менее опасен еще и потому, что если бы превышение цен в торговой сети было выявлено, имевшую место пересортицу при отпуске товаров Петров мог объяснить ошибками и невнимательностью в момент выписки фактур и в худшем случае нести ответственность не за хищение, а за допущенную халатность.

В процессе исследования других операций, связанных с отпуском товаров сельпо, был установлен еще один способ хищения, несколько отличающийся от описанного выше. Он заключался в том, что суммарный излишек создавался не на складе у Петрова, а у его соучастников — заведующих магазинами, путем завышения цен на товары, отпущенные в торговую сеть, а затем возвращенные на склад под предлогом, что они как будто не имеют спроса у покупателей.

Ревизией были выявлены факты, свидетельствующие о том, что товары, и главным образом хлопчатобумажные ткани, отпущенные Мызникову и другому заведующему магазином Макаровского сельпо — Лукину, в ряде случаев возвращались этими лицами на склад райпотребсоюза по цене, значительно превышающей ранее указанную в фактурах на получение этих товаров со склада. Так, в товарных отчетах Лукина и Петрова была обнаружена фактура от 27 марта, по которой Петров принял от Лукина в порядке возврата 908,15 м диагонали, артикула 371, по цене 17 р. 15 к.

Из акта инвентаризации магазина и документов усматривалось, что у Лукина по состоянию на 1 января имелось в остатке диагонали всего лишь 28 м, по цене 18 р. 57 к. Ткани того же наименования, по цене 17 р. 15 к., в магазин не поступало, а 11 января Лукин якобы получил от Петрова 1000 м диагонали, артикула 370, по цене 14 р. 31 к. и 500 кг хозяйственного мыла, на сумму 3090 руб. По заключению ревизоров, фактуры от 11 января и 27 марта являлись бестоварными. Об этом, по их мнению, свидетельствовали следующие факты: на получение товаров по фактуре от 11 января Лукин не имел доверенности правления сельпо; операция, связанная с возвратом диагонали, была осуществлена без разрешения правления сельпо; если Лукин действительно получил диагональ, то она могла быть возвращена на склад

райпотребсоюза только по цене 14 р. 31 к., указанной в фактуре от 11 января, а не по цене 17 р. 15 к. Эти данные давали основание для выдвижения версии о том, что фактуры от 11 января и 27 марта являлись фиктивными и были составлены в целях завышения цены на диагональ и хищения других товаров.

Допрошенный по этому поводу Лукин пытался отрицать бестоварность названных выше документов, однако признал, что 500 кг мыла по счету-фактуре от 11 января он не получил. На недоданный товар Петров выдал ему временную расписку. Позже Лукин предъявил эту расписку Петрову, требуя выдачи неполученного мыла. Петров мыла не отпустил, ссылаясь на отсутствие его на складе, но в целях погашения своей задолженности по недоданному товару предложил Лукину возвратить на склад полученную им диагональ по цене 17 р. 15 к., вместо ранее указанной цены — 14 р. 31 к.

В результате завышения цены на диагональ по фактуре от 27 марта у Лукина образовался суммарный излишек в размере 2587 руб., но так как стоимость неполученного им мыла составляла 3090 руб., разница в сумме 503 руб. была возмещена Лукину путем выписки им дополнительной бестоварной фактуры от 27 марта, по которой он как будто бы возвратил на склад райпотребсоюза, а Петров принял пять пар детских галош, одну пару сапог и 15 пар женских чулок на ту же сумму.

Показания Лукина подтверждались фактами, изъятыми мною из отчетов Лукина и Петрова. В бухгалтерии сельпо по неопытности бухгалтера стоимость диагонали была списана с подотчета Лукина по завышенной цене.

Как было подтверждено документами, в последующее время диагональ, возвращенную Мызниковым на склад райпотребсоюза, Петров отфактуровал в другие магазины по завышенной цене, указанной в фактуре от 27 марта.

Описанная операция давала возможность Петрову, во-первых, присвоить 500 кг мыла, недоданного Лукину, во-вторых, создать суммарный излишек по диагонали, который он мог изъять, осуществив в дальнейшем операцию с пересортицей товаров аналогичную той, которую он проделал при отпуске кашемира.

Петров отрицал эту преступную операцию и факт хищения мыла, утверждая, что товары по фактуре от 11 ян-

варя он отпустил Лукину полностью. По объяснению Петрова, в том случае, если бы он не выдал мыла, на складе должен был образоваться излишек. В целях проверки показаний Петрова и Лукина было проверено движение мыла на складе райпотребсоюза, однако излишков не оказалось.

Тот факт, что мыло в магазин не поступало, был подтвержден показаниями свидетелей. В то же время было установлено, что Петров продавал хозяйственное мыло, отпуская его со склада отдельным лицам за наличный расчет.

Наибольшее количество фиктивных операций, связанных с возвратом товаров на склад по завышенным ценам, было совершено Петровым с участием Мызникова. Это подтверждалось материалами ревизии, актами списания остатков товаров с артикулами и ценами по счетам-фактурам склада, документами о возврате товаров на склад, фактурами на отпуск товаров тех же наименований другим получателям, данными о результатах сверки цен на товары тех же артикулов по прейскурантам. Мною были изъяты подлинники фактур и исследованы все эти операции, факты создания суммарных излишков и использования их для хищения других товаров.

Из показаний Мызникова и согласно записей, обнаруженных у него при обыске, следовало, что он, по предложению Петрова, возвратил на склад райпотребсоюза разных товаров на сумму более 30 тыс. руб., соответственно завысив их стоимость. В частности, по счету-фактуре от 21 июля Петров оформил передачу Мызникову 440,1 м диагонали, по цене 10 р. 25 к. По фактуре от 11 июля Мызников возвратил эту ткань в том же количестве на склад Петрову, но по цене 17 р. 16 к., а за счет образовавшейся разницы на эту сумму были похищены недоданные ему Петровым хозяйственная посуда, обувь и другие товары.

В процессе выяснения вопроса о том, почему применялся именно этот прием создания суммарных излишков, мне стало ясно, что Петров, действуя весьма осторожно, всячески стремился скрыть улики, которые могли бы изобличить его как участника хищения.

Отрицая факты хищения недоданных товаров, Петров ссылался в своих объяснениях на то, что цены на товары,

возвращенные на склад, были завышены Мызниковым и Лукиным, а он, не посмотрев в прейскурант, по ошибке отпустил эти товары по той же завышенной цене в другие магазины.

Как было установлено допросом других работников сельпо, не причастных к хищению, Петров обманывал их, систематически недодавая товары, указанные в выписанных им фактурах. Вместо этих товаров он выдавал получателям временные расписки; через некоторое время заменял их другими товарами; в ряде случаев отпускал товары, не выписывая фактур, под временные расписки, затем включал их в фактуры при отпуске других товаров. Этими действиями Петров создавал обстановку для скрытия недостач и пересортицы, возникших на складах в связи с хищением товаров.

При исследовании причин недостачи товаров на складе райпотребсоюза важное доказательственное значение имели изъятые у Мызникова черновые записи, указывающие на его расчеты с Петровым при реализации товаров. В частности, при обыске у Мызникова была обнаружена заметка, написанная рукой Петрова, на следующие товары: два платка, десять пар мужских носков, десять пар дамских чулок, двадцать мужских рубашек — всего на сумму 1691 р. 10 к. Как было установлено ревизией, отпуск этих товаров не был отражен в расходных документах склада по отчетам Петрова. Допрошенный по этому поводу Мызников показал, что в мае Петров выдал ему названные выше товары без документов. Для памяти он передал ему свою заметку с обозначением в ней перечня товаров, их количества и цены. Эти товары были проданы, а выручка присвоена. Таким способом Петров реализовал и часть других товаров, недостача которых была обнаружена на складе. Расследованием также установлено, что недостача товаров на складе райпотребсоюза возникла главным образом по той причине, что к моменту инвентаризации, проведенной внезапно, Петров не смог урегулировать расчеты со своими соучастниками Мызниковым и Лукиным, а также и с другими работниками сельпо, которых он обманывал при отпуске товаров.

Описанные выше незаконные операции с товарами повлекли образование недостачи у Мызникова. Она возникла по двум причинам: 1) к моменту внезапной инвентаризации ему не удалось еще продать часть товаров,

принятых от Петрова по заниженной цене, и перекрыть излишней выручкой стоимость недополученных и похищенных товаров; 2) после того, как выявленная ревизией суммарная разница от завышения цен на возвращенные товары была обращена в начет Мызникову, в его подотчете образовался суммарный разрыв по товарам, не полученным со склада, но оприходованным в магазине.

Общий ущерб, причиненный в результате хищений, составил 33 129 р. 89 к.

Петров и его соучастники — Мызников и Лукин были привлечены к ответственности и осуждены по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г.

— — — — —

*Старший следователь прокуратуры
Хабаровского края
юрист 3-го класса*

A. B. Лопаткин

ОТ УСТАНОВЛЕНИЯ СПЕКУЛЯЦИИ К РАСКРЫТИЮ ХИЩЕНИЯ

На рынках Хабаровска были замечены многочисленные факты продажи промышленных товаров по спекулятивным ценам. Органам милиции оперативным путем удалось установить некоторых лиц, систематически занимающихся спекуляцией. Среди этих лиц оказались работники Хабаровского универмага: заведующий складом готового платья Косычев, рабочий этого склада Янов, заведующий гаражом Качинский, механик гаража Якутов и Непомнящий, ранее работавший рабочим склада универмага. Продажей товаров по спекулятивным ценам занимались, кроме того, экспедитор горпищеторга Николаев, а также нигде не работающие Сарваров и Фиткулин.

Работниками милиции было выявлено несколько человек, которые покупали на рынке товары по спекулятивным ценам. Эти лица сообщили, какие именно товары они покупали, какого качества, по какой цене. Они рассказали также и о внешности лиц, продававших эти вещи. При этом работники милиции предъявили покупателям фотографии, среди которых были и фотографии работников универмага, подозревавшихся в спекуляции. Во многих случаях покупатели опознавали тех или иных работников универмага и указывали, что именно у этих лиц они покупали различные новые вещи по спекулятивной цене. По признакам ст. 107 УК РСФСР было возбуждено уголовное дело. У лиц, систематически занимающихся перепродажей новых вещей, в один и тот же день произвели обыски, после чего они были вызваны на допрос. Особо существенных результатов обыски не дали. Только в квартире Янова было найдено несколько пар новых

резиновых бот. На допросах работники универмага категорически отрицали занятие спекуляцией.

Вызванные на допрос покупатели повторили свои прежние показания. Некоторые из них утверждали, что лица, у которых покупались отрезы шевиота, костюмы или другие вещи, ходили по рынку группами в два-три человека.

О фактах продажи вещей по спекулятивным ценам экспедитором горпищеторга Николаевым показали девять свидетелей, покупавших у него эти вещи. Он продавал новые мужские костюмы, отрезы шевиота, покрыва-ла и другие промышленные товары. Некоторые свидетели при предъявлении им фотографий работников универмага указали, что они видели вместе с Николаевым рабо-чего склада универмага Янова. Другие вместе с ними ви-дели на рынке и Косычева. Когда лица, покупавшие у Николаева те или иные вещи, просили его снизить цену, Николаев советовался с Яновым или Косычевым, и, если последние соглашались, вещь продавалась дешевле первоначально назначенной цены.

Это свидетельствовало о преступной связи между от-дельными работниками универмага и другими спекулян-тами, действовавшими совместно друг с другом.

После проведения очных ставок Николаева с покупа-телями он признал свое участие в спекуляции. Николаев показал также, что товары для продажи ему передавал заведующий складом готового платья универмага Косы-чев. За продажу каждой вещи в зависимости от ее це-ны Николаев получал от Косычева 50 или 100 руб.

Показания другой группы свидетелей из числа покупа-телей изобличали в постоянных занятиях спекуляцией нигде не работавшего Фиткулина. После проведения оч-ных ставок Фиткулин вынужден был признать факты продажи товаров по спекулятивным ценам, сообщив при этом, что все вещи для продажи на рынке он получал или у рабочего склада Янова, или у заведующего гара-жом универмага Качинского, который платил ему день-ги за эти «услуги».

Изобличенный в спекуляции Янов сознался в совер-шенном преступлении и показал, что вещи для продажи он получал от заведующих складами обуви и готового платья Уколова и Косычева. Он, в свою очередь, переда-вал их Фиткулину или Сарварову, а иногда продавал и

сам. Янов рассказал, как он выносил предназначенные для продажи мужские костюмы со склада Косычева, откуда без копий чеков об оплате товаров через кассу ничего выносить было нельзя. Так как таких чеков Косычев Янову не давал, Янов надевал на себя пиджак от костюма, брюки прятал за пояс, и таким образом проносил костюмы мимо охраны.

О спекулятивной деятельности заведующего складом универмага Косычева дала подробные показания заведующая филиалом № 4 универмага Мукина. Филиал универмага был расположен на территории рынка. Мукина рассказала, что Косычев, отпуская партию товаров, часто давал указание не пускать в продажу такие, например, товары, как костюмы. Через некоторое время он приходил к ней в магазин, забирал оставленные товары и через кого-то, здесь же на рынке, их продавал. Деньги за взятые в магазине товары он отдавал обычно после их продажи. Иногда при таких операциях Косычеву помогал Янов.

Изобличенные показаниями покупателей, а также и своих соучастников, другие члены преступной шайки рассказали о своей спекулятивной деятельности.

Таким путем в течение нескольких дней благодаря активной работе органов милиции была раскрыта преступная деятельность большой группы спекулянтов. Непосредственной продажей товаров на рынке занимались в большинстве случаев лица, не работающие в универмаге. Это были Сарваров, Фиткулин, Николаев и некоторые другие. Как было видно из показаний Янова и других дощеренных лиц, следующим звеном в этой преступной группе были заведующий гаражом универмага Качинский, механик гаража Якутов и сам Янов. Эта группа занималась передачей вещей для продажи Сарварову, Фиткулину и другим от Уколова и Косычева — заведующих складами универмага.

Все деньги, получаемые после продажи товаров, передавались Уколову и Косычеву. Остальные участники преступной группы получали от них за свою «работу» от 25 до 100 руб.

Всем упомянутым выше лицам было предъявлено обвинение по ст. 107 УК РСФСР. На допросах в качестве обвиняемых все преступники, в том числе Уколов и Косычев, признали себя виновными в систематическом занятии

спекуляцией и назвали ряд конкретных фактов продажи товаров, взятых из универмага или его филиалов. Стоимость товаров, взятых для продажи, по словам Уколова и Косычева, всегда заранее оплачивалась через кассы. Только в редких случаях деньги вносились в кассу уже после продажи товаров на рынке.

В таком состоянии уголовное дело было передано в прокуратуру Хабаровского края и его дальнейшее расследование было поручено мне.

При изучении материалов дела я обратил внимание на протокол допроса заведующей филиалом № 4 универмага Мукиной. В основном ее показания относились к фактам покупки Косычевым в филиале № 4 мужских костюмов. Но на этом же допросе Мукина также упоминала об одном факте получения от Уколова со склада универмага партии обуви, в которой ею была обнаружена пересортица. Никаких уточняющих вопросов Мукиной по поводу пересортицы товаров на допросе задано не было. Не выяснено было также, имелись ли другие случаи пересортицы товаров при поступлении их из универмага в филиал.

О нескольких фактах пересортицы товаров при передаче их в отделы и филиалы универмага показал и Янов. Но и у него не была выяснена причина образования этих пересортиц, и подробно по этому вопросу он допрошен не был.

Зная по опыту расследования других уголовных дел, что пересортица товаров нередко встречается там, где происходят хищения, я заинтересовался этим обстоятельством и решил его проверить. Возникло предположение, что, возможно, и на этот раз преступление не ограничилось спекуляцией, а было связано с хищением.

Проверку этой версии я начал с допроса Янова. Он повторил свои прежние показания о спекулятивной деятельности работников универмага. Затем я предложил Янову рассказать о пересортицах, имевших место при передаче товаров со склада универмага в филиалы. Оказалось, что такие факты были довольно частыми. Заведующие складами Косычев и Уколов систематически недодавали в отделы универмага и в его филиалы товары, которые были указаны в фактурах. Вместо них на ту же сумму выдавались другие, обычно более дорогие товары.

Таким образом, подтвердилось, что пересортица создавалась Косычевым и Уколовым умышленно.

После принятия дела к производству мною была назначена ревизия. Вскоре от ревизоров стало известно, что при приеме партий товаров, поступающих на склад универмага, систематически выявлялось расхождение между действительным качеством полученных товаров и данными о сортах товаров в сопроводительных документах поставщиков. В универмаг поступали товары более низких сортов. Чаще всего это имело место с обувью и костюмами. При обнаружении таких фактов в универмаге либо составлялся специальный акт с участием представителя поставщика, либо образцы партии товаров направлялись на товарную экспертизу.

На первый взгляд такой перевод товаров из одного сорта в другой не вызывал подозрений, так как это оформлялось соответствующими документами. Но частое повторение таких случаев говорило о необходимости их тщательной проверки.

На допрос снова был вызван Янов. При этом было учтено, что он один из первых признал себя виновным в спекуляции и давал уже показания, разоблачающие преступную деятельность других работников универмага. Но на этом допросе Янов долгое время утверждал, что он ничего не знает о составлении актов на разбраковку товаров и никогда не принимал участия в их составлении. Однако еще до начала допроса Янова при осмотре актов, переданных мне ревизорами, я обратил внимание, что на двух из них имелись подписи Янова. Как выяснилось, Янов в тот период времени исполнял обязанности помощника заведующего складом. Эти акты и сыграли решающую роль при допросе Янова. После того как его первоначальные показания были зафиксированы в протоколе и подписаны Яновым, ему были предъявлены акты, в которых имелись его подписи. Янов вынужден был признать свое участие в разбраковке обуви. Его показания объяснили, какие именно махинации скрывались за этими актами. Возникшее у меня в связи с выявлением пересортиц предположение о совершении в универмаге хищений подтвердилось.

Янов рассказал, что при поступлении товаров в универмаг, действительно, часто обнаруживалось несоответствие качества товаров тем данным, которые были указаны

ны в сопроводительных документах и счете на оплату этих товаров. Например, обувь, которая поступала первым сортом, имела большие дефекты и переводилась во второй или даже третий сорт. В составлении актов о разбраковке товаров обычно принимали участие бракер универмага Леньшин, заведующие складами, а также представитель фабрики-поставщика. При разбраковке обуви, поступавшей обычно от одной и той же фабрики, в комиссии всегда участвовал представитель фабрики Акимов. Фабрикам-поставщикам универмаг направлял рекламации, которые, как правило, удовлетворялись.

Забракованные товары приходовались по универмагу согласно заключению комиссии по разбраковке или актам товарных экспертиз. Однако перемаркировка на разбракованных товарах не делалась. Акты о перемаркировке также не составлялись. При переводе обуви из более высокого сорта в низший сорт отметки о перемаркировке делались только на коробках, да и то не всегда. На самой же обуви оставались прежние обозначения артикула и сорта.

Янов рассказал, что если вначале такие операции совершились, когда товары действительно оказывались более низких сортов, то позже, «войдя во вкус» этих операций, товары разбраковывались преступниками и тогда, когда на самом деле никаких оснований для этого не было.

Дальнейшие операции с разбракованными товарами сводились к следующему. Например, при отпуске обуви в филиал универмага Уколов в соответствии с актом о разбраковке указывал в фактуре, что в филиал направляется обувь третьего сорта на определенную сумму. Заведующему филиалом объясняли, что так как на складе универмага образовалась пересортица, вместо обуви третьего сорта в филиал будет отпущена на ту же сумму обувь первого сорта. Фактически же в филиал под видом обуви первого сорта направлялась обувь, подвергавшаяся разбраковке и оприходованная по складу универмага более низким сортом. Выдавать эту обувь за обувь первого сорта преступники могли потому, что при разбраковке обуви новая маркировка на ней умышленно не ставилась. Аналогичные махинации проделывались и на складе готового платья. В результате у преступников образовывался излишек товаров на складе, который они

могли реализовать, присваивая вырученные деньги. Продавались эти товары на рынке по спекулятивных ценам.

Возникла задача проверить и подтвердить эти показания другими доказательствами. Допрос Уколова, Косычева и Акимова ничего в этом отношении не дал. Они категорически отрицали факты, сообщенные Яновым. Заведующие филиалами универмага Шкинева и Мукина и заведующий одним из отделов универмага, которым чаще всего направлялись браковавшиеся товары, подтверждали факты пересортицы при приеме товаров со складов.

После консультации с ревизорами решено было установить, каким сортом и по какой цене продавались товары, полученные от Косычева и Уколова, в филиалах и отделах универмага.

Для этой работы намечалось использовать мягкие товарные чеки, которые выписывались при продаже товаров. По этим чекам предполагалось установить сорта и цены продававшихся товаров. Только так можно было добывать доказательства, подтверждающие факты продажи товаров низких сортов по цене более высоких сортов.

Мягкие чеки должны были храниться в магазинах от одной до другой инвентаризации. В данном случае они сохранились за последние три месяца.

Все мягкие чеки были изъяты в отделах универмага и его филиалах и опломбированы. Таких чеков оказалось очень много — пять мешков.

Отбор чеков на продажу обуви и готового платья занял очень много времени, так как приходилось перебирать каждую бумажку. Следующий этап работы заключался в сортировке этих чеков по сортам и цене проданных товаров.

По каждому виду товаров, проданных согласно отобранным мягким чекам, была составлена сличительная ведомость. Вся работа с самого начала проводилась в присутствии материально-ответственных лиц.

Когда было закончено составление сличительных ведомостей, показывающих, сколько и каких товаров продано в том или ином магазине, эти ведомости сопоставлялись с приходными фактами и товарными отчетами материально-ответственных лиц. Результаты проведенной ревизии вполне оправдали проделанную трудоемкую работу. Было установлено, что во многих случаях товары, включенные

в фактуры, заменялись другими, более дорогими товарами, обычно того же наименования, но более высокого сорта. При этом оказалось, что это как раз и были те товары, которые подвергались в универмаге разбраковке. Однако в филиалах и отделах универмага они продавались тем же сортом и по той же цене, которые значились в документах фабрики-поставщика. Так, по филиалу № 3, которым заведовала Шкинева, было установлено, что по одной фактуре сюда поступили мужские туфли третьего сорта, стоимостью 350 руб. При осмотре же мягких товарных чеков оказалось, что в продаже таких туфель не было. Вместо них на ту же сумму в магазин поступили и продавались мужские туфли первого сорта по цене 400 руб. В документах же склада универмага имелся акт качественной приемки обуви, согласно которому вся партия мужских туфель первого сорта, по цене 400 руб. за пару, оказалась с дефектами, а потому эта обувь была переведена в третий сорт и направлена для продажи в филиал универмага № 3. Таким образом, только на одной этой партии мужских туфель преступники получали возможность присваивать одну из каждого восьми пар мужских туфель. Продав семь пар по цене 400 руб., они отчитывались в продаже восьми пар туфель по 350 руб. Обувь, оставшаяся в излишке, сбывалась по спекулятивным ценам.

Результаты ревизии подтвердили показания Янова и изобличили работников универмага в хищении социалистической собственности. Народным судом участники хищения и спекуляции были осуждены. Суд второй инстанции приговор оставил в силе.

Приведенное уголовное дело является хорошим примером правильного выдвижения версии о хищении товаров. Эта версия была выдвинута в связи с тем, что при расследовании фактов спекуляции удалось установить связь спекулянтов с работниками универмага. Недостаточно внимательное выяснение такого рода обстоятельств дела может привести к тому, что преступление в полном объеме останется нераскрытым.

*Старший следователь прокуратуры
Кемеровской области
юрист 1-го класса
А. Н. Лунев*

ТЩАТЕЛЬНЫЙ ОСМОТР МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПОМОГ РАЗОБЛАЧИТЬ ПРЕСТУПНИКОВ

2 февраля 1954 г. в 4 часа утра в органы милиции г. Осинники Кемеровской области, поступило сообщение, что в поселке Калтан в магазине № 5 орса Южкузбассгрест совершена кража неизвестными лицами.

В поселок немедленно выехали работники милиции.

Из опроса сторожа магазина Горелова было установлено, что 1 февраля 1954 г. он принял магазин в 7 час. 45 мин. вечера в присутствии Блиновой, Поземиной и Каргополовой — продавцов хлебного, промтоварного и гастрономического отделов. Горелов закрыл окна внутренними ставнями, после чего двери были заперты на замки и опломбированы. Ключи от магазина взяла Каргополова. Горелов охранял не только магазин, но и столовую, которая находилась в том же здании. Примерно в 2—3 часа ночи Горелов ушел в «раздевалку» столовой, чтобы погреться. Минут через сорок он вышел оттуда и пошел в обход. Горелов заметил, что форточка одного окна магазина открыта и в окне отсутствуют ставни. Сторож немедленно поднял тревогу и сообщил о случившемся в милицию. До прибытия работников милиции в магазин никто не входил.

Осматривая место происшествия, работники милиции установили, что две двери магазина были закрыты на висячие замки и не имели никаких следов взлома. Одно окно магазина было закрыто изнутри ставнями. Ставни же другого окна закрыты не были, форточка этого окна была открыта, никаких следов повреждений на окнах не имелось.

При внутреннем осмотре помещения магазина оказалось, что ставни, которыми закрывалось окно, стоят при-

слоненными к подоконнику. Товары были разбросаны в беспорядке. В разных отделах магазина валялись деньги. Так, в кабинете заведующего под диваном было обнаружено 1930 руб., завернутые в халат. Под прилавком хлебного отдела в бумаге лежали 1306 руб.; в гастрономическом отделе на полу лежали 80 руб., купюрами по 1 руб., а в небольшом фанерном ящичке лежали завернутые в полотенце 2892 руб.; в промтоварном отделе на прилавке было найдено 2012 руб., завернутые в тряпку.

В промтоварном отделе на прилавке лежали две пустых коробочки, в которых были паспорта от часов марки «Победа» и «Звезда».

Кроме того, внутри магазина около дверей был обнаружен узел, в котором оказались 12 м желтого атласа и старые дамские резиновые боты. Внутри бот находились шерстяные тряпки цвета хаки и деревянные каблуки. Все эти предметы были изъяты.

После осмотра места происшествия были допрошены продавцы магазина. Они объяснили, почему деньги оказались разбросанными в различных местах магазина. Дело в том, что деньги, полученные ими от продажи товаров после обеденного перерыва, они сдавали заведующей магазином на другой день утром перед началом работы. В связи с этим каждый продавец после окончания работы прятал на ночь свою дневную выручку.

Допросами продавцов и заведующего магазином было установлено, что обнаруженные на месте происшествия боты не принадлежат ни одному из сотрудников магазина и как они попали в магазин, не известно. Продавец промтоварного отдела Поземина заявила, что у нее пропало большое количество товаров, но, когда ей предложили указать, что конкретно было украдено, она смогла назвать только дамское пальто и часы марок «Звезда» и «Победа». Показаниями продавцов было подробно установлено, были ли закрыты окна ставнями, в каком состоянии находились товары и т. д.

Продавцы подтвердили тот факт, что сторож магазина Горелов в их присутствии закрыл окна ставнями. Все товары в магазине перед уходом продавцов были сложены в определенном порядке. Исходя из всех показаний, можно было прийти к выводу, что в магазине кто-то побывал.

На основании данных осмотра и допросов свидетелей у работников милиции, производивших расследование, возникли две основные версии преступления: 1) кража товаров совершена посторонним магазину лицом или лицами; 2) имела место инсценировка кражи работниками магазина. Обе эти версии в ходе следствия проверялись одновременно.

Версия об инсценировке кражи возникла потому, что поведение преступников, похитивших товары, но не взявших деньги, казалось странным. Кроме того, как было установлено осмотром и допросом сторожа Горелова, окна магазина закрывались ставнями изнутри. При этом ставни закрывали и форточки. Из осмотра следовало, что двери, стены, потолок и пол никаких следов взлома не имели, следовательно, преступник мог проникнуть только через одну из форточек. Для этого ему предварительно нужно было каким-то путем открыть ставни, находящиеся с внутренней стороны окна.

В целях проверки, возможно ли открыть форточку с улицы, был проведен следственный эксперимент, результаты которого позволили сделать вывод, что форточку с улицы открыть нельзя.

Следственный эксперимент был организован и для установления возможности для человека выбраться из магазина через форточку на улицу. Оказалось, что взрослый человек может свободно пролезть через форточку. Поэтому одновременно с версией об инсценировке кражи возникло новое предположение, что преступник, воспользовавшись халатностью работников магазина и сторожа, по окончании рабочего дня остался в магазине, а ночью совершил кражу и скрылся. Эту версию можно было допустить, исходя из того, что сторож отлучался на время от магазина в «раздевалку».

Для установления количества похищенных товаров была назначена ревизия магазина.

Для выявления лиц, которые могли совершить кражу товаров из магазина, работа проводилась в двух направлениях. Прежде всего были допрошены все сотрудники магазина для выяснения, кто из граждан находился в магазине перед его закрытием и кого из них не видели выходящим из магазина. Были проверены личности этих покупателей и местонахождение их в ночь совершения кражи. Продавцы запомнили только трех человек, кото-

рых они не видели уходящими из магазина перед его закрытием. Проведенной проверкой удалось установить, что все трое в этот день ночевали дома и после 10—11 часов вечера никуда из дома не отлучались.

Тогда работники милиции пошли по другому пути.

Так как в узле, обнаруженному в магазине, были найдены старые дамские боты, можно было предположить, что преступником была женщина, которая оставила свои старые боты в магазине, заменив их на новые туфли, боты или сапоги.

По имевшимся оперативным данным в районе были установлены женщины, которые прежде судились за кражи. Среди таких лиц оказалась Валентина Пантелеева, освобожденная из места заключения по амнистии. Пантелеева нигде не работала и жила на иждивении родителей, у которых помимо нее было еще пять детей. Как было выяснено из допроса родителей, Валентина Пантелеева в ночь с 1 на 2 февраля уходила из дома, но в какие часы вернулась домой родители сказать не смогли. У родителей Пантелеевой подробно выяснили, во что она была одета и обута, а также какой размер обуви она носит. Отец Пантелеевой пояснил, что Валентина носила резиновые боты, а вместо туфель вставляла в боты деревянные каблуки, обматывая ноги тряпками — остатками старой шерстяной гимнастерки цвета хаки. 2 февраля утром родители Валентины заметили, что на ней резиновые сапожки, коричневая шаль и ватная фуфайка, которых ранее у нее не было.

Пантелееву были предъявлены боты, деревянные каблуки и тряпки, найденные на месте происшествия, он опознал эти вещи, как принадлежащие дочери.

После опознания вещей Пантелеева была задержана. При личном обыске у нее нашли часы марки «Звезда», номер которых совпадал с номером, указанным в паспорте на часы, похищенные в магазине № 5, на ногах у Пантелеевой были новые резиновые сапожки.

На основании результатов обыска Пантелеева была арестована. На допросе она утверждала, что не имеет никакого отношения к краже из магазина № 5, а обнаруженные при обыске часы «Звезда» куплены 2 февраля 1954 г. на базаре у неизвестных лиц. На вопрос, откуда у нее появились деньги на покупку часов, Пантелеева пояснила, что деньги ей дала взаймы подруга Зина Ше-

велева. Последняя, будучи вызванной на допрос, не подтвердила показаний Пантелейевой, заявив, что денег в долг она Пантелейевой вообще никогда не давала. Такие показания Шевелева дала и на очной ставке с Пантелейевой.

Показания Пантелейевой по вопросу, где она была в ночь с 1 на 2 февраля 1954 г., явно противоречили показаниям ее родителей. Она утверждала, что 1 февраля она легла спать в 8 часов вечера и поэтому никуда из дома не уходила, а ее родители заявили, что Валентина ушла из дома после 6 часов вечера. Они легли спать в 10 часов вечера, когда дочери еще не было дома, и когда она вернулась домой, они не знают.

Пантелейева была допрошена вторично. Вначале она продолжала утверждать, что никакого отношения к краже из магазина не имеет, но после того как ей были зачитаны показания Шевелевой, ее родителей, а затем предъявлен паспорт, оставшийся в коробочке, из которой были похищены часы, Пантелейева признала, что принимала участие в краже товаров из магазина, скорее даже не краже, а в ее инсценировке.

Пантелейева рассказала, что ее знакомые, Комаров и его сожительница Доценко, предложили ей инсценировать кражу в магазине. Комаров пояснил ей, что заведующая магазином Липченко и продавец промтоварного отдела Поземина, у которых образовалась крупная недостача, попросили организовать инсценировку кражи в магазине, обещая за это 15 тыс. руб. и кое-что из вещей.

Пантелейева согласилась участвовать в этой инсценировке. 1 февраля незадолго до закрытия магазина она пришла туда вместе с Комаровым и Доценко. Поземина незаметно впустила ее за прилавок, где Пантелейева легла и была закрыта платьями и пальто. Здесь же в магазине Поземина одела ей на руку часы марки «Звезда» и сказала, что деньги, которые оставлены в качестве платы за инсценировку кражи, будут лежать в ящике. Через некоторое время после закрытия магазина Пантелейева разбросала товары по магазину, сняла свои старые боты, одела резиновые сапожки, взяла 1875 руб. и часы марки «Победа». Она стала ждать сигнала от своего сожителя Саминова, с которым была предварительная договоренность о том, что, когда сторож уйдет греться, он подаст ей сигнал, что пора выходить. Примерно в 3 часа ночи

раздался стук в окно, после чего Пантелейева быстро сняла ставню, открыла форточку и вылезла на улицу. Часы марки «Победа» и 1400 руб. она отдала Комарову и Доценко.

На основании показаний Пантелейевой возникла новая версия о том, что заведующая магазином Липченко и продавец Поземина совершили хищение товаро-материальных ценностей в магазине и для сокрытия этого хищения инсценировали кражу в магазине с участием Доценко, Комарова, Пантелейевой и Саминова.

Проверка этой версии распадалась на две части: 1) сбор доказательств, подтверждающих или опровергающих участие в инсценировке кражи Доценко, Комарова и Саминова; 2) сбор доказательств, подтверждающих или опровергающих совершение Липченко и Поземиной хищения товаро-материальных ценностей.

Для проверки того, что в инсценировке кражи принимали участие Доценко, Комаров и Саминов, у них и у их родственников немедленно и одновременно были произведены обыски. У Комарова и Саминова не было обнаружено ничего, имевшего отношения к делу. Но у Доценко нашли большое количество новых вещей: отрезы на плащевые, шерстяные кофточки и т. д. Предположив, что эти вещи могли быть похищены из магазина № 5, их изъяли.

Комаров и Доценко категорически отрицали свое участие в инсценировке кражи. Отрицали они также получение денег и часов от Пантелейевой. Доценко в отношении обнаруженных при обыске новых вещей заявила, что эти вещи были куплены ею в магазине № 5 за наличные деньги. В процессе допроса Доценко было предложено назвать лиц, которые могут подтвердить, что она покупала эти вещи, а также указать время, когда они приобретались, и стоимость вещей. Доценко на эти вопросы дала очень путанные показания.

Из показаний Пантелейевой следовало, что деньги и часы она передала Комарову на следующий день после кражи — 2 февраля в 3 часа дня у него на квартире в присутствии Доценко. Доценко и Комаров утверждали, что в этот день и в это время они находились на работе (Доценко работала десятником сантехучастка строительства Южкузбассгэса, а Комаров — грузчиком этого же участка).

Для проверки показаний Доценко и Комарова пришлось допросить лиц, которые работали вместе с ними (начальника участка, табельщицу, кладовщика и т. д.), а также соседей по квартире Комарова. Это была длительная и кропотливая работа, но она дала свои положительные результаты. Рабочие подтвердили, что Доценко совместно с Комаровым примерно в 2—3 часа дня выехали с участка, а соседи показали, что они видели, как в 3 часа дня Доценко и Комаров приехали домой и к ним пришла Пантелейева. Была проведена очная ставка между Пантелейевой и Доценко, во время которой Пантелейева подтвердила ранее данные показания.

Доценко и Комаров, будучи изобличенными в лживости своих показаний, признали себя виновными и рассказали, что они, действительно, принимали участие в инсценировке кражи из магазина по просьбе Липченко и Поземиной, которые обещали им за это 15 тыс. руб. и вещи. Доценко, в частности, еще до совершения кражи получила от Поземиной ряд вещей, которые и были найдены у нее при обыске.

Саминов на первом же допросе признал себя виновным в инсценировке кражи и подтвердил показания Пантелейевой, заявив, что он за это получил 600 руб., которые ему передала Пантелейева.

В отношении Саминова, Доценко, Комарова и Пантелейевой 4 февраля 1954 г. была избрана мера пресечения — содержание под стражей.

Таковы были результаты следственных действий, произведенных в течение двух дней.

Теперь предстояло собрать доказательства, подтверждающие или опровергающие участие в хищении Липченко и Поземиной. Для этого нужно было установить, во-первых, имелась ли по магазину № 5, и, в частности, у Поземиной, до инсценировки кражи недостача товаров и на какую сумму; во-вторых, если недостача имелась, то явились ли она результатом хищения или образовалась по каким-либо иным причинам, а также когда именно эта недостача образовалась; в-третьих, установить, какая существовала преступная связь между Поземиной и Липченко.

Прежде всего были допрошены продавцы и бухгалтер магазина № 5 по вопросу о взаимоотношениях между Поземиной и Липченко, а также о том, имелись ли у

Поземиной и Липченко недостачи при предыдущих ревизиях.

Оказалось, что Липченко была неразлучна с Поземиной. Когда в магазин привозили товары, Липченко закрывалась в своем кабинете с Поземиной, и лишь после их беседы товар поступал со склада в продажу. Из показаний продавцов следовало, что Поземина часто брала водку и закуску в гастрономическом отделе за наличный расчет и во время рабочего дня уходила в кабинет к Липченко, куда нередко приходили также начальник орса Южкузбассгрэса Володин и экспедитор орса Попов. Из дальнейшего допроса соседей по квартире Липченко выяснилось, что встречи Поземиной, Липченко, Володина и Попова происходили не только в магазине, но и на квартире Липченко. Подобные встречи всегда сопровождались пьянством.

Из показаний бухгалтера магазина Коноваловой и из ряда актов снятия натурных остатков товаро-материальных ценностей следовало, что ни у Липченко, ни у Поземиной никаких недостач за все время их работы обнаружено не было.

Но если у Липченко и Поземиной действительно не было недостач, то им, казалось бы, незачем было организовывать инсценировку кражи.

Из акта ревизии магазина № 5, поступившего в следственные органы, следовало, что на 2 февраля 1954 г. у Поземиной имелась недостача товаро-материальных ценностей на 106 102 руб., а у Липченко — на 719 руб.

Когда на допросе Поземиной были предъявлены акт ревизии, показания свидетелей и участников инсценировки кражи, она сразу же признала себя виновной в хищении товаро-материальных ценностей. Поземина рассказала, что однажды, обнаружив пропажу из кассы 3000 руб., она решила заняться хищением. В последующем она брала наличные деньги, полученные от продажи товаров, тратила их на личные нужды. О недостаче товаро-материальных ценностей Поземина рассказала Липченко, с которой дружила. Оказалось, что у Липченко также имеется недостача, образовавшаяся в результате хищений денежных средств и товаров из кладовой. После этого они начали совершать хищения государственных средств совместно.

На вопрос следователя, каким образом при инвентаризации скрывалось хищение товаро-материальных ценностей, Поземина пояснила, что она, пользуясь халатностью членов инвентаризационной комиссии, при снятии натурных остатков завышала количество товаров, имевшихся в наличии. Члены инвентаризационных комиссий в нарушение инструкции не следили лично за подсчетом фактического наличия товаров, а записывали эти сведения со слов Поземиной.

На какую сумму недостает товаров, она знала, а поскольку Володин сообщал ей о дне ревизии, она уже заранее подсчитывала, каких товаров и на сколько надо увеличить при снятии остатков, чтобы ревизоры не обнаружили недостачу товаро-материальных ценностей и тем самым не разоблачили ее в хищении государственных средств.

Поземина также пояснила, что обнаружение у Липченко при ревизии недостачи только на сумму 719 руб. объясняется тем, что Липченко забирала у нее выручку из промтоварного отдела и этими деньгами перекрывала свою растрату.

Как следовало из показаний Поземиной, они договорились с Липченко скрыть хищение товаро-материальных ценностей путем инсценировки кражи. Но товары, бывшие в подотчете у Липченко, находились в складе магазина. Одновременно инсценировать кражу из магазина и его склада было трудно. Поэтому, готовясь к инсценировке ограбления магазина, они договорились с Липченко прежде всего скрыть всю недостачу по подотчету Липченко. Для этого Липченко периодически брала у Поземиной выручку и вносила эти деньги в счет погашения своей недостачи по подотчету.

Поземиной в процессе допроса было предложено подробно рассказать, на какие личные нужды она тратила похищенные деньги.

Поземина показала, что она купила новую обстановку для своей квартиры, швейную машину, сшила себе платья, купила золотые часы и т. д. Кроме того, Поземина пояснила, что она дала 5 тыс. руб., 8 м шерстяной ткани темносинего цвета и две тюлевых накидки начальнику орса Южкузбассгрэс Володину, с которым находилась в близких отношениях. Ряд вещей (отрезы, шерстяные

кофты и т. д.) были отданы Доценко до кражи, а 1400 руб. оставлены для Пантелейевой в магазине. Липченко взяла себе в магазине пальто за 1200 руб. Когда был день рождения Володина, Поземина взяла из отдела сюрпризную коробку духов «Сказка» и подарила их через товароведа орса Чуклаева Володину. В свою очередь, Чуклаев взял у нее туфли бежевого цвета, которые также подарил Володину в день его рождения.

Обыском у Поземиной было обнаружено большое количество новых вещей.

После допроса Поземиной возник ряд новых вопросов, подлежащих выяснению.

Как следовало из показаний Поземиной, в совершении хищения товаро-материальных ценностей, кроме нее, принимали участие Володин и Липченко. Эти показания следовало тщательно проверить, так как она могла оговорить отдельных лиц, чтобы переложить на них часть ответственности за хищение.

В тот же день была допрошена Липченко, которой последовательно было сообщено о показаниях Доценко, Комарова, Пантелейевой, а затем и Поземиной.

Липченко, будучи уличена в совершении преступления показаниями других участников хищения, признала себя виновной и полностью подтвердила показания Поземиной.

После допроса Липченко у нее был произведен обыск, во время которого нашли большое количество всяких вещей, в том числе и новое зимнее пальто.

Вещи, изъятые ранее у Доценко, а также у Липченко, в числе других вещей были предъявлены Поземиной. Поземина опознала их за те, которые она давала Доценко за инсценировку кражи и которые у нее брала бесплатно Липченко.

В отношении Липченко и Поземиной была избрана мера пресечения — содержание под стражей.

Следующим этапом следствия явилась проверка показаний Поземиной об участии в хищении Володина. Он категорически отрицал не только участие в хищении, но даже и совместные пьянки с Поземиной.

Однако допрошенные продавцы, уборщица магазина, сестра Липченко и ее соседи по квартире подтвердили, что Володин неоднократно пьянился совместно с Лип-

ченко, Поземиной и Поповым как в служебном кабинете Липченко, так и у нее на квартире. Кроме того, сестра Липченко и ее соседи рассказали, что нередко Попов, Володин и Поземина оставались ночевать у Липченко.

На очных ставках с Володиным все допрошенные свидетели подтвердили ранее данные показания. Но Володин продолжал отрицать близкое знакомство с Поземиной, а также и посещения квартиры Липченко.

Обыск у Володина как на квартире, так и в его служебном кабинете оказался успешным. При обыске на квартире были обнаружены туфли бежевого цвета, которые, по показаниям Поземиной, она отдала Чуклаеву и последний подарил их Володину. В сейфе была найдена сюрпризная коробка духов «Сказка». Володин заявил, что туфли он купил в г. Кемерово, когда ездил туда в командировку. В подтверждение своих показаний он со-слался на свидетеля Мартынова.

Допрошенный Чуклаев заявил, что он, действительно, взял у Поземиной бесплатно туфли бежевого цвета и в день рождения подарил их Володину. Кроме того, по просьбе Поземиной он передал Володину от ее имени сюрпризную коробку духов «Сказка».

Как Поземина, так и Чуклаев опознали в числе других туфли бежевого цвета, изъятые при обыске у Володина, за те, которые ему были подарены в день рождения. На очной ставке с Володиным Чуклаев повторил свои показания. Свидетель Мартынов, подтвердив покупку Володиным туфель в г. Кемерово, в то же самое время заявил, что те туфли были коричневого цвета, а не бежевые.

На очной ставке с Володиным Липченко заявила, что Володин всегда заранее предупреждал Поземину о предстоящей инвентаризации.

В процессе следствия было установлено, что со стороны членов инвентаризационной комиссии — Басманникова, Пястоловой, Коноваловой и Тюрина — была допущена халатность, в результате которой Поземина и Липченко долгое время могли скрывать хищения товаро-материальных ценностей.

Расхитители социалистической собственности — Володин, Поземина, Липченко, Доценко, Комаров, Пантелеев-

ва, Саминов — были привлечены к уголовной ответственности и осуждены по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Члены инвентаризационной комиссии — Коновалова, Басманников, Тюрин и Пястолова — были привлечены к уголовной ответственности и осуждены по ст. 111 УК РСФСР.

Следователь прокуратуры
г. Ангарска Иркутской области
юрист 2-го класса
В. В. Перцев

УСТАНОВЛЕНИЕ ФАКТОВ РЕАЛИЗАЦИИ ПОХИЩЕННОГО ЧЕРЕЗ ТОРГОВУЮ СЕТЬ

В следственные органы неоднократно поступали сигналы о том, что в ларьках, киосках и закусочных Иркутска торгуют спиртом, который, как известно, в торговую сеть не поступает. Однако установить конкретные факты такой торговли не представлялось возможным.

29 декабря 1953 г. начальник пожарной охраны Иркутского ликеро-водочного завода Попов в присутствии сотрудника МВД производил осмотр котельного отделения с целью проверки соблюдения правил противопожарной охраны. В котельном отделении они заметили ведро, около которого стояли бутылки из-под водки. В ведре оказался чистый спирт в количестве 6 л, о чем был составлен акт. Этот акт направили в отделение милиции. Осмотром графика дежурств было установлено, что в день обнаружения спирта дежурными по котельной были старший кочегар Липковский, кочегары Михаил Лещик и Николай Носов.

В начале января 1954 года к директору ликеро-водочного завода поступили четыре анонимных письма, в которых сообщалось, что на заводе систематически похищается спирт, что одним из расхитителей является кочегар Липковский. Эти письма также были направлены в органы милиции.

Получив такие материалы, работники милиции решили проверить, кто посещает Липковского и не выносится ли из его квартиры спирт. Было замечено, что в квартиру к Липковским довольно часто заходит Елена Лещик.

Однажды работники милиции остановили Елену Лещик, когда она в 6 часов утра выходила от Липковского, и предложили показать содержимое сумки. Оказалось,

что в сумке лежали семь пол-литровых бутылок, в которых находился спирт.

Лещик на допросе показала, что этот спирт она взяла у Липковского для того, чтобы продать его знакомым военнослужащим.

В процессе допроса ей предложили подробно рассказать о том, откуда у Липковского имеется спирт и в каких взаимоотношениях находится он с ее мужем.

Стремясь выгородить своего мужа, который работал вместе с Липковским кочегаром на ликеро-водочном заводе, Елена Лещик рассказала, что однажды ей и ее мужу Липковский предложил прокатиться на такси.

При этом Елена Лещик подробно назвала, куда они заезжали и к кому. Прежде всего они заехали к знакомому Липковского — Степану, который поехал вместе с ними, взяв с собой канистры, в которых находился спирт. Затем они заехали в киоск магазина № 27 — к Ивану, в закусочную № 1 фабрики-кухни завода имени Куйбышева — к Соне, в парикмахерскую № 4 — к Борису. У каждого из перечисленных лиц Липковский оставил по канистре спирта.

Были выяснены адреса, фамилии лиц, названных Еленой Лещик. Вслед за тем работники милиции произвели у них обыски как в служебных помещениях, так и на квартирах. Обыски были произведены также у Лещик и Липковского.

Неожиданно, быстро и одновременно произведенные обыски дали положительные результаты. Почти у всех обыскиваемых в квартирах нашли бутылки, канистры со спиртом или с его остатками. У Ивана Лошилова, работавшего экспедитором магазина № 27 Горпищеторга, нашли пустую канистру с винтовой пробкой. Эта канистра издавала резкий запах спирта. У заведующего парикмахерской № 4 Бориса Израйлева обнаружили стеклянную бутыль емкостью в 20 л, на дне которой находилось немного спирта. У Степана Малых, работавшего на этом же ликеро-водочном заводе кочегаром, обнаружили литровую бутылку с 700 г спирта.

У Сони Лебензон, продавщицы закусочной № 1 фабрики-кухни завода имени Куйбышева, в шифоньере была обнаружена завернутой в дамскую доху стеклянная бутыль, емкостью примерно в 50 л, в которой также находился спирт.

Когда работник милиции, производивший обыск, на некоторое время отошел от этой бутыли, Лебензон подняла ее и бросила на пол, бутыль разбилась, а жидкость растеклась по полу квартиры, издавая резкий запах спирта. Поэтому пришлось изъять только верхнюю часть разбитой бутыли (горлышко) с бумажной пробкой, два листа чистой бумаги, которые были пропитаны разлитой жидкостью, старую дорожку зеленого цвета, на которую вылилась жидкость, и часть дна бутыли. Кроме того, при обыске у Лебензон были найдены 9 тыс. руб. наличными деньгами. Обнаруженные бутыли, канистры, дорожка, горлышко, два листа чистой бумаги, пропитанные жидкостью, были тщательно упакованы и опечатаны сургучной печатью.

При обыске у Липковского и Лещик ничего, относящегося к делу, найдено не было.

Обнаруженные при обыске предметы были направлены на судебно-химическую экспертизу для установления, находился ли в посуде спирт, пропитаны ли дорожка, бумажная пробка и два чистые листа бумаги спиртом, а также имеется ли спирт в найденной у Малых литровой бутылке. Судебно-химическая экспертиза пришла к выводу, что дорожка, два листа чистой бумаги, бумажная пробка пропитаны спиртом; в бутыли и канистре, найденных при обыске у Лошилова, а также в семи поллитровых бутылках, изъятых при задержании Елены Лещик, находился и находится спирт.

В день производства обысков был допрошен и Липковский.

К началу допроса он еще не знал о задержании Елены Лещик. Поэтому вначале он вообще отрицал всякое участие в хищении спирта, тем более что при обыске у него спирта обнаружено не было. Но когда была проведена очная ставка между ним и Еленой Лещик, заявившей, что он дал ей продать спирт, украшенный с завода, Липковский признал себя виновным в хищении 3,5 л спирта, который и был отдан им Лещик для продажи. При этом Липковский заявил, что эти 3,5 л спирта он похитил совместно с Михаилом Лещик. Систематическое хищение спирта он категорически отрицал.

Нужно было найти шоferа машины, поскольку из показаний Лещик было известно, что несколько канистр спирта Липковский отвез на такси к своим знакомым.

Для этого у Елены Лещик подробно выяснили день, часы, когда совершалась поездка, место стоянки такси, внешность шофера, которого она хорошо запомнила, так как после поездки они вместе с шофером выпивали на квартире Липковского. Проверкой у диспетчера таксомоторного парка выяснили, какие автомашины в тот день находились на линии, кто работал на них и кто напоминает по внешности шо夫ера, о котором показала Елена Лещик. В результате проведенных мероприятий был установлен шофер, ездивший вместе с Липковским и супругами Лещик. Им оказался Давиденко, который подтвердил показания Елены Лещик, описав пассажиров, места, куда он с ними ездил, где останавливались, что они с собой везли, как один из пассажиров доставал канистры и относил их в закусочную, ларек и т. д. По словам Давиденко, за поездку он получил 250 руб., то есть значительно больше, чем ему следовало. На очной ставке с Липковским Давиденко подтвердил свои показания.

Будучи изобличенным, Липковский признал себя виновным в хищении спирта с ликеро-водочного завода, которое он совершал совместно с Малых и Лещик. Как показал Липковский, хищение спирта непосредственно из очистного цеха и цеха разлива совершал Лещик. Он проникал в цех через отверстие, образовавшееся вокруг водяных насосов, похищал спирт, приносил его в котельное отделение завода, откуда участники хищения перетаскивали канистры со спиртом через забор ликеро-водочного завода. Похищенный спирт они продавали Соне Лебензон, Лошилову и его жене Синицыной, работавшей продавцом пивного ларька магазина № 27 Горпищеторга, а один раз похищенный спирт купил Израйлев Борис, работавший заведующим парикмахерской № 4.

Липковский, в частности, показал, что незадолго до раскрытия преступления он отнес Лебензон бутыль, емкостью 50 л, которую Софья Лебензон в его присутствии завернула в старую дамскую доху и поставила в гардероб.

Показания Липковского в этой части объективно подтверждались результатами обыска, проведенного ранее на квартире Лебензон.

Липковский и его жена рассказали, что они неоднократно бывали в гостях у Лебензон и ее мужа Дыгало, и один раз Лебензон приходила к ним в гости.

Лещик, узнав на допросе, что Липковский изобличает его в хищении спирта, в свою очередь стал изобличать в хищении спирта Липковского. Лещик утверждал, что инициатором хищения и непосредственным исполнителем его был Липковский, а он, Лещик, лишь помогал ему выносить похищенный спирт с завода. О способе хищения спирта Лещик заявил, что ему ничего по этому вопросу не известно.

Степан Малых также признал себя виновным в хищении спирта, заявив, что он совместно с Лещик помогал Липковскому выносить спирт с территории завода и получал за это определенную сумму денег, вырученную от реализации похищенного.

Лещик, Липковский и Малых были заключены под стражу.

Предстояло выяснить, как происходила реализация спирта, определить круг лиц, через которых сбывалось похищенное, а также проверить показания Липковского о том, что похищенный спирт продавался работникам торговой сети Лебензон, Лошилову, его жене Синицыной, заведующему парикмахерской Израйлеву.

На допросе Лебензон категорически отрицала покупку похищенного спирта и последующую его продажу через закусочную, заявляя, что в разбитой бутыли спирта было примерно пол-литра. При этом она утверждала, что этот спирт был куплен в магазине. Лебензон заявила, что Липковского она вообще не знает. Ее показания подлежали тщательной проверке. Муж Лебензон — Дыгало подтвердил показания своей жены и тоже заявил, что Липковского и его семьи он не знает.

В числе других лиц Липковскому и его жене предъявили Лебензон, которую они опознали. У Липковского выяснили также, кто совместно с Лебензон был у них в гостях. В результате предъявления Лебензон этим лицам, было установлено, что она посещала Липковских. Таким образом, показания Лебензон в этой части оказались ложными.

Для проверки показаний Липковского о продаже спирта Лошилову, его жене Синицыной, Израйлеву и Лебензон были допрошены их соседи.

Это дало возможность установить, что Липковский часто посещал квартиры указанных лиц. Иногда он приносил что-то тяжелое в мешках. Было выяснено также,

что Израйлев, Лебензон и Лошилов покупали дорогие вещи и расходовали деньги в размерах, значительно превышающих их заработки. К делу были приобщены справки об их заработной плате, из которых следовало, что заработка в среднем не превышал 500—700 руб. в месяц.

Израйлев, у которого при обыске нашли незначительное количество спирта, вначале категорически отрицал покупку спирта у Липковского. Он неоднократно менял свои показания, которые после проверки не находили подтверждения. Однако, будучи изобличенным в даче ложных показаний, Израйлев признал себя виновным в покупке у Липковского 20 л похищенного спирта, который, как он пояснил, был куплен им для личных нужд, так как по случаю дня своего рождения он собирался пригласить большое количество гостей.

Шаг за шагом удалось изобличить Израйлева, Лебензона, Лошилова и Синицыну в покупке похищенного спирта.

В ходе следствия необходимо было установить, каким образом и куда работники торговли реализовывали спирт, купленный у Липковского. Самое вероятное, что, пользуясь своим служебным положением, они продавали его через торговые точки.

Для проверки этого предположения были допрошены сотрудники киоска, закусочной, где работали Лебензон, Синицына и Лошилов.

Допросы дали положительные результаты. Продавец Трошечева, принявшая от Лебензона в день ее ареста закусочную, показала, что при приеме товаро-материальных ценностей среди бутылок с вином она обнаружила три бутылки со спиртом, на которых не было этикеток. Лебензон попросила ее не указывать в акте приема товаро-материальных ценностей этих трех бутылок, а когда придет Дыгало (муж Лебензона), отдать их ему. Дыгало категорически отрицал получение от Трошечевой трех бутылок спирта. Но Трошечева и на очной ставке с Дыгало подтвердила передачу ему этих бутылок.

Директор фабрики-кухни треста столовых Гутар также подтвердил показания Трошечевой об обнаружении трех бутылок со спиртом.

Возчик фабрики-кухни Цыганов показал, что Лебензон несколько раз угощала его разведенным спиртом, который к тому же был подкрашен красным вином.

О путях реализации спирта рассказал и Лошилов. Он пояснил, что купленный у Липковского спирт продавала его жена, Синицына, работавшая продавцом пивного киоска № 16.

Собранные данные позволили сделать вывод, что работники торговой сети — Лебензон, Лошилов и Синицына, пользуясь своим служебным положением, реализовывали похищенный спирт через ларек и закусочную.

Но перед органами следствия стояла и другая важная задача — установить способы хищения.

Подробное ознакомление с расположением цехов, а также с местом нахождения водяных насосов позволило убедиться в том, что через отверстие, в которое преступники якобы проникали в цех, нельзя пронести канистру со спиртом. Невозможно было вынести из цехов канистру со спиртом и в рабочее время, так как в цехах все время находились рабочие. На ночь двери и окна в цехах запирались и опломбировались.

Все это позволило предположить, что совершить хищение спирта без участия работников цеха невозможно.

В это же время оперативным путем были получены данные, что Липковский зачастую бывал в очистном цехе у начальника цеха Гаврюковой, не имея к тому никакой производственной необходимости. Поэтому Липковский был допрошен еще раз по вопросу о том, каким способом совершалось хищение спирта, из каких цехов и т. д.

Липковский вначале опять пытался ограничиться общими фразами о способах хищения, но ему был поставлен ряд конкретных вопросов, из которых было ясно, что работникам милиции известно о невозможности проникновения в цех способами, указанными обвиняемым. После этого Липковский дал правдивые показания.

Он рассказал, что хищение спирта совершалось по договоренности с начальниками цехов. В 1950 году начальником ликерного цеха работала Калинина. Осенью 1953 года Калинина по просьбе Липковского налила ему в канистру 10 л спирта, который он продал за 600 руб. Из полученных денег 300 руб. он отдал Калининой. В это же время на должность начальника очистного цеха была назначена Гаврюкова. Липковский решил договориться с ней о хищении спирта. Гаврюкова согласилась и в последующем стала систематически давать ему

спирт, за который получала от Липковского различные суммы денег из расчета 100 руб. за ведро спирта.

Липковский рассказал также, что в хищении спирта принимали участие работницы цеха Беклемешова и Свинина, которые по указанию Гаврюковой наливали ему спирт в бутыли и канистры, а затем выпускали его через заднюю дверь цеха, выходящую в сторону кочегарки. Кроме того, в помещении очистного цеха Гаврюкова оставляла на ночь открытым окно, предоставляя тем самым Липковскому возможность проникнуть в цех.

Как показал Липковский, он по договоренности с начальником цеха разлива Езденовым похитил в августе 1953 года 55 л спирта. Для создания условий хищения Езденов оставлял дверь цеха открытой.

В таком положении дело было направлено в следственный отдел прокуратуры области для окончания расследования, и 27 марта 1954 г. я принял его к своему производству.

Мною был составлен подробный план следственных действий, предусматривающий проведение необходимых повторных допросов, тщательное изучение соответствующих документов и т. д.

При повторном допросе Степан Малых показал, что в середине января 1954 года ночью с территории завода на автомашине «Победа» (такси) была вывезена бочка спирта, емкостью в 100 л, и несколько ящиков с бутылками спирта. Охраной машина была выпущена с территории завода. По получении таких показаний у меня возникло предположение, что в хищении принимали участие также шофер такси и работники охраны завода.

Малых подробно описал мне внешность шофера. В таксомоторном парке я взял личные дела шоферов и предъявил Малых фотокарточки, имеющиеся в личных делах. Просмотрев фотокарточки и указав на одну из них, Малых заявил, что на ней изображен шофер, который приезжал на территорию завода и увез похищенную 100-литровую бочку со спиртом. На фотокарточке был изображен Ашинский, у которого немедленно был произведен обыск, в результате чего было найдено 7 л чистого спирта. Ашинский был задержан и на первом допросе признал себя виновным в хищении спирта с завода. По показаниям Ашинского, бочку похищенного спирта они

отвезли в дом к одному гражданину, татарину по национальности.

Как выяснилось, в доме, указанном Ашинским, проживал заведующий киоском артели «Сырьевщик» Мигеров, у которого немедленно произвели обыск и нашли пустую железную бочку и несколько десятков пробок от бутылок. Мигерова в числе других лиц предъявили Ашинскому, который опознал его за лицо, принявшее бочку с похищенным спиртом.

На очной ставке с Ашинским Липковский признал себя виновным в хищении в ночь с 16 на 17 января 1954 г. 100-литровой бочки со спиртом, а также изобличил в хищении этого спирта заведующего киоском артели «Сырьевщик» Мигерова.

Из допроса Липковского я установил примерное количество спирта, которое он похитил вместе с другими участниками хищения. При допросе Ашинского было выяснено, сколько он перевез похищенного спирта. Из сопоставления этих данных следовало, что не весь похищенный спирт перевозился на автомашине, управляемой Ашинским.

В связи с этим я предположил, что Липковский развозил спирт и в других машинах. Для проверки этого предположения еще раз был допрошен шофер такси Давиденко, который показал, что шоферы такси Милютин, Ратников и Каминский возили какого-то мужчину, который, кроме денег, платил шоферам спиртом.

Милютин, Ратников и Каминский, будучи вызваны в прокуратуру, подтвердили, что, действительно, несколько раз их пассажиром был мужчина, который расплачивался с ними не только деньгами, но и давал по пол-литра спирта. Из этих показаний следовало также, что мужчина отвозил в мешках какие-то большие четырехугольные банки.

После этого каждому свидетелю в числе других лиц был предъявлен Липковский. Он был опознан ими за лицо, о котором они ранее давали показания.

Тут же было проверено, кто проживает по адресам, куда Липковский отвозил банки (канистры) в мешках. Ими, кроме Лебензон и Лошилова, оказалась буфетчица закусочной № 2 Кугук, киоскеры орса Шульгина и Сидорова. Вновь допрошенный Липковский признал, что спирт сбывался не только Мигерову, Лошилову, Синицы-

ной и Лебензон, но и другим работникам торговой сети: Кугук, Шульгиной и Сидоровой.

На очных ставках Липковский изобличил Кугук, Сидорову и Шульгину в покупке похищенного спирта, после чего они признали себя виновными¹.

Кугук, Сидорова и Шульгина показали, что, покупая спирт у Липковского, они продавали его в ларьках и буфетах, где работали. Спирт покупался ими из расчета 40—50 руб. за литр. Разводя этот спирт водой, они получали примерно 30—35 руб. прибыли на каждом литре.

Необходимо было также крайне тщательно исследовать показания Липковского об участии в хищении спирта Езденова и Гаврюковой, которые категорически отрицали свое участие в хищении.

Предполагая, что недостача спирта по заводу могла скрываться каким-либо путем в бухгалтерских документах, я предложил провести ревизию финансово-хозяйственной деятельности завода за 1953/54 год, что и было сделано главным контролером Министерства госконтроля СССР.

Лично сам я тщательно изучил существующую на заводе документацию по движению спирта, начиная с момента поступления его на пристанционный склад до момента отгрузки потребителям.

Оказалось, что согласно акту снятия натурных остатков в очистном цехе по состоянию на 1 января 1954 г. в сортировочном чане № 4 значилось в наличии 498 дкл спирта, а согласно акту специально созданной комиссии емкость этого сортировочного чана составляла всего 380 дкл. В мернике № 1 по акту снятия остатков на 1 января 1954 г. значилось в наличии 265 дкл, в то время как емкость этого мерника составляла 250 дкл.

В результате проделанной работы было установлено, что в очистном цехе имеется недостача 1433 дкл спирта,

¹ Следует отметить, что при расследовании были допущены две основные ошибки: 1) у работников торговой сети, виновных в покупке заведомо похищенного спирта, не сделали обысков в их служебных помещениях (ларьках, киосках и закусочных) с целью обнаружения спирта; 2) в торговых точках, где работали лица, скупающие похищенный спирт, не произвели внезапного снятия остатков.

Эти следственные действия могли оказать органам расследования помощь в получении новых доказательств, свидетельствующих о реализации похищенного спирта через торговые точки.—Ред.

которая скрывалась за счет завышения фактического остатка спирта при инвентаризации.

У начальника цеха Езденова ревизия не установила недостачи спирта.

Располагая показаниями Липковского и Лещик, актом ревизии финансово-хозяйственной деятельности завода, я приступил к допросу Гаврюковой. Она сначала категорически отрицала свою причастность к хищению спирта. Но после того как на очных ставках Липковский и Лещик изобличили ее в совершении преступления, она частично признала себя виновной в хищении спирта.

Гаврюкова рассказала, что она несколько раз отпускала Липковскому спирт в канистрах, получив за это от него 1000 руб.

По вопросу о недостаче Гаврюкова пояснила, что на 1 января 1954 г. у нее уже была недостача 500 дкл спирта. Эту недостачу она скрыла путем исправления ряда цифр в акте снятия остатков на 1 января 1954 г., который отдала ей председатель инвентаризационной комиссии Сереброва для передачи в бухгалтерию.

Еще до начала снятия остатков в очистном цехе мною были изъяты черновые записи Гаврюковой, содержащие сведения о количестве спирта, которое, по ее данным, передавалось в цех разлива.

Сопоставляя эти личные ежедневные записи Гаврюковой с официальными данными бухгалтерского учета по очистному цеху, ревизия установила в них значительные расхождения.

Гаврюкова, будучи допрошена о своих черновых записях, показала, что, зная в конце каждого месяца о снятии остатков и стремясь скрыть недостачу, образовавшуюся в результате хищения, она оформляла с Езденовым бестоварные фактуры.

Таким образом, при снятии натурных остатков у нее не могла быть выявлена недостача. Но тогда в цехе разлива могла бы быть обнаружена недостача спирта.

Поэтому Гаврюкова после снятия остатков передавала без накладных Езденову то количество спирта, на которое она ему выписывала бестоварные фактуры. Кроме того, за то, что Езденов согласился на подобную операцию, она без накладных передала ему спирт для покрытия недостачи, образовавшейся у него в результате хищения.

Допрошенный по существу дела, Езденов полностью признал факты оформления бестоварных накладных.

Был исследован также вопрос об участии в хищении работников охраны завода.

Оказалось, что автомашину, управляемую Ашинским, через проходные ворота завода пропустил боец пожарно-сторожевой охраны Дружков, получив за это 500 руб. Дружков полностью признал себя виновным в пропуске автомашины с похищенным спиртом.

По настоящему делу к уголовной ответственности по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» было привлечено 23 обвиняемых, в том числе Гаврюкова, Езденов, Липковский, Лебензон, Кугук, Шульгина и др. Иркутским областным судом все они были признаны виновными в расхищении спирта или в злоупотреблениях своим служебным положением и осуждены к различным срокам наказания.

В процессе расследования настоящего дела был установлен ряд нарушений в технологическом процессе и в учете спирта на заводе, которые способствовали расхищению спирта. По представлению прокуратуры Главспиртом были намечены мероприятия, осуществление которых должно повести к устраниению указанных недочетов.

*Старший следователь прокуратуры
Ульяновской области
юрист 3-го класса
М. И. Лукницкий*

РАССЛЕДОВАНИЕ ПОПЫТКИ СКРЫТЬ РАСТРАТУ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ПУТЕМ ПОДЖОГА

30 сентября 1953 г. в 7 час. 10 мин. вечера в магазине книготорга, расположенному на центральной улице г. Инза, возник пожар. Мерами, принятыми городской пожарной охраной, пожар был ликвидирован. Огнем были повреждены часть книг и оборудование магазина.

Получив сообщение о пожаре, я прибыл на место происшествия в тот момент, когда помещение еще продолжало гореть. Как только пожар был ликвидирован, я с участием понятых приступил к осмотру магазина. При осмотре присутствовала продавец магазина Грешнова, которая прибежала на пожар одновременно с прибытием пожарной команды и своими ключами открыла магазин (в магазине работало всего два человека — муж и жена Грешновы. Грешнов был заведующим, а его жена, Грешнова, — продавцом).

Следов проникновения в магазин злоумышленников или взлома замка обнаружено не было. Окна были целы. На контрольном листке замка имелась роспись продавца Грешновой.

Пол магазина был обильно ёстлан обгоревшими и полуобгоревшими книгами, тетрадями, картами и другими товарами и при тушении пожара был залит водой. Состояние обгоревших товаров было таково, что по имевшимся остаткам вполне можно было их учесть и определить как артикул, так и цену.

Наличие воды, пепла, сажи, а также то обстоятельство, что к осмотру пришлось приступить только в 8 час. 40 мин. вечера (при плохом освещении), сильно затрудняло производство осмотра.

При осмотре магазина на средней полке прилавка было обнаружено большое количество книг, альбомов и тетрадей, издававших запах керосина. На деревянных частях прилавка также имелись потеки с запахом керосина и было найдено два окурка от папирос «Армавир». Книги, тетради, окурки, две доски средней полки прилавка, имевшие следы с запахом керосина, были изъяты мною в качестве вещественных доказательств. Характерно, что на полке под книгами были следы керосина, которые еще не успели испариться. Это говорило о том, что керосин был налит незадолго до осмотра.

Там же, на полке прилавка, были найдены отчетные документы магазина, залитые жидкостью, издававшей запах керосина. Указанные документы, со слов продавца Грешновой, обычно хранились в специально оборудованной кассе. Как попали документы под прилавок, Грешнова объяснить не смогла.

К концу осмотра в углу магазина в кипе книг, лежавших на полу, были обнаружены две бутылки, емкостью по 0,5 л, с остатками керосина на дне; на бутылках при косом освещении удалось заметить пальцевые отпечатки.

Присутствовавшая при осмотре Грешнова заявила, что керосин мог появиться на книгах от подтекавшей керосиновой лампы, которой они пользовались в вечернее время в те дни, когда не было электрического света. Однако такой лампы в зале магазина обнаружено не было, а при дальнейшем осмотре в кладовой была найдена керосиновая лампа, но без стекла, без керосина, с сухим фитилем и без следов недавнего пользования ею.

Грешнова поспешило пояснила, что это не та лампа и что подтекавшую керосиновую лампу она дня за два до пожара принесла домой и отдала соседке Шапошниковой по ее просьбе.

Что касается бутылок с остатками керосина, то она их не приносила, и откуда они появились в магазине, не знает. Я решил немедленно проверить пояснения Грешновой относительно лампы.

С этой целью, не прерывая осмотра магазина, я дал задание работнику милиции опросить соседку Грешновой — Шапошникову. Последняя на поставленный сей вопрос о лампе сообщила, что она дня два тому назад вечером зашла в дом к Грешновой и попросила у нее лампу. Грешнова ответила, что у нее есть лампа, но она

валяется где-то в чулане. Лампа эта была разыскана и извлечена из чулана, но оказалась без горелки, без стекла и без признаков имевшегося когда-либо керосина, совершенно сухая и в пыли. Эти данные были сообщены мне работником милиции до того, как был закончен осмотр.

Осматривая пол магазина после того, как были удалены обгоревшие и полуобгоревшие остатки книг, я обнаружил на двух досках пола потеки длиной 2,5 мм, шириной

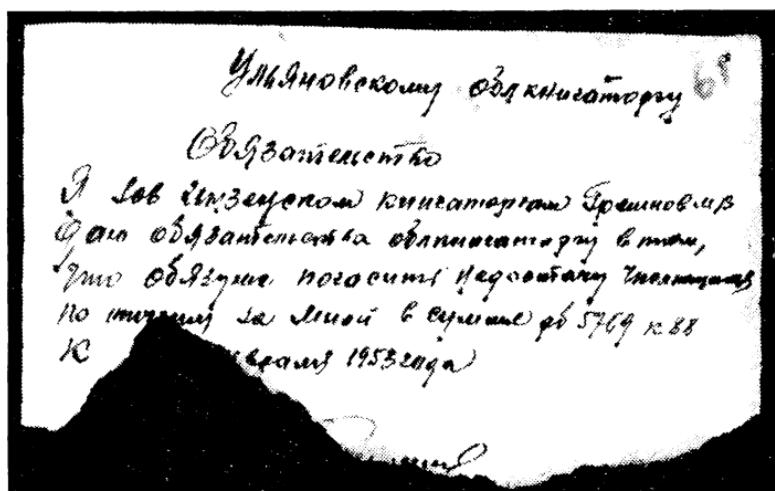

Рис. 1. Обязательство Гречнова, найденное на полу

ной в 8 см с запахом керосина. Кроме того, просматривая книги, сваленные на полу, я обнаружил между ними обязательство, написанное Гречновым в адрес Ульяновского облкниготорга, следующего содержания:

«Обязательство. Я, зав. Инзенским книготоргом, Гречнов М. В., даю обязательство облкниготоргу в том, что обязуюсь погасить недостачу, числящуюся по отчету за мной в сумме рб. 5769 к. 88. К... враля 1953 года». Конец письма был оторван (см. рис. 1).

Обнаружение обязательства, заготовленного, но почему-то не сданного в облкниготорг, давало основание предполагать, что в магазине имеется или имелась недостача, наличие которой необходимо было проверить при дальнейшем расследовании дела.

В день пожара 30 сентября Грешнов с угря в городе отсутствовал. Как пояснила Грешнова, в этот день муж уехал в лес за дровами, и в магазине она торговала одна. По установленному порядку торговля в магазине должна была осуществляться до 6 час. вечера, однако, как показали свидетели, магазин в этот день был открыт почти до 7 час.

Свидетели Сарбаев и Воронин, работающие инкассаторами Госбанка, показали, что в 7 час. вечера они ехали в Госбанк сдавать деньги и видели возле здания райпотребсоюза Грешнову, идущую домой. Райпотребсоюз находится в 200 м от магазина, и спустя 5—7 мин. после того, как прошла Грешнова, они услышали, что горит книжный магазин.

Результаты осмотра и опрос очевидцев пожара давали основание предполагать, что пожар в магазине возник в результате умышленного поджога, поэтому я решил сразу же задержать Грешнову, а затем и ее мужа, который возвратился из леса и был дома.

Уборщица магазина Антонова на допросе показала, что керосиновым освещением в магазине никогда не пользовались и, убирая магазин, она никогда не видела в нем керосиновой лампы или бутылок из-под керосина.

Заведующий магазином Грешнов, не зная, какие показания дала его жена, рассказал, что в магазине имелась только одна керосиновая лампа. Из его показаний было ясно, что он имел в виду ту самую лампу, которая была обнаружена нами в кладовой магазина исправной и без признаков ее применения, то есть, иначе говоря, он опроверг объяснения жены о другой «подтекавшей» лампе, которая якобы находилась в магазине, но была передана соседке.

Точно так же опроверг он показания своей жены и в отношении бутылок с керосином. Грешнов утверждал, что бутылки с керосином были принесены несколько дней тому назад его женой для заправки лампы.

Путаница и противоречия в показаниях Грешновой, а также другие доказательства по делу давали основание предполагать, что пожар в магазине возник в результате поджога, совершенного самой Грешновой. Поэтому передо мной всталая задача выяснить, что могло побудить Грешнову поджечь магазин, в котором находились това-

ро-материальные ценности на сумму около 1 миллиона рублей.

Выяснение этого обстоятельства я начал с того, что потребовал проведения инвентаризации и документальной ревизии и принял меры к фиксированию результатов проведенного осмотра места происшествия. Изъятые при осмотре книги, тетради, альбомы, доски прилавка и две бутылки с остатками жидкости, издающей запах керосина, и следами пальцев рук были направлены на экспертизу в центральную криминалистическую лабораторию ВИЮН Министерства юстиции СССР. Перед химической экспертизой, помимо вопросов об установлении состава жидкости, которой были пропитаны вещественные доказательства, и остатков жидкости, находившейся в бутылках, мною был поставлен еще вопрос о количестве жидкости, которое потребовалось для того, чтобы указанные вещественные доказательства могли быть пропитаны в такой степени.

Химическая экспертиза подтвердила наличие керосина в двух бутылках и на присланных для экспертизы предметах. В заключении эксперт указал, что для такой степени пропитывания присланных книг, тетрадей, досок и прочих предметов потребовалось не менее 2,4 кг керосина. (Это было установлено экспериментальным путем.) Таким образом, было получено еще одно доказательство, опровергающее показание Грешновой о «подтекании» лампы.

На дактилоскопическую экспертизу я направил экспериментальные образцы отпечатков пальцев рук не только Грешнова и его жены, но также свои и одного понятого. Сделал я это исходя из того, что мы случайно могли оставить на бутылках свои пальцевые отпечатки. Дактилоскопическая экспертиза установила, что один из многих отпечатков, обнаруженных на бутылках, пригоден для идентификации. Исключив пальцевые отпечатки понятого, мои и Грешнова, как не имеющие ничего общего с отпечатком, оставленным на бутылке, эксперт пришел к выводу, что пальцевый отпечаток, обнаруженный на бутылке, по общему строению узора и отдельным особенностям соответствует узору большого пальца левой руки Грешновой, однако количество имеющихся индивидуальных особенностей было недостаточным для дачи категорического заключения (рис. 2).

Назначенная по делу пожарно-техническая экспертиза подтвердила первоначально сделанные предположения о поджоге, указав в своем заключении, что пожар возник внутри магазина от поднесенного предмета, горящего открытым пламенем, к легко горючим материалам (бумаге), находившимся с внешней стороны прилавка, с левой стороны при входе в магазин.

Рис. 2. Бутылки с остатками горючей жидкости и пальцевыми отпечатками. Бутылки упакованы в специальный ящик для отправки на криминалистическую экспертизу

Согласно заключению эксперта, наличие обильных следов керосина на книгах, деревянных конструкциях прилавка и на полу полосою в 2,5 м длины и 8 см ширины свидетельствует о том, что указанные предметы были политы керосином в количестве не менее двух литров с целью создания условий для интенсивного распространения огня, причем количество пролитого керосина, характер следов и место их расположения исключают возмож-

ность их происхождения от постепенного просачивания из лампы или другого какого-либо резервуара.

Получив заключения химической, дактилоскопической и пожарно-технической экспертиз и учитывая характер ранее собранных мною доказательств, я продолжал дальнейшую проверку версии о растрате денежных средств.

Из Ульяновского облкниготорга мною были истребованы все материалы инвентаризации по состоянию на 1 января и на 1 июля 1953 г. Осмотром этих документов было установлено, что на 1 июля 1953 г., то есть при последней инвентаризации, имелась недостача только на 120 руб. Эта сумма была внесена Грешновым. Что же касается ревизии и инвентаризации магазина по состоянию на 1 января 1953 г., то там была выявлена недостача товаров на сумму 6393 р. 45 к. Я стал проверять, как была погашена эта недостача. Оказалось, что в оправдание недостачи Грешнов представил в облкниготорг документы на сумму 5400 р. 10 к. за книги, якобы отпущеные в кредит в 1952 году школам района. Эти документы состояли из нескольких приходных ордеров, выписанных в феврале 1953 года, судя по которым в магазин поступала выручка от школ района за полученные ими в кредит в 1952 году учебники. Приходные ордера, в частности, были выписаны на имя заведующих трех неполных средних школ Инзенского района Косматова, Волкова и Баушевой.

Кроме того, Грешнов представил две справки от заведующего района Сафатерова о том, что якобы за Бояркинской и Тияпинской школами имелась задолженность за учебники, полученные в кредит в 1952 году, на сумму 1112 р. 75 к. Учебники на эту сумму будто бы были сданы в магазин в феврале 1953 года.

Грешнов представил также справки директоров Инзенской средней школы и железнодорожной школы № 19 о том, что эти школы в 1953 году сдали магазину учебников на сумму 2356 руб., полученных ими в кредит в 1952 году.

Упомянутые документы в конце февраля 1953 года были представлены Грешновым в облкниготорг. На этом основании с него была списана недостача товаров на сумму 5400 р. 10 к., а остальная сумма недостачи была внесена Грешновым наличными деньгами.

Невольно возникал вопрос: если представленные Грешновым документы соответствуют действительности и Грешнов располагал ими уже в феврале 1953 года, то зачем понадобилось ему в те же дни писать обязательство о погашении недостачи? Вразумительного ответа на этот вопрос Грешнов дать не мог.

Так как найденное мною обязательство, написанное Грешновым, фактически в облкниготорг отправлено не было, у меня возникли предположения, что Грешнов первоначально собирался выдать обязательство на имеющуюся недостачу, а затем собрал или сфабриковал фиктивные документы, которыми почти полностью покрывал недостачу.

Изъяв указанные выше документы, я приступил к их проверке.

Допрошенные заведующие школами Косматов, Волков и Баюшева показали, что школы никакой задолженности перед магазином не имели, денег в магазин не сдавали и подписи от их имени на приходных ордерах являются поддельными.

Заведующий района Сафатеров рассказал, что справки выданы им, но подписал он их без проверки, доверившись Грешнову, что в действительности за школами никакой задолженности не было, о чем он узнал только теперь. Сафатеров показал, что Грешнов приходил к нему раньше с заготовленным текстом справок. Необходимость иметь эти справки он объяснял тем, что книготорг требует оправдания имевшегося в магазине излишка книг, образовавшегося якобы от сдачи школами учебников, полученных ранее в кредит. Справки Сафатеров подписывал без всякой проверки, хотя, как оказалось в действительности, названные школы никаких учебников не сдавали. Далее я проверил факты, связанные с выдачей справок директорам Инзенской школы и школы № 19.

Допросом работников этих школ (библиотекаря и лаборанта) было установлено, что все излишки учебников ими были сданы в магазин еще в 1952 году и все расчеты с магазином полностью были закончены до 1 января 1953 г. В феврале 1953 года Грешнов обратился в школы с просьбой выдать справки о книгах, сданных в 1952 году. Зачем нужны были Грешнову эти справки, они не знали и, ничего не подозревая, составили их. Содержание текста подсказал сам Грешнов. Так как справки

были датированы февралем 1953 года, Грешнов представил их в облкниготорг в доказательство того, что именно теперь в феврале 1953 года ему сдали книги, недостача которых была выявлена на 1 января 1953 г. Таким образом он добился зачета этих документов в погашение имевшейся у него недостачи на 1 января 1953 г., хотя фактически за все книги, выданные школам в 1952 году, расчеты были полностью закончены тогда же.

Все это говорило о том, что уже в январе 1953 года Грешнов знал о наличии недостачи товаров в магазине, которая временно была скрыта представлением в облкниготорг подложных документов, на основании которых не существовавшие в действительности товары были отнесены ему в приход как наличные.

О существовании недостачи на 1 января 1953 г. не могла не знать и его жена, Грешнова, так как в период ревизии магазина, проводившейся представителем облкниготорга, ревизор жил на квартире Грешновых и сообщал супругам о наличии недостачи по магазину, что было подтверждено ревизором на допросе.

Поскольку не было никаких сомнений в наличии недостачи товаров по данным инвентаризации на 1 января 1953 г., я решил выяснить, почему эта недостача не была вскрыта при инвентаризации товаров в магазине по состоянию на 1 июля 1953 г., тем более что тщательной документальной ревизией и инвентаризацией магазина после пожара была установлена недостача товаров более чем на 77 тыс. руб.

Осматривая сохранившиеся в магазине документы инвентаризации, мне удалось обнаружить чистые, незаполненные инвентаризационные ведомости, подписанные членами комиссии. Имелись ведомости, в которых или совершенно не проставлялась сумма товаров или же оставались незаполненными и непрочеркнутыми графы. Так как ведомости оставались на хранении у Грешновых, то они могли внести в ведомости не существующие в наличии товары.

Инвентаризация проводилась неопытными, неквалифицированными лицами и с грубейшими нарушениями правил ее проведения: председателем комиссии был мясоруб колхозного рынка в г. Инзе, а членом комиссии — ученица 9 класса.

Ежедневно по окончании работы по инвентаризации магазин и склад не опломбировались, а закрывались лишь на замки, ключи от которых брали с собой Грешнов и его жена. Это давало им возможность проникать в магазин и запутывать или фальсифицировать учет.

Кроме того, как было установлено расследованием, по четвергам и воскресеньям председатель комиссии работал на рынке, участия в инвентаризации не принимал, и инвентаризацию проводила только одна ученица 9 класса.

В результате такой «инвентаризации» в магазине была установлена недостача товаров только в сумме 120 руб.

Имевшаяся же в действительности недостача товаров не была выявлена.

Было также установлено, что за 8 месяцев работы магазина (с 1 января по 1 сентября 1953 г.) план товарооборота был выполнен лишь на 56 процентов. Выручка от продажи книг очень часто не сдавалась в Госбанк по несколько дней. Свидетели, инкассаторы отделения Госбанка Воронин и Сарбаев показали, что в то время как в этот период в школах города и района шла наиболее оживленная продажа книг и учебников к началу учебного года, работники магазина сдавали выручку нерегулярно, задерживали ее в течение нескольких дней и объясняли это тем, что за целый день якобы совершенно не продано товаров.

Таким образом, естественно было предположить, что денежная выручка систематически оседала в карманах директора магазина и продавца.

Изучая образ жизни Грешновых, я установил, что Грешновы систематически пьянизовали, приобретали дорогие новые вещи и жили явно не по средствам.

Свидетель Савинова, работающая заведующей буфетом, рассказала, что Грешнов очень часто до начала работы и в рабочее время заходил выпивать в буфет.

Вначале Грешнов категорически отрицал факт сокрытия имевшейся недостачи на 1 января 1953 г., факты присвоения денежных средств, но затем, после ознакомления его с показаниями свидетелей и проведения очных ставок с директорами школ, признался в совершении подлогов и систематическом присвоении части денежных средств.

Грешнов показал, что «по слабости характера» он иногда расходовал деньги из кассы на выпивки. Всего, по его словам, он взял из кассы не более 2000 руб. Бесплатно из магазина были взяты 125 тетрадей для своей дочери — учащейся средней школы. Грешнов показал, что он и жена систематически изымали из кассы наличные деньги для своих личных нужд, но отрицал, что ими была присвоена такая большая сумма, то есть 77 тыс. руб.

Грешнова виновной себя не признала и категорически отрицала как факты присвоения денежных средств, так и поджог магазина.

Проверяя личность и прошлое Грешновой по архивным материалам, я установил, что она совершает преступление не впервые. Так, в 1944 году, работая продавцом в магазине на Диатомовом комбинате г. Инзы, Грешнова растратила около 250 тыс. руб., за что была осуждена и отбывала наказание до освобождения ее по Указу «Об амнистии» в 1945 году.

В 1949 году Грешнова, работая продавцом в магазине Инзенского сельпо, заявила об ограблении ее неизвестными преступниками в момент подсчета выручки. В тот раз было похищено 13 тыс. руб. Уголовное дело, которое расследовалось Инзенским РОМ МВД, было прекращено за необнаружением виновных.

Таким образом, факт недостачи товаро-материальных ценностей в магазине на сумму 77 тыс. руб. и поджог магазина не вызывали сомнений. Возникновение же пожара спустя 5—7 мин. после ухода Грешновой из магазина, противоречивые, путаные показания Грешновой о причинах возникновения пожара, обнаружение вещественных доказательств по делу и частичное признание своей вины Грешновым приводили к выводу о том, что поджог был совершен Грешновой с целью сокрытия недостачи.

В возмещение ущерба государству, причиненного преступными действиями обвиняемых, мною был наложен арест на имущество Грешновых. Было описано и изъято имущество на сумму 43 130 руб.

О неблагополучном положении дела с подбором и назначением лиц для проведения инвентаризаций в торговых организациях города было сделано представление председателю Инзенского городского Совета депутатов трудящихся и заведующему райторготделом.

Грешнов был предан суду по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», Грешнова же — по ст. 17 УК и ст. 2 того же Указа, а также по ч. 2 ст. 79 УК РСФСР.

Народный суд, рассматривавший дело по обвинению растратчиков — супругов Грешновых, приговорил их к длительным срокам заключения в исправительно-трудовом лагере.

*Старший следователь прокуратуры
Московской области
юрист 3-го класса
Л. Э. Мартель*

СЛЕДСТВИЕ ПО ДЕЛУ О ХИЩЕНИЯХ ПРИ ВЫЕЗДНОЙ ТОРГОВЛЕ

Вечером 26 февраля 1954 г. работники милиции г. Бежецка, Калининской области, обратили внимание на две грузовые автомашины с товарами, стоявшие у гостиницы.

Поскольку номерные знаки на автомашинах свидетельствовали о том, что машины прибыли из другой области, работники милиции поинтересовались, откуда они.

Шоферы объяснили, что автомашины принадлежат одной из транспортных контор Москвы, а товары сопровождают работники артели «Кооперативный труд», находящейся в г. Ступино, Московской области, Ботштейн и Мардер, которые остановились в гостинице.

В гостинице оказалась только одна Ботштейн, которая заявила, что все документы на товары находятся у Мардера, которого в гостинице не было. Ботштейн была приглашена в отделение милиции для выяснения, действительно ли у них имеются документы на товары. Туда же были отправлены и машины с товаром.

Ботштейн, воспользовавшись оплошностью работников милиции, оставивших ее одну в коридоре, скрылась. При этом в отделении милиции остались паспорт и другие, отобранные у нее для проверки, личные документы.

Такое поведение Ботштейн показалось весьма подозрительным, и было решено проверить, что погружено на автомашины. При этом выяснилось, что в автомашинах находятся трикотажные изделия, скатерти из хлорвинила, сумки-баулы, синька, гарное масло, олифа и другие товары, на общую сумму около 90 тыс. руб.

Маркировка на трикотажных изделиях, сумках-баулах и скатертях из хлорвинила свидетельствовала о том, что

они изготовлены артелью «Красный Октябрь», находящейся в Москве.

После задержания Ботштейн Мардер в гостинице не появлялся, но на следующий день он был задержан в г. Бежецке. Однако и у него никаких документов на товары не оказалось.

Органы милиции ограничились его заявлением о том, что ответственной за товары являлась Ботштейн, у которой якобы и были документы на товары, а также на право торговли ими в г. Бежецке.

Упустив Ботштейн, работники милиции не смогли проверить правильность этого заявления Мардера, и последний был отпущен. Товары были переданы на временное хранение в Бежецторг. В связи с возникшим подозрением, что в г. Бежецк были вывезены похищенные товары, работники милиции г. Бежецка сообщили об этом по телефону в Управление милиции Московской области, направив туда и все материалы.

Работниками ОБХСС УМВД МО было выяснено, что Мардер и Ботштейн с 15 февраля 1954 г. были оформлены на работу в г. Ступине в качестве лоточников выездной торговли магазина № 1 артели «Кооперативный труд». Выездная торговля была организована с целью увеличения товарооборота магазина.

Председатель артели «Кооперативный труд» Белов показал, что заведующий магазином № 1 Линшиц выехал совместно с Ботштейн и Мардер в г. Щербаков для реализации неходовых товаров; оттуда они еще не возвратились и не отчитались за товары, полученные для выездной торговли. Почему товары и сопровождавшие их люди оказались в г. Бежецке, ему не известно.

При проверке было установлено, что Линшиц, Мардер и Ботштейн по месту своей прописки фактически не проживают. Одновременно выяснилось, что Линшиц в 1953 году был осужден за хищение, а в декабре 1953 года освобожден на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии». В это же время выяснилось, что у Линшица по магазину имеется недостача более 54 тыс. руб.

Указанные выше обстоятельства в своей совокупности явились основанием для возбуждения уголовного дела по признакам ст. 4 Указа Президиума Верховного Сове-

та СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Организуя розыск Линшица, Мардера и Ботштейн, работники ОБХСС прежде всего произвели обыски и тщательно допросили родственников и знакомых, проживающих по месту их прописки.

Обыск в квартире, где был прописан Линшиц, ничего не дал. Была допрошена его квартирохозяйка Крайzman, которая заявила, что в конце февраля 1954 года на ее имя из г. Бежецка поступила телеграмма без подписи с довольно странным содержанием. В телеграмме, по ее словам, говорилось о каких-то накладных.

Зная, что Линшиц отправлял различные товары в другие области, она догадалась, что телеграмма, адресованная на ее имя, предназначена, повидимому, ему. Эту телеграмму она передала Линшицу, после чего он ушел и к ней на квартиру больше не приходил; где он находится в настоящее время, она не знает.

По заданию ОБХСС с разрешения прокурора на почте в г. Бежецке была изъята телеграмма, отправленная 26 февраля 1954 г. на имя Крайzman. Она гласила: «Срочно выезжайте накладными и документами». Позднее было установлено, что телеграмму послала Ботштейн.

Я не буду останавливаться на тех мероприятиях, в результате которых были задержаны Линшиц, а затем Мардер и Ботштейн. Хочу лишь отметить, поскольку это имеет существенное значение для дела, что еще до задержания Линшица, 3 марта 1954 г. в адрес артели «Кооперативный труд» по почте поступил от него товарный отчет за вторую декаду февраля 1954 года.

К отчету были приложены накладные на получение Линшицем товаров из различных артелей Москвы и Московской области, датированные 11 и 20 февраля 1954 г., и несколько расходных накладных на отпуск товаров Мардеру и Ботштейн за время с 11 февраля по 19 февраля 1955 г. Среди этих документов оказалась также накладная № 141 от 11 февраля 1954 г. на отпуск артелью «Красный Октябрь» артели «Кооперативный труд» 100 сумок-баулов, 300 хлорвиниловых скатертьей и 100 дамских сорочек из вискозы, на сумму 20 289 руб. Отчет сопровождался запиской Линшица

о том, что он якобы болен и явиться в артель не может, Однако свой адрес Линшиц «забыл» указать.

При проверке отчета Линшица за вторую декаду февраля, который имелся в бухгалтерии, работники ОБХСС установили, что все приходные накладные, выписанные до 19 февраля 1954 г., в том числе накладную № 140 от 11 февраля 1954 г. на получение разных товаров в той же артели «Красный Октябрь», Линшиц правильно включил в отчет за вторую декаду февраля 1954 года.

Напрашивается вопрос, почему Линшиц наряду с накладной № 140 от 11 февраля 1954 г. не включил в отчет за вторую декаду февраля накладную № 141 от этого же числа, выписанную той же артелью, и не является ли это попыткой замаскировать вывоз промтоваров, похищенных в артели «Красный Октябрь»? Это же давало основание предполагать, что Линшиц и кладовщик артели «Красный Октябрь», возможно, уже договорились между собой о том, что им следует показывать в случае вызова их на допрос. При появлении работников ОБХСС на складе артели «Красный Октябрь» кладовщик артели Канышин по их требованию предъявил подшитую и переплетенную уже вместе с другими книгами накладных книгу расходных накладных № 5 за февраль 1954 года. В ней оказались трети экземпляры накладных № 140 и 141 от 11 февраля 1954 г. (накладные артелью выписывались в трех экземплярах).

Канышин на допросах заявил, что накладная № 141 от 11 февраля 1954 г. на отпуск товаров артели «Кооперативный труд» была им выписана своевременно и 12 февраля 1954 г. сдана бухгалтеру артели «Красный Октябрь» Талалаю для выставления счета артели «Кооперативный труд».

В подтверждение своего заявления он сослался на книгу регистрации накладных, из записей в которой было видно, что накладная № 141 действительно была сдана в бухгалтерию 12 февраля 1954 г. При проверке в бухгалтерии артели «Красный Октябрь» было установлено, что Талалаи выставил счет по накладной № 141 лишь 3 марта 1954 г., то есть спустя 20 дней после ее выписки. Это лишало артель возможности получения кредитов из Госбанка, задерживало получение денег с покупателей и, следовательно, ухудшало финансовое состояние артели.

При допросах Талалай давал все время противоречивые показания. Сначала он заявил, что накладная в течение 20 дней находилась у его заместителя Соколова. Затем после проведения между ними очной ставки он показал, что накладная была затеряна и обнаружена только 3 марта 1954 г.

При анализе собранных материалов и с учетом показаний Линшица, Ботштейн и Мардера (они к этому времени были уже арестованы) картина преступления выглядела следующим образом:

11 февраля 1954 г. Линшиц получил в артели «Красный Октябрь» по накладным № 140 и № 141 промтовары на сумму 40 тыс. руб., которые вместе с другими товарами, полученными в этот день в других артелях, на двух грузовых автомашинах транспортной конторы Кировского райисполкома Москвы направил для реализации в г. Щербаков Ярославской области. С товарами выехал Мардер, имея на руках накладные, выписанные ему Линшицем. Ботштейн выехала поездом днем раньше с целью подыскания места для торговли.

В течение двух дней Мардер и Ботштейн торговали в г. Щербакове.

На второй день Ботштейн выехала из г. Щербакова в Москву, имея с собой деньги, вырученные от реализации товаров в г. Щербакове.

Мардер с частью нераспроданных товаров остался в г. Щербакове, продолжая торговлять. Местные органы власти запретили торговлю, так как у Мардера не было надлежащих документов на право торговли.

На следующий день после приезда Ботштейн в Москву Линшиц и Ботштейн получили в разных артелях Москвы другие товары, с которыми на тех же автомашинах Ботштейн выехала в г. Щербаков.

Поскольку торговать в г. Щербакове им было запрещено, Ботштейн по телефону связалась с Линшицем. Через день Линшиц из Москвы прибыл в г. Щербаков. Здесь ими было принято решение выехать с товарами в г. Бежецк.

После приезда Линшица в Москву Мардер и Ботштейн выехали в г. Бежецк, где и были задержаны.

За все это время Ботштейн перечислила на текущий счет артели 4500 руб., тогда как из показаний Мардера,

Ботштейн и Линшица было видно, что выручка в г. Щербакове была не менее 35 тыс. руб. Не отрицая факта недостачи в размере около 30 тыс. руб., Мардер, Ботштейн и Линшиц все время давали противоречивые показания, и каждый из них отрицал присвоение денег, ссылаясь на то, что деньги присвоил не он, а другой.

Передо мной стояли следующие основные задачи: определить роль каждого из соучастников хищения; установить источники хищения товаров; определить сумму, похищенную при выездной торговле, и сумму недостачи, образовавшуюся в самом магазине у Линшица; установить обстоятельства, способствовавшие хищению.

Я организовал снятие остатков по складу артели «Красный Октябрь» и производство документальной ревизии по ее цехам. Провести снятие остатков в цехах, выпускающих указанные в накладной № 141 изделия, не представилось возможным, так как цеха в это время были ликвидированы под разными предлогами.

Поскольку обвиняемые оспаривали правильность выводов ревизии по магазину № 1 артели «Кооперативный труд», а ревизия проводилась в их отсутствие, мною была назначена бухгалтерская экспертиза. На разрешение экспертизы был поставлен наряду с другими вопросами и вопрос о разграничении недостачи отдельно по магазину и по выездной торговле.

Вслед за этим я приступил к тщательному анализу и проверке тех документов, которые были уже собраны по делу и изъяты работниками милиции из артелей «Красный Октябрь» и «Кооперативный труд».

Прежде всего я изучил те документы, на основании которых производилась выездная торговля: прейскурант на вывозимый товар, спецификацию, отношение в райисполком г. Щербакова с просьбой разрешить торговлю и заявки на автотранспорт, подписанные председателем артели «Кооперативный труд» Беловым и старшим бухгалтером артели Кузнецовой.

Одновременно в артели «Кооперативный труд» я осмотрел личные дела Мардера, Ботштейн и Линшица. Из личных дел Мардера и Ботштейн было видно, что они были оформлены на работу приказом от 15 февраля 1954 г. без материальной ответственности, хотя материалами дела было установлено, что уже 11 февраля 1954 г. они производили торговлю в г. Щербакове.

Известно, что, согласно инструкции Министерства финансов СССР от 13 сентября 1951 г. № 1525 о выездной торговле, для реализации товаров в других городах требуется справка (форма № 4), выданная райфо по месту нахождения торгующей организации и зарегистрированная по месту продажи этих товаров. Я решил выяснить, были ли товары, вывезенные для продажи в г. Щербаков, предварительно оприходованы по магазину № 1 и имелась ли справка по форме № 4. Согласно инструкции, товары для выездной торговли должны быть оприходованы в магазине и отпущены по накладным, подписанным председателем артели, старшим бухгалтером и заверены печатью. Однако таких документов обнаружено не было, а накладные, выписанные на имя Мардера и Ботштейн, имели подпись одного Линшица.

Изучив эти документы, я пришел к выводу, что руководство артели не осуществляло никакого контроля за деятельностью Линшица, а выездная торговля была организована незаконно.

Лишь после этого я приступил к допросу председателя артели Белова, Линшица и других лиц. Предварительная подготовка к допросам сказалась на их результатах. Так, например, после различных путаных и необоснованных показаний Белов, будучи изобличен имеющимися у меня документами, вынужден был признать, что он не осуществлял никакого контроля за деятельностью Линшица. Белов не интересовался, какие и откуда вывозит Линшиц товары, кто выехал с товарами, и допускал их отправку, минуя магазин. Он выдавал Линшицу чистые бланки заявок на автотранспорт, передавая ему оформление всей документации. Пользуясь этим, на документах Линшиц учил подписи от имени старшего бухгалтера Кузнецовой, которая, как выяснилось, отказалась подписать документы при отсутствии справки по форме № 4. Этот факт был установлен допросом Кузнецовой и подтвержден впоследствии самим Линшицем.

При осмотре книги расходных накладных № 5, изъятой у Каньшина, я обратил внимание на то, что накладная № 141 несколько больше по формату, чем другие накладные в этой книге, хотя все они были отпечатаны в типографии артели «Красное знамя». Имелись и другие внешние признаки, дающие основание полагать, что книга расходных накладных № 5 расшивалась и наклад-

ная № 141 была вложена туда из другой книги накладных после выписки накладных за последующие дни.

При подсчете страниц в книге их оказалось на один лист больше, чем значилось по записи старшего бухгалтера Талала на последнем листе этой книги. За накладной № 141 следовала накладная от 12 февраля 1954 г. на отпуск чехлов ремонтному заводу, которая имела № 141-а. Из допроса работников бухгалтерии я выяснил, что аналогичных случаев выписки накладных с буквой «а» к номеру накладной в артели «Красный Октябрь» раньше не было.

Все это свидетельствовало о том, что накладная № 141 от 11 февраля 1954 г., видимо, была оформлена прошедшим числом. Однако Линшиц и Каньшин категорически отрицали это.

Подтверждением того, что накладная № 141 могла быть выписана позднее, явилось и то обстоятельство, что, согласно имевшемуся у Линшица наряду, Каньшин 11 февраля 1954 г. мог отпустить артели «Кооперативный труд» товаров только на сумму 20 тыс. руб. При суммировании же стоимости товаров, отпущенных по накладным № 140 и № 141, их стоимость определилась в 40 тыс. руб.

Все это необходимо было проверить. Была назначена криминалистическая экспертиза, которая установила, что накладная № 141 от 11 февраля 1954 г. не является листом книги расходных накладных № 5, а в накладной № 141-а от 12 февраля 1954 г. буква «а» дописана позже, чем весь остальной текст.

Получив такое заключение, я допросил мастера печатного цеха артели «Красное знамя». После осмотра предъявленной ему книги накладных он показал, что данная книга была отпечатана у них в цехе, а лист накладной № 141 от 11 февраля 1954 г. не является листом этой книги.

Переплетчик артели «Красный Октябрь» после осмотра книги накладных показал, что лист накладной № 141 был вставлен в книгу накладных уже после того, как книга была им переплетена.

Из допроса работников ремонтного завода было установлено, что чехлы были ими получены по накладной № 141, а не № 141-а. Об этом свидетельствовали акт приемки чехлов на склад завода и счет, выставленный

артелью заводу 15 февраля 1954 г. При осмотре же экземпляра накладной № 141 от 12 февраля 1954 г. в бухгалтерии завода оказалось, что и в этом экземпляре имеется буква «а».

Возник вопрос, кто, когда и зачем дописал эту букву.

Я допросил всех лиц, имеющих отношение к документам. При этом было установлено, что какие-то документы брал в бухгалтерии ответственный исполнитель отдела материально-технического обеспечения завода Фатиади.

Фатиади на допросе показал, что в конце февраля 1954 года на завод позвонил кладовщик артели «Красный Октябрь» Каньшин, у которого он ранее несколько раз получал для завода чехлы, и попросил его в экземпляре накладной № 141 от 12 февраля 1954 г., имеющейся на заводе, дописать букву «а». При этом он со слался на то, что ошибся в нумерации накладных, когда выписывал их. Не придавая этому никакого значения, он выполнил просьбу Каньшина. Для дела имело существенное значение, была ли приписка буквы «а» сделана 12 февраля 1954 г. или, как показал Фатиади, в конце февраля 1954 года.

На очной ставке с Фатиади Каньшин пытался доказать, что Фатиади ошибается, так как разговор по телефону между ними произошел якобы не в конце февраля 1954 года, а 12 февраля 1954 г., то есть непосредственно после того, как он, Каньшин, обнаружил две накладные, выписанные за одним и тем же номером.

Однако правильность показаний Фатиади была настолько очевидной и бесспорной, что Каньшин, убедившись в полной несостоятельности своего утверждения, отказался от дачи объяснений по этому вопросу.

Оставался еще неясным вопрос, почему в книге приема накладных было записано, что накладная № 141 от 11 февраля 1954 г. сдана в бухгалтерию артели 12 февраля 1954 г.

На этот вопрос могли ответить только Каньшин или Талалай.

Проанализировав имеющиеся доказательства, я пришел к выводу, что целесообразнее допросить по этому вопросу Талалаев. Исходя из тактических соображений, я ознакомил Талалаев с заключением криминалистической экспертизы, показаниями Фатиади и др.

Убедившись в бесцельности дальнейшего запирательства, Талалай показал, наконец, что накладная № 141 от 11 февраля 1954 г. была передана ему Каньшиным 3 марта 1954 г. При этом Каньшин якобы заявил ему, что отпустил товар одному клиенту без накладной, но сейчас возникли какие-то неприятности и срочно требуется выставить счет по этой накладной.

Совместно с Каньшиным он сделал в книге сдачи накладных приписку о том, что накладная № 141 от 11 февраля 1954 г. сдана в бухгалтерию 12 февраля 1954 г. Эту приписку можно было сделать потому, что запись о сдаче в бухгалтерию накладной № 141 от 12 февраля 1954 г. имелась уже на другой странице книги, а порядковые номера отсутствовали. Таким образом, было установлено, что накладная № 141 от 11 февраля 1954 г. была выписана после получения Линшицем телеграммы от Ботштейн из г. Бежецка.

Путем допроса шоферов и других лиц была доказана передача Ботштейн денег Линшицу при возвращении ее в Москву из г. Щербакова.

Однако ошибки, допущенные в начале следствия, были настолько существенными, что лишили следствие возможности установить, откуда поступали на склад к Каньшину похищенные товары. Проверка в цехах и складе артели была проведена с большим опозданием и не дала никаких результатов. Недостачи и излишков товаров на складе у Каньшина обнаружено не было, хотя возможности установить источник получения Каньшиным неоприходованных товаров в начале следствия имелись.

Так, во время осмотра документов, который был произведен работниками ОБХСС еще на первой стадии следствия, Каньшин пытался отвлечь внимание работников ОБХСС от мешка, стоявшего в складе, загораживая его собою. Это показалось подозрительным, и мешок был вскрыт.

Там оказались изделия трикотажного цеха артели «Красный Октябрь». Работники ОБХСС потребовали у Каньшина предъявить документы на этот товар. Однако таких документов не оказалось, а на вопрос о том, откуда эти товары, Каньшин сказал, что не знает, как они попали на склад.

Работники ОБХСС задержали Каньшина, опечатали склад артели, закрыли его на замок, но не изъяли меш-

ка с трикотажными изделиями и даже не составили протокола осмотра содержимого мешка. При вскрытии склада на следующий день, хотя пломба и замок были в полной исправности, мешка с неоприходованными изделиями не оказалось; кем и как он был похищен из склада, установлено не было.

Тут могли быть две версии: 1) в том случае, если Каньшин отпустил Линшицу товары из числа неоприходованных по складу, то, оформив задним числом накладную № 141, он впоследствии оприходовал их по документам; 2) если Каньшин отпустил товары из числа оприходованных по складу, то благодаря своевременному предупреждению, полученному от Линшица, он скрыл недостачу, покрыв ее каким-то не известным для нас путем.

При расследовании этого дела я столкнулся с тем, что бухгалтерская экспертиза не смогла разграничить сумму недостачи, образовавшуюся в самом магазине и в результате хищения денег при выездной торговле, так как отсутствовала накладная за 11 февраля 1954 г. на отпуск в этот день товаров Мардеру и Ботштейн. Отсутствие этой внутренней накладной косвенно свидетельствовало о том, что 11 февраля 1954 г. Линшицем были вывезены в г. Щербаков товары, полученные без документов.

Для того чтобы установить сумму денег, похищенных при выездной торговле, был произведен следующий расчет.

Из показаний свидетелей по делу было видно, что, начиная с 11 февраля 1954 г., Линшиц никаких товаров в магазин не завозил и полученные после этой даты от разных торговых организаций товары отправлял транзитом в г. Щербаков для выездной торговли.

Он вывез из своего магазина для выездной торговли 83,25 кг синьки, 117 кг гарного масла и 178 кг олифы. Как выяснилось в ходе следствия, эти товары находились в магазине Линшица неоприходованными.

Поскольку мне была известна стоимость товаров, вывезенных в г. Щербаков, и товаров, оставшихся после выездной торговли, я установил, что разница составляла 33 877 руб. Учитывая, что из этой суммы 4500 руб. были сданы в Госбанк, я определил недостачу в сумме 29 377 руб.

Напрашивался вывод о том, что в случае если бы преступники не выписали накладную № 141 от 11 февра-

ля 1954 г. и не выставили счета, то недостача ценностей при выездной торговле определилась бы лишь в сумме 8387 руб., которые составляли стоимость 83,25 кг синьки, 177 кг гарного масла и 178 кг олифы.

Это явилось еще одним из косвенных доказательств по делу, которое свидетельствовало о взаимосвязи между изъятой в г. Щербакове выручкой и отпуском без документов товаров из артели «Красный Октябрь».

Следствию не удалось установить, из каких источников Линшицем были получены и завезены в магазин № 1 83,25 кг синьки, 177 кг гарного масла и 178 кг олифы. Документы на этот товар обнаружены не были, было только установлено, что Линшиц не оприходовал их по магазину.

Таким образом, по делу было установлено, что Линшиц с целью беспрепятственной реализации похищенных товаров, пользуясь бесконтрольностью со стороны председателя артели «Кооперативный труд» Белова, организовал через своих соучастников Мардер и Ботштейн выездную торговлю в г. Щербаков Ярославской области.

Получая по наряду 11 февраля 1954 г. со склада артели «Красный Октябрь» разные товары, Линшиц похитил совместно с заведующим складом артели «Красный Октябрь» Мосгорнадомсоюза Каньшиным 100 сумок-баулов, 300 скатертей из хлорвинила и 100 дамских сорочек из вискозы, на сумму 20 989 руб.

Похищенные товары из артели «Красный Октябрь», а также товары, неоприходованные по магазину (83,25 кг синьки, 117 кг гарного масла и 178 кг олифы), Мардер и Ботштейн вывезли в г. Щербаков для реализации.

Из полученной после продажи товаров выручки было изъято 29 377 руб. Часть денег из этой суммы Ботштейн, Линшиц и Мардер присвоили, а остальные Линшиц передал Каньшину.

Линшиц, предупрежденный 26 февраля 1954 г. Ботштейн телеграммой о задержании автомашины с товарами в г. Бежецке, совместно с Каньшиным и при пособничестве главного бухгалтера артели «Красный Октябрь» Талалаев сфабриковал накладную № 141 от 11 февраля 1954 г. на получение со склада артели «Красный Октябрь» 100 сумок-баулов, 300 скатертей из хлорвинила и 100 дамских сорочек из вискозы.

На всех допросах Мардер и Ботштейн отрицали свое участие в хищении, хотя и признавали себя виновными в халатности и упущениях по службе.

Линшиц и Каньшин также отрицали участие в хищении, ссылаясь на то, что они никакого отношения к недостаче товаров не имеют и в недостаче повинны Мардер и Ботштейн. Однако связь между ними была доказана добытыми по делу доказательствами, и все они были осуждены Московским областным судом к длительным срокам лишения свободы.

*Следователь прокуратуры
Конотопского района Сумской области
юрист 3-го класса
М. И. Каган*

РАЗОБЛАЧЕНИЕ ИНСЦЕНИРОВКИ КРАЖИ

28 декабря 1953 г. в десятом часу утра в городской отдел милиции по телефону поступило сообщение о том, что обнаружены нарушения замков, которыми закрыты двери продовольственной палатки.

Немедленно на место происшествия выехали оперативные работники милиции.

В присутствии вызванного на место происшествия заведующего палаткой Новикова, сторожа Кирилица и представителей отдела вневедомственной охраны был произведен осмотр палатки и окружающей ее территории.

Палатка площадью в 6×3 м и высотой в 2,5 м была расположена на территории двора, огражденного со всех сторон высоким сплошным дощатым забором. Фасад палатки выходил на улицу имени Карла Маркса.

Во двор, где находилась палатка, можно было попасть через калитку или ворота со стороны Пролетарской улицы, а также через коридор здания, расположенного в северо-восточном углу двора. Въезд транспорта осуществлялся через ворота, одна створка которых к моменту осмотра оказалась сорванной с петель и подпертой деревянным бревном.

При осмотре палатки с наружной стороны никаких повреждений не было. На единственной двери, ведущей в палатку со стороны двора, оказался один навесной замок, висевший на металлической накладке вместе со скобой, вырванной из деревянного косяка двери. Второй замок типа винтовой гирьки висел раскрытым на другой скобе. В замочной скважине, расположенной в нижней части замка, находилась металлическая пластинка, свободный конец которой был изогнут и заканчивался неровными краями.

После того как состояние двери и замков на ней было зафиксировано, работники милиции осмотрели замки. Металлическая пластиинка была извлечена из скважины замка. На том ее конце, который находился в замке, имелись выемки, выступы и спиленные края, подобные тем, какие имеются у подлинного ключа к замку.

Внутри палатки, состоящей из двух отделений (складского и торгового), никаких бросающихся в глаза нарушений не оказалось. Товары в ящиках и на полках были аккуратно сложены. На полу был мусор, а посередине складского помещения на участке 0,5 кв. м было разбросано большое количество спичек. Спички были собраны и осмотрены. Их оказалось 42 шт., из которых 34 имели обгоревшие головки и были несколько закопчены; 7 спичек не были закопчены, у них сгорели только серные головки. Замки и обгоревшие спички были изъяты. Присутствовавший при осмотре заведующий ларьком Новиков заявил, что из складского помещения похищены различные товары, в частности два ящика мыла, два ящика рыбных консервов, один ящик папирос «Шахтерские», ящик сигарет «Прима» и несколько ящиков с кондитерскими изделиями. Казалось, что для перевозки такого большого количества товаров преступникам потребовался бы какой-либо транспорт, однако никаких следов транспортных средств вблизи палатки обнаружено не было, да и возможность такой крупной кражи в присутствии сторожа и при наличии запертых ворот была мало вероятной.

У работников милиции возникла версия об инсценировке кражи самим заведующим палаткой Новиковым. Поэтому по окончании осмотра он был задержан. В этот же день была произведена инвентаризация материальных ценностей, находившихся в палатке. Инвентаризацией была установлена недостача товаров на сумму около 11 тыс. руб.

На допросе в милиции Новиков показал, что он, уходя из палатки после окончания работы 27 декабря, закрыл замки и передал, как обычно, охрану палатки сторожу Кирилице, который охранял также расположенные поблизости продовольственный магазин и сапожную мастерскую.

На вопрос, где он находился в течение ночи и утренних часов 28 декабря, Новиков подробно рассказал, что

после закрытия палатки он весь вечер был дома, а утром 28 декабря заходил в больницу записываться на прием к врачу, откуда и был вызван для участия в осмотре. Поскольку к этому времени органам милиции стало известно, что 28 декабря около 8 час. утра Новикова видели во дворе, где расположена палатка, ему был задан вопрос о причине его пребывания там в выходной день. Новиков несколько изменил свои показания и заявил, что после посещения больницы, где он записался на прием, он заходил на квартиру к проживающему во дворе заведующему торгом за мешками, которые накануне он отдал домашней работнице заведующего.

Свидетель Тимонин, заходивший утром 28 декабря на квартиру к заведующему торгом, показал, что около 8 часов утра он видел во дворе не известного ему мужчину, идущего со стороны продовольственной палатки к крыльцу дома, где жил заведующий торгом. Чтобы установить, кого видел Тимонин во дворе, я предложил работникам милиции предъявить ему Новикова среди других лиц для опознания и совместно с работниками милиции произвел это следственное действие. Свидетель Тимонин из числа предъявленных ему трех граждан опознал в Новикове того мужчину, которого он видел поблизости от ларька в восьмом часу утра 28 декабря. Были подробно допрошены сторож внедомственной охраны Кирилица и ряд сотрудников торга. В процессе допросов выяснились интересные подробности, подтверждающие версию об инсценировке кражи. Сторож Кирилица показал, что за время его дежурства с момента закрытия палатки 27 декабря и до 7 час. 30 мин. утра 28 декабря все запоры были в полном порядке и никакой кражи не могло быть. Кирилица подробно рассказал о том, как он принимал от Новикова палатку вечером 27 декабря. Перед ее закрытием Кирилица заходил в помещение палатки, где помогал Новикову пересыпать муку из мешка в наволочку, а затем, взяв тулуп, вышел и по просьбе Новикова закрыл с наружной стороны ставни окна, выходившего на улицу. Уже перед самым закрытием замков Новиков предложил сторожу подождать на улице, а сам вошел в помещение, сказав, что решил вымыть мусор. Пробыв несколько минут внутри палатки, он вышел оттуда и закрыл замки в присутствии сторожа.

Свидетель Кирилица показал, что заявление Новикова о том, что похищено несколько ящиков товаров, вряд ли соответствует действительности, ибо, находясь вечером в помещении палатки и присутствуя утром при ее осмотре работниками милиции, он не видел никаких изменений в обстановке. Кирилица добавил, что заявление Новикова относительно исчезновения ящиков с продуктами, якобы находившихся в углу складского отделения, не соответствует действительности, так как в том месте, где, по заявлению Новикова, стояли ящики, на самом деле никаких ящиков не было, а лежал только тулуп.

Кроме того, сторож Кирилица рассказал о случае, имевшем место в ночь на 25 декабря. При очередном обходе в 12 час. ночи он увидел Новикова, вскрывавшего замки на дверях палатки. Новиков очень растерялся и заявил, что он пришел за бутылкой вина, которая нужна заведующему торгом. Действительно, после того как была закрыта палатка, сторож видел, как Новиков направился на квартиру к заведующему торгом.

Безмотивное посещение его квартиры Новиковым среди ночи и предложение распить бутылку вина были подтверждены заведующим торгом и его женой. Новиков же этот случай категорически отрицал.

На следующий день в квартире Новикова был произведен обыск. При обыске обнаружили одну металлическую формочку, служащую в домашнем обиходе для изготовления печенья из теста. По своему внешнему виду она напоминала материал, из которого был сделан ключ, извлеченный из замка, обнаруженного на месте происшествия. Мать Новикова при обыске заявила, что таких формочек в доме было две, но где вторая, она объяснить не могла. Формочка, изъятая на квартире Новиковых, была приобщена к делу как вещественное доказательство.

Я был в курсе расследования этого дела с момента обнаружения взломанных замков. 6 января 1954 г. оно было передано из милиции в прокуратуру и принято мною к производству.

Просмотрев все имеющиеся к этому времени материалы и проанализировав их, я пришел к выводу, что наиболее вероятной версией была версия об инсценировке кражи Новиковым. Я вызвал его на допрос. Новиков категорически отрицал обвинение его в инсценировке и

заявил, что никаких оснований к этому у него не было. Ревизии работниками отделения торга проводились у него нерегулярно, но никаких отклонений по документам и натуре при этих ревизиях не оказывалось, за исключением одного случая, когда он не оприходовал по забывчивости поступившую в ларек партию хлебо-булочных изделий на 817 руб. При обнаружении этого упущения он сразу же внес в кассу торга эту сумму наличными деньгами. Новиков заявил, что последняя ревизия была у него 1 декабря и за 27 дней он не мог растратить 11 с лишним тыс. руб., тем более что вырученные от продажи товаров деньги он ежедневно по вечерам сдавал в кассу торга.

Кроме тех товаров, которые Новиков назвал в момент осмотра места происшествия, по его словам, были еще похищены два ящика водки.

В целях проверки показаний Новикова я предложил начальнику отделения торга представить мне справки и денежные документы, отражающие результаты произведенных по палатке Новикова инвентаризаций и ревизий за время его работы. По данным бухгалтерского учета за Новиковым числилось ценностей на сумму 24 021 руб. Фактические остатки, согласно описи, составляли 12 766 руб. При списании естественной убыли оказалась недостача материальных ценностей на 11 168 руб. Чтобы проверить, могла ли образоваться недостача товаров на эту сумму за время, прошедшее с момента производства последней инвентаризации (с 1 декабря по 28 декабря), я предложил бухгалтерии составить ведомость движения товаров по палатке № 8. Такая ведомость была мне представлена и проанализирована мной.

При осмотре этой ведомости и сличении остатка товаров на день последней ревизии с остатком товаров на момент инвентаризации 28 декабря обращало на себя внимание то обстоятельство, что в наличии меньше всего оказалось товаров тех наименований, об исчезновении которых указал Новиков сразу же при осмотре места происшествия. В частности, консервов «Треска в масле» на 30 ноября было 246 банок, на сумму 1894 руб., а на 28 декабря их оставалось лишь 2 банки, на сумму 15 р. 40 к. Папирос «Шахтерские» было на ту же дату 1386 пачек, на сумму 3049 руб., а при инвентаризации оказалось лишь 88 пачек, на сумму 194 руб., и т. д.

На первый взгляд могло бы показаться, что Новиков говорил правду и что никакой инсценировки кражи им совершено не было. Но я решил этот вопрос исследовать глубже и проанализировал данные о сдаваемых Новиковым в кассу деньгах, поступающих от реализации товаров. Даже при грубом подсчете сдаваемой выручки и стоимости исчезнувших, со слов Новикова, товаров можно было видеть, что сумма выручки при продаже наиболее дорогостоящих товаров — таких, как водка, консервы и папиросы, должна была быть значительно большей, чем она сдавалась на самом деле. В то же время эти же товары пользовались наибольшим спросом у потребителей. Я допросил в качестве свидетелей работников бухгалтерии торга и заведующих отдельными торговыми точками. Своими показаниями они подтвердили, что в палатке Новикова к концу декабря была продана большая часть рыбных консервов, папирос и других товаров. В частности, заведующий базой торга показал, что Новиков в середине месяца брал с базы 120 бутылок водки. Заведующий заявил, что вряд ли Новикову нужно было брать водку в большом количестве, если бы она у него имелась и на нее не было бы спроса, ибо заработка плата работников торговли зависит от реализации товара. Сопоставив данные суммарного учета товаров, их движение по ларьку и сумму сданной Новиковым выручки с показаниями свидетелей, я пришел к выводу, что те товары, о которых Новиков говорил как об исчезнувших в ночь на 28 декабря, к этому времени у него вряд ли имелись в наличии.

Новиков на допросах продолжал настаивать на ранее данных им показаниях.

Предполагая, что Новиков хотел инсценировать кражу еще в ночь на 25 декабря 1953 г., я поочередно произвел очные ставки между Новиковым и свидетелями: Кирилицей, заведующим торгом, его супругой и домашней работницей. Последние на очной ставке вновь подтвердили тот факт, что Новиков, действительно, заходил к ним в квартиру ночью 25 декабря и предлагал выпить с ними бутылку вина. Эти показания полностью совпадали с данными, сообщенными сторожем Кирилицей.

Надо сказать, что я не упустил из виду и те вещественные доказательства, которые были изъяты с места происшествия и при обыске на квартире Новикова. После

осмотра их я пришел к выводу, что оказавшаяся в скважине замка, висевшего на двери палатки, металлическая пластинка с вырезами, подобными вырезам в ключе к этому замку, изготовлена Новиковым из второй формочки, похожей на ту, которая была найдена при обыске в квартире Новикова. Толщина обеих пластинок, их ширина, цвет и форма изгиба были одинаковыми. У меня также возникло предположение, что обнаружен-

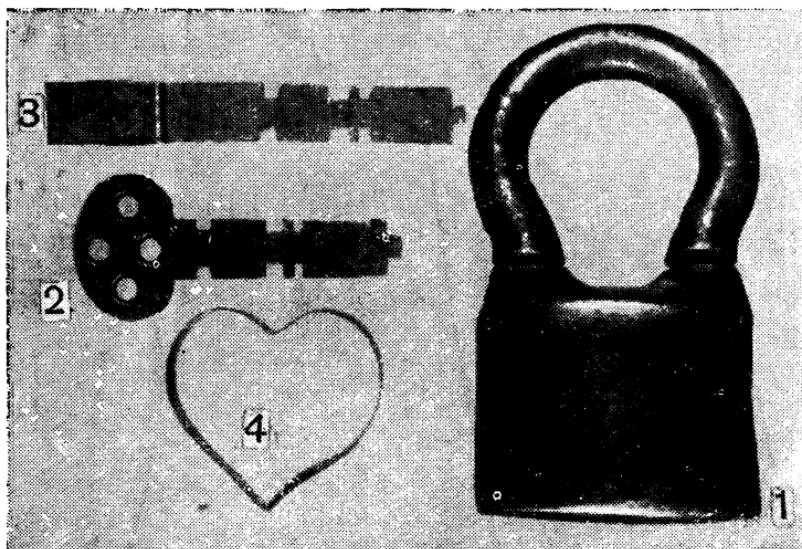

Рис. 1. 1 — Замок «гирька»; 2 — ключ к нему; 3 — поддельный ключ; 4 — формочка «сердце»

ные при осмотре палатки спички были одновременно зажжены и брошены на пол Новиковым, чтобы создать впечатление, будто воры при краже товаров пользовались спичками для освещения. Это были лишь мои предположения. Поэтому 8 января замок, ключ к нему, металлическая пластинка и все обгоревшие спички, а также формочка были направлены на экспертизу в Харьковский научно-исследовательский институт судебной экспертизы (рис. 1). Направляя на экспертизу перечисленные предметы, я хотел получить научно обоснованное заключение по трем вопросам: во-первых, о возможности открыть замок «гирьку» поддельным ключом, изготовлен-

ным из металлической пластиинки; во-вторых, однороден ли металл, из которого изготовлены формочки для печения и поддельный ключ, и, в-третьих, могли ли быть использованы найденные при осмотре спички для освещения ларька.

В ожидании заключения экспертизы я продолжал производить допросы свидетелей в целях выяснения поведения Новикова на работе и в быту. Некоторые из свидетелей сообщили мне, что Новиков, находясь на работе, часто приглашал к себе товарищей и распивал с ними вино в служебном помещении. Оказалось, что он нередко выдавал товары в долг, а деньги за них предлагал передавать его жене.

Жена Новикова категорически отрицала эти факты как на допросе, так и на очных ставках со свидетелями. Как бы попутно я задал жене Новикова вопрос о количестве формочек для печения, имеющихся в их доме. Она ответила, что их было две и обе имели форму «сердечка», причем одну из них взяли работники милиции, а вторая была потеряна, но ее нашли дети, и теперь она находится в доме.

На мою просьбу принести вторую формочку жена Новикова ответила согласием, однако позже признала, что ее так и не удалось найти. При допросе свидетелей из числа соседей Новикова выяснилось, что его жена просила их дать ей на время формочку в виде «сердечка».

Я решил подробнее выяснить обстоятельства обнаружения у Новикова недостачи товаро-материальных ценностей, имевшей место в мае 1953 года. Как я выше указывал, Новиков по этому вопросу давал объяснения о том, что никакой недостачи у него не было, а он по своей забывчивости не включил в отчет одну накладную на хлебо-булочные изделия, на сумму 817 руб.

Путем проверки документов бухгалтерии торга и допросов работников этой бухгалтерии выяснилось, что недостача на сумму 817 руб. была обнаружена у Новикова не при инвентаризации, проведенной 21 мая, а спустя месяц после этого, при разработке бухгалтерских документов. Объяснения Новикова о том, что он ошибочно не оприходовал хлеб на эту сумму, не соответствовали действительности, ибо в таком случае при инвентаризации, проведенной 21 мая, у него в палатке должен был

быть излишком товаров, а не их недостача. Все это могло свидетельствовать лишь о том, что Новиков указанную сумму денег присвоил и лишь при обнаружении недостачи вынужден был погасить ее наличными.

22 января поступил акт криминалистической экспертизы. Представленные на экспертизу спички, по заклю-

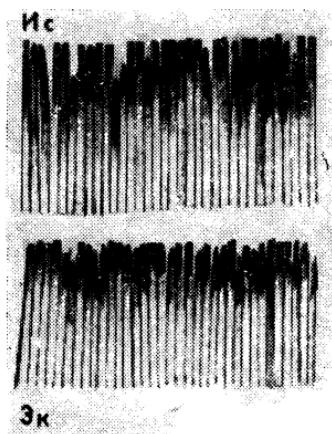

Рис. 2. Экспериментальное исследование спичек (вверху — исследуемые, внизу — экспериментальные)

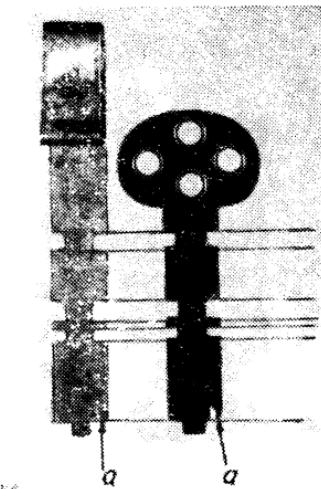

Рис. 3. Сравнительное исследование самодельного ключа с настоящим

чению эксперта, были зажжены в пучке одновременно и горели самое минимальное время. Ответ на этот вопрос был дан в результате производства эксперимента, при котором зажженные одновременно в пучке спички обгорели так же, как и спички, представленные на экспертизу (рис. 2).

Сравнительное исследование самодельного ключа с настоящим ключом от замка «гирьки» показало, что они имеют одинаковые размеры и при наложении их друг на друга формы имеющихся на них вырезов и выступов полностью совмещаются (рис. 3). Даже такая незначительная деталь, как спиленные под углом противоположные стороны у нижнего конца остова настоящего ключа, совпала и у самодельного (рис. 3, деталь *a*).

Это исследование дало эксперту основание для вывода, что самодельный ключ изготовлен при наличии настоящего ключа от замка «гирьки» и является его копией.

При сравнительном исследовании самодельного ключа и металлической формочки в виде «сердечка» оказалось,

что они имеют одинаковую ширину, равную 15 мм, толщину — 0,62 мм, одинаковое покрытие цинком и один и тот

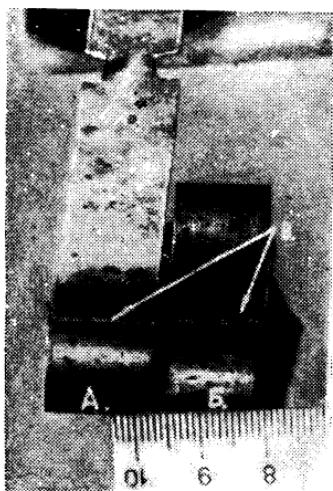

Рис. 4. Одинаковые линии изгиба стержня самодельного ключа (А) и формочки (Б)

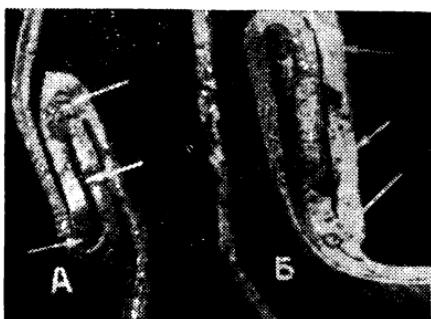

Рис. 5. Исследование швов; А — шов на самодельном ключе; Б — шов на формочке «сердце». Стрелками указаны кусочки теста

же удельный вес. Кроме того, стержень самодельного ключа и формочки имели одинаковые линии изгиба (рис. 4). И, наконец, при производстве экспертизы на спайке формочки и аналогичной спайке, имеющейся на самодельном ключе (рис. 5), были обнаружены микрочастицы пшеничного теста, сходные по своей структуре (рис. 6).

В результате этого исследования эксперт дал заключение, что подделанный к замку «гирьке» ключ изготовлен из металлической формочки в виде «сердечка».

Что касается качественного состава металла, из которого изготовлены поддельный ключ и формочка, то ответа на этот вопрос криминалистическая экспертиза не дала, так как это относится к компетенции технической экспертизы.

На следующий же день я назначил по делу техническую экспертизу.

Результаты качественного анализа металла, из которого были изготовлены ключ и формочка, а именно одинаковый процент содержания в них кремния, углерода и марганца, привели к выводу, что поддельный ключ и формочка для приготовления печений изготовлены из одного и того же металла.

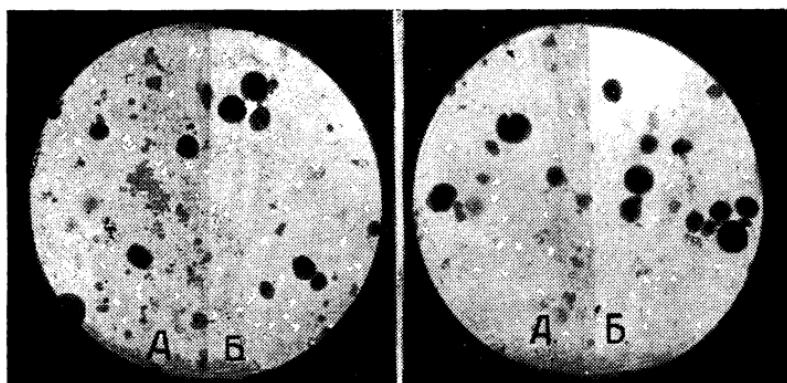

Рис. 6. Микроснимки крахмальных зерен в тесте из швов формочки «сердце» и ключа. А — тесто, извлеченное из ключа; Б — тесто, взятое из формочки

После предъявления Новикову заключений криминалистической и технической экспертиз он продолжал настаивать на своих первоначальных показаниях и отрицать совершенное им преступление, хотя доказательств, изобличающих его в инсценировке кражи, было достаточно.

На основании добывших доказательств, среди которых большое значение имели заключения криминалистической и технической экспертиз, Новиков был привлечен к уголовной ответственности по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и осужден.

Ущерб, причиненный Новиковым государству, был возмещен частично, на сумму 6950 руб.

*Прокурор следственного отдела
прокуратуры Киевской области
младший советник юстиции*

Л. С. Горвиц

РАССЛЕДОВАНИЕ КРАЖИ СО ВЗЛОМОМ ИЗ СЕЛЬМАГА

24 сентября в час ночи прокурором Кагарлыкского района т. Бердниковым по телефону было получено сообщение о совершенном в селе Шубовке хищении товаров из сельмага. Хищение было совершено накануне поздно вечером. Участковому уполномоченному милиции младшему лейтенанту Кошельному, сообщившему о преступлении, было дано указание об охране места происшествия. В ту же ночь т. Бердников вместе с начальником районного отделения милиции т. Давиденко выехал в село Шубовка, расположенное в 27 км от районного центра.

Осмотр места происшествия был начат в 6 час. утра.

Сельмаг, из которого было совершено хищение, расположен в 50 м от здания сельсовета, около дороги, проходившей через село. Целостность замков на двери магазина, выставленное из верхней части двери стекло, открытая ставня и разбитое стекло — все это уже при первом беглом ознакомлении с местом происшествия говорило о путях проникновения преступников в магазин и, казалось, исключало версию об инсценировке хищения из магазина. Однако опрошенные до осмотра места происшествия свидетели говорили о подозрительном, на их взгляд, поведении работников магазина в момент обнаружения преступления. Поэтому отказываться от проверки этой версии не следовало.

В самом начале осмотра обратил на себя внимание свежий след автомашины возле магазина. Судя по ширине колеи и диаметру колес, вычисленному по длине следа от одного оборота колеса, можно было предположить, что след оставлен машиной ГАЗ-69. В Шу-

бовке, как тут же выяснилось, такой машины не было. Отсутствие оживленного движения машин на этом участке дороги давало основание предположить, что появление следа связано с преступлением. Машиной могли воспользоваться преступники, обокравшие магазин. Поэтому одновременно с осмотром места происшествия был организован розыск машины.

Рис. 1. Дверь магазина. Стрелкой отмечено отверстие, через которое можно было проникнуть в магазин

В ходе осмотра т. Бердников обнаружил на выступах двери магазина следы грязной обуви. Расположение следов свидетельствовало о том, что человек, оставивший их, воспользовался выступами двери для того, чтобы выставить стекло из ее верхней части и через образовавшееся отверстие проникнуть в магазин (см. рис. 1). Это отверстие (отмечено стрелкой) в самом деле позволяло взрослому человеку проникнуть в магазин. То обстоятельство, что выставленное стекло стояло на земле рядом с входом в магазин и не было разбито, наводило на мысль, что человек, влезавший в магазин, был не один. Скорее всего внизу стоял соучастник, помогавший ему влезть на дверь и принявший вынутое стекло. Эту же версию подтверждали и обнаруженные возле магазина

следы ног. Наиболее четкими были два следа, оставленные, повидимому, новой резиновой обувью. Но размеры каждого следа были различны, разным был и рисунок на подошвах, отобразившихся в следах. Следы были тщательно измерены и описаны в протоколе осмотра.

Прежде чем открывать дверь в магазин, замки на которой не имели следов взлома, было осмотрено окно. Стекло средней секции рамы в нем было разбито. Осколки стекла валялись на земле. Ставни были открыты. Болт, который должен был скреплять скобу, закрывавшую ставни, и продеваться сквозь специальное отверстие внутрь магазина, лежал на земле, в двух метрах от окна. Позже во время осмотра торгового помещения магазина была обнаружена чека, которая закрепляла болт с внутренней стороны магазина. Однако никаких следов, говорящих о том, что ставни были открыты снаружи, замечено не было.

Подоконник и нижняя часть рамы были запачканы какой-то белой массой. Видимый в окно участок пола магазина также был залит чем-то белым.

Осмотр внутреннего помещения магазина был начат с тамбура, расположенного сразу же за входной дверью. На застекленной стене тамбура т. Бердников обнаружил два пальцевых отпечатка. Следы пальцев были опылены и изъяты путем перенесения на дактилопленку.

На полу рядом с прилавком был обнаружен мешочек, сделанный из рукава мужской рубашки. Внутри мешка находился порванный фабричный пакет из-под дуста и небольшое количество этого порошка. В четырех метрах от двери стояло ведро, на дне которого были остатки какого-то раствора белого цвета (как потом выяснилось, это был раствор дуста в водке). Почти весь пол магазина, а также прилавок оказались залитыми этим раствором. Около прилавка валялись пять пустых бутылок из-под водки.

На прилавке магазина был обнаружен большой нож, также испачканный белым раствором. По заявлению работников магазина, этого ножа и мешочка с дустом раньше в магазине не было.

Товары не были разбросаны по магазину. Только в некоторых местах, в частности на полках, где висело готовое платье, часть товаров была испачкана тем же раствором.

В ходе осмотра было произведено фотографирование общего вида магазина, двери с выставленным стеклом и разбитого окна. Снимок внутреннего помещения магазина оказался неудачным.

Нож, мешок с остатками дуста, бутылки со следами пальцев — все это было тщательно осмотрено, отдельно упаковано с соответствующими предосторожностями и приобщено к делу в качестве вещественных доказательств.

Уже к концу осмотра работниками милиции, направленными для розыска автомашины, был установлен и задержан шофер одной МТС, который вернулся в гараж накануне поздней ночью. Его машина была марки ГАЗ-69.

На допросе он сразу же признал, что накануне приезжал в село Шубовка на машине и оставлял свою машину около магазина. Отрицая причастность к хищению, шофер долгое время не хотел рассказать, зачем он приезжал в это село. Только на втором допросе шофер показал, что приезжал к своей знакомой, проживавшей в селе Шубовка, и не рассказывал об этом, боясь как бы о его приезде не узнала жена.

Проверка показаний шофера подтвердила их правильность. Таким образом, в первый же день расследования версия о том, что преступниками была использована машина, следы которой подходили к магазину, отпала.

Не находила своего подтверждения и версия об инсценировке хищения. Проведенная в магазине инвентаризация после сверки с бухгалтерскими документами выявила недостачу на сумму около 6 тыс. руб. Продавцы магазина на допросах показали, каких именно товаров недостает в их отделах. Такими товарами были: один мужской и один женский костюмы, двое карманных часов «Молния», четыре пары мужских модельных туфель. В одном из отделов магазина была похищена дневная выручка, равная 1600 руб. Общая сумма стоимости этих товаров и украшенных денег совпадала с размерами выведенной недостачи.

Выводы инвентаризационной комиссии, результаты осмотра места происшествия подтверждали предположение о том, что хищение совершено посторонними лицами, не работавшими в магазине. Скорее всего это могли быть местные жители, знакомые с порядком охраны магазина.

О том, что хищение совершено местными жителями, свидетельствовали также и принятые преступниками «меры», которые, по их мнению, должны были «отбить» запах следов и помешать служебной собаке найти их.

Если бы лица, принимавшие участие в хищении, намеревались сразу же после кражи скрыться из этой местности, они не стали бы предпринимать этих «мер предосторожности».

Проверка этой версии велась в двух направлениях. Работникам милиции было дано задание оперативным путем установить среди жителей села лиц, что-либо знавших об обстоятельствах преступления. Было решено предъявить для опознания местным жителям нож и кусок рубашки, из которого был сшит мешок для дуиста. Однако для выяснения круга лиц, которые могли бы опознать эти вещи, необходимо было провести предварительно оперативную работу.

Работники милиции сообщили, что ученик 3-го класса Шубовской средней школы Василий Токовенко опознал нож, найденный в магазине. Вызванный на допрос к прокурору Василий Токовенко в присутствии своей матери и учительницы средней школы, где он учился, рассказал, что этот нож он видел в руках у их соседа Янишевского, когда последний срезал подсолнечники у себя во дворе.

Когда в тот же день, 6 октября, прокурор т. Бердинков вместе с работниками милиции приехал в дом Янишевского, оказалось, что последнего уже нет в селе. Он приезжал к своей матери на время отпуска. Отпуск окончился несколько дней назад, и Янишевский уехал к месту работы.

Тем не менее в доме матери Янишевского, Агафии Коваленко, был произведен обыск. Он дал очень ценные результаты. В подполье были найдены три товарных ярлыка. Два бумажных ярлыка были порваны. На одном из них сохранилась следующая запись: «Костюм мужской, размер 48». На втором — были едва видны некоторые цифры. На третьем ярлыке, сделанном из куска ткани, стоял четырехугольный штамп с обозначением размера, роста, артикула, цены и сорта. Все найденные ярлыки были изъяты. Никаких мужских или женских костюмов фабричного изготовления, принадлежащих Коваленко или ее сыну, при обыске обнаружено не было.

Возникло предположение о том, что найденные ярлыки были сняты с украденных костюмов.

Сразу же после обыска Агафья Коваленко была допрошена. Ей было предложено рассказать о материальной стороне жизни их семьи, в частности, о последних покупках готового платья. Коваленко рассказала, что материально они живут неважно и последнее время никакой одежды не покупали. Она рассказала, какое платье было у ее сына. Никакого костюма, которому мог бы соответствовать найденный при обыске ярлык от мужского костюма, у Янишевского не было.

На вопрос о том, откуда появились обнаруженные при обыске ярлыки, Коваленко вынуждена была признать, что это ярлыки от двух украденных костюмов. Коваленко указала, где именно спрятаны украденные вещи и рассказала, что хищение совершил ее сын Григорий Янишевский вместе с соседом Саввой Ильичем Токовенко.

Все украденные вещи, кроме часов, вначале хранились у нее в доме. После отъезда сына, увезшего с собой одну пару украденных ботинок, она сложила все вещи в мешок и спрятала его под кровать. Когда же она узнала, что Василий Токовенко, сын Саввы Токовенко, опознал нож Григория, она выбросила три пары ботинок в колодец, находившийся в их дворе, а костюмы зарыла в грязь, на краю пруда. Коваленко показала эти места. Названные ею вещи были обнаружены.

Тотчас был задержан Савва Токовенко.

Работникам милиции было дано задание задержать Янишевского на месте его работы.

Изобличенный собранными доказательствами Токовенко признал себя виновным в преступлении. В своих показаниях он старался подчеркнуть, что выполнял во время хищения пассивную роль. Токовенко рассказал, что приехавший в село на время отпуска Янишевский предложил ему обокрасть магазин. Токовенко вначале отказывался и пытался отговорить Янишевского. Но позже Янишевский убедил его, что опасности никакой нет и что всю «основную часть работы» он берет на себя.

Хищение было совершено 23 сентября поздно вечером. Они вместе шли к магазину. Токовенко нес с собой мешочек с дустом, приготовленный им по заданию Янишевского. Мешочек он сделал из рукава старой рубашки.

Прежде всего они убедились, что сторожа около магазина нет. Он находился в помещении сельсовета, расположенного недалеко от магазина.

Тогда Янишевский влез на дверь, отогнул имевшимся у него ножом гвозди, державшие стекло, и, чтобы не было шума, осторожно передал стекло Токовенко, а сам влез внутрь магазина. Токовенко остался на улице. Он должен был предупредить Янишевского в случае появления людей. Немного позже Янишевский попросил бросить ему мешок с дустом.

Через некоторое время Янишевский открыл изнутри ставню, разбил окно, передал Токовенко мешок с какими-то вещами и вылез сам. Испугавшись, что шум разбитого стекла может быть услышан, Токовенко стал говорить об этом Янишевскому. Тот ответил, что теперь уже не страшно, все закончено и можно уходить.

Мешок с украденными вещами был спрятан в поле. Придя после этого домой к Янишевскому, преступники разделили деньги, которые Янишевский взял в магазине. Токовенко получил также часы «Молния». Такие же часы взял себе Янишевский. Все это видела Коваленко.

Через несколько дней Янишевский и Токовенко принесли вещи, спрятанные в поле. Токовенко увидел, что в числе похищенных вещей находились два костюма, мужской и женский, и четыре пары мужских ботинок. Коваленко спрятала вещи под кроватью. Янишевский, уезжавший через два дня, сказал, что когда тревога по поводу хищения уляжется, Токовенко должен продать вещи, половину денег взять себе, а остальные отдать его матери Коваленко. Сделать этого Токовенко не успел.

В доме у Токовенко был произведен обыск. При обыске была обнаружена старая рубашка, один из рукавов которой был оторван. Материал, из которого была сшина рубашка, по качеству, расцветке был таким же, как и тот, из которого был сделан мешочек для дуста, найденный в магазине. Была осмотрена обувь, имевшаяся у Токовенко. Среди различной обуви были обнаружены резиновые сапоги с небольшим каблуком. Рисунок, хорошо сохранившийся на подошве, совпадал с описанием одного из следов в протоколе осмотра магазина. Присутствовавший при обыске Токовенко показал, что имен-

ТАБЛИЦА

К экспертизе № 102 от «1» ноября 1954 г.
по делу о краже пром. товаров из магазина в с. Шубовка

1. Увеличенный фотоснимок следа пальца, снятого с одной из бутылок, обнаруженных на месте кражи промтоваров из магазина в с. Шубовка

2. Увеличенный фотоснимок отпечатка большого пальца правой руки Янишевского Г. А.

3. Увеличенный фотоснимок следа пальца, снятого с одной из бутылок, обнаруженных на месте кражи промтоваров из магазина в с. Шубовка

4. Увеличенный фотоснимок отпечатка среднего пальца правой руки Янишевского Г. А.

Эксперт

(подпись)

но эти сапоги были одеты на нем во время совершения хищения. При обыске были найдены часы «Молния», спрятанные в комоде в ящике с бельем.

Янишевский был задержан по месту работы. В основном он подтвердил показания Токовенко. У Янишевского были изъяты часы марки «Молния». Но они были не новыми. На допросе Янишевский показал, что, боясь, как бы по номеру часов его не изобличили в хищении, он продал украденные часы, а вместо них купил другие.

По делу была назначена дактилоскопическая экспертиза. В ее распоряжение были отправлены отпечатки пальцев Янишевского, а также пустые бутылки из-под водки с пальцевыми отпечатками, изъятые при осмотре в магазине, и дактилопленки с перенесенными на них отпечатками пальцев, оставленными на стекле тамбура магазина. Экспертиза дала заключение, что пальцевые отпечатки на бутылках из-под водки оставлены Янишевским (см. рис. 2).

В судебном заседании участники преступления подтвердили свои показания.

Янишевский и Токовенко были осуждены по ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Коваленко была осуждена по ст. 5 того же Указа и по ст. 72 УК УССР.

От редакции: Следует указать на некоторые недостатки, допущенные при расследовании этого дела.

Во время осмотра места происшествия обнаруженные следы автомашины и следы ног следовало сфотографировать по правилам масштабной фотографии, а затем изготовить гипсовые слепки с них.

Нельзя признать правильным произведенное т. Бердниковым опыление пальцевых отпечатков на стекле тамбура с последующим перенесением их на дактилопленку. Такой способ изъятия пальцевых отпечатков сопряжен с возможностью порчи следа и тем самым уничтожением важного доказательства. Поэтому к такому способу изъятия следов пальцев следует прибегать только в тех случаях, когда невозможно произвести изъятие самого предмета, на котором оставлен этот след. В данном случае целесообразней было изъять стекло, на котором имелись отпечатки, и направить его для производства дактилоскопической экспертизы, так же как это было сделано с бутылками из-под водки. Судя по акту экспертизы, где указано, что для сравнительного исследования были использованы именно следы пальцев, оставленные на бутылках, можно предположить, что следы пальцев, перенесенные на дактилопленку, оказались менее пригодными для исследования.

По делу необходимо было также удостоверить, действительно ли обнаруженные при обыске у Коваленко костюмы и ботинки относились к тем партиям товара, которые имелись в магазине. Лучшим способом для этого было бы проведение товароведческой экспертизы. Можно было также ознакомиться с приходными документами магазина и сопоставить их с ярлыками украденных вещей или предъявить эти вещи для опознания работникам магазина.

*Старший следователь прокуратуры
Алтайского края
юрист 1-го класса
Ф. П. Туркевич*

КАК БЫЛО РАСКРЫТО ХИЩЕНИЕ ТОВАРОВ НА БАЗЕ

На страницах «Следственной практики» я хочу поделиться своим опытом расследования хищений, скрытых в виде недостач и пересортицы так называемых партионных товаров, приемка и отпуск которых на базах и складах производится в таре отправителя без вскрытия упаковки.

Дело, которое здесь освещается, было возбуждено ОБХСС Управления милиции в связи с кражей на складе Алтайской краевой базы «Главобувьторга» нескольких десятков пар мужских кирзовых сапог из ящиков, находившихся во дворе склада. В совершении кражи изобличались охранник этого склада Битюков и бывший заведующий складом Исаев, работавший в момент совершения преступления заведующим транспортом базы и имевший доступ на территорию склада.

В ходе инвентаризации и документальной ревизии, произведенной после обнаружения кражи у заведующего складом Устинова и кладовщика Аляпина, ранее принявших товаро-материальные ценности от Исаева, была выявлена крупная недостача и пересортица обуви. Ввиду сложности дела расследование его, по предложению краевого прокурора, было поручено мне.

В материалах дела и в акте документальной ревизии склада были указания на то, что в ряде случаев в ящиках партионной упаковки, отправленных этим складом, получатели обнаруживали недостачи и пересортицу обуви. Поэтому в плане следствия по делу наряду с другими вопросами я предусмотрел проверку следственным путем операций, связанных с отпуском и отгрузкой базой товаров партионной упаковки. Поскольку интересующие

меня сведения можно было почертнуть из претензионной переписки, в бухгалтерии базы были изъяты рекламации и копии приемных актов ряда получателей, сообщавших о недостачах и пересортице обуви. Данные, полученные в результате осмотра этих документов, свидетельствовали о том, что при вскрытии груза, кроме недостач и пересортицы, в отдельных ящиках вместо обуви обнаруживались пустые картонные коробки.

Так, согласно акту, составленному Самаркандинской базой «Главобувьторга», при вскрытии двух ящиков, имевших упаковочные ярлыки склада Алтайской краевой базы, оказалась недостача двух пар мужских полуботинок стоимостью 411 руб. Там же находились две пустых картонных коробки из-под обуви.

Как отмечалось в рекламации другого получателя — Новосибирского универмага,— при вскрытии товара, поступившего с той же базы в упаковке поставщика — обувной фабрики, была обнаружена недостача четырех пар женских модельных туфель и пересортица шести пар обуви, числившейся по упаковочным ярлыкам первым сортом, в действительности же оказавшейся третьим сортом. В одном ящике вместо обуви находились две пустых коробки. Материальный ущерб, вызванный недостачей и пересортицей, исчислялся в сумме 2019 р. 62 к. Эта партия обуви была отправлена со склада Алтайской базы в адрес Новосибирской базы «Главобувьторга», откуда поступила в универмаг. Такие же претензии о недостаче и пересортице поступили от баз «Главобувьторга» из Томска, Бийска, Славгорода, Спасска-Дальнего и от ряда торговых организаций, получавших товар, отгруженный Алтайской краевой базой.

Изучение рекламаций и приемных актов показало, что недостачи и пересортица обуви обнаруживались не только в ящиках, упакованных на складах обувных фабрик и имевших следы вскрытия упаковки, но и поступивших в исправной таре обувных фабрик и других баз «Главобувьторга». Чаще всего товар отгружался в ящиках без пломб.

В одном случае рекламации получателей пересыпалась Алтайской краевой базой фабрикам-изготовителям, упаковывавшим ящики своей упаковкой, в другом случае — отклонялись по той причине, что в актах, составленных получателями товаров, не был указан факти-

ческий вес каждого ящика, в котором оказалась недостача или пересортица обуви.

Прежде чем приступить к исследованию отдельных операций, связанных с отгрузкой обуви, я детально ознакомился с порядком приемки базой партионных товаров, их упаковки и отпуска или отгрузки получателям. Выяснилось, что Алтайская база получала товары от других баз «Главобувьторга» в таре обувных фабрик, и в этой же упаковке обувь отправлялась получателям. Некоторая часть товаров упаковывалась на складе базы и с упаковочными ярлыками последней отгружалась другим базам «Главобувьторга» или непосредственно торговым организациям. Ящики упаковывались двумя способами. В одних случаях они обтягивались контрольной железной лентой, скрепленной на концах пломбой, в других — углы ящиков скреплялись металлическими накладками-наугольниками. Недостача и пересортица обуви чаще всего встречалась в ящиках, скрепленных металлическими наугольниками. Мною была истребована и приобщена к делу инструкция по ведению партионно-ящичного учета обуви. Этой инструкцией устанавливалось, что вскрытие партионных ящиков на базе допускалось лишь при обнаружении повреждений упаковки или несоответствия веса как всей партии обуви, так и отдельных ящиков. Делалось это с ведома руководителя базы в присутствии специальной комиссии с участием представителя городского или районного торгового отдела.

На каждый вскрытый ящик необходимо было выписывать новый упаковочный ярлык за подписью лиц, производивших отборку и упаковку. В ярлыке указывалось место производства упаковки, количество обуви по артикулам, сортам и размерам (ростам). Один экземпляр упаковочного ярлыка должен был быть вложен внутрь ящика, а другой — наклеен на ящик с внешней стороны. Кроме того, ящики партионной упаковки должны были опломбироваться пломбой склада, производившего упаковку.

Знание этой инструкции и консультации, полученные от специалистов, в последующем помогли мне более конкретно и глубже разбираться в каждой отдельной операции, правильно оценивать в процессе следствия выявленные нарушения правил упаковки и отправки обуви. В частности, обращало на себя внимание то, что обувь

отгружалась обувными фабриками в ящиках, не имевших пломб. Это нарушение порядка упаковки могло облегчить преступникам возможность изъятия обуви из ящиков. По делу требовалось решить сложную задачу: имели ли место ошибки при упаковке обуви или это было заранее обдуманное и тщательно замаскированное хищение. Если недостачи вызваны хищением, то где оно совершилось: на складах обувных фабрик, на базах «Главобувьторга», поставлявших товар Алтайской краевой базе, на складе этой базы или на складах организаций, получавших товары от Алтайской базы и предъявлявших претензии по поводу недостачи и пересортицы. Не исключалось также, что хищения совершались в транспортных организациях, производивших перевозку товаров.

В этих целях необходимо было конкретизировать факты, свидетельствующие о вскрытии упаковки, исследовать способы, применявшиеся преступниками при вскрытии тары, и установить места, где тайно с целью хищения вскрывали ящики.

Из документов было видно, что большая часть претензий получателей относилась по времени отгрузки товаров к периоду, когда заведующим склада работал Исаев. Однако недостачи и пересортица имели место и в тех партиях обуви, которые, судя по времени их поступления на склад краевой базы, были отправлены Устиновым и Аляпиным из числа принятых ими от Исаева.

Допрос лиц, ответственных за отборку, упаковку и отпуск или отгрузку товаров на Алтайской базе в этой стадии следствия не внес ясности в вопрос о месте возникновения и причинах недостач. Исаев на допросе утверждал, что обувь отправлялась в адрес получателей в упаковке поставщиков, а если ящики комплектовались на базе, то обувь отгружалась в том количестве, какое было указано в упаковочном ярлыке, недостачи могли произойти по вине получателей, которые, как он считал, даже не могли представить документов, подтверждающих расхождения в весе каждого ящика против документов склада краевой базы.

В актах, фиксировавших недостачи и пересортицу, в редких случаях указывался вес отдельных ящиков и разница в весе всего поступившего груза.

Эти существенные пробелы, допущенные при составлении ряда актов, исключали возможность сверки факти-

ческого веса каждого ящика с весом, указанным в отбо-
рочных ярлыках и транспортных документах. Однако в
отдельных актах имелись указания на то, что груз, в
котором обнаруживалась недостача обуви, имел меньший
вес, чем он был указан в документах отправителя —
краевой базы. Так, в приемном акте, поступившем от
Славгородской базы «Главобувьторга», отмечалось,
что вес груза, поступившего от Алтайской базы и имев-
шего упаковочные ярлыки обувной фабрики «Заря сво-
боды», был на 7,4 кг меньше веса, указанного в желез-
нодорожной накладной, а при вскрытии одного ящика ока-
залась недостача четырех пар мужской модельной обуви.

Заведующий складом Устинов и кладовщик Аляпин,
отстраненные от работы в связи с выявленной недостачей
и пересортицей обуви, также отрицали изъятие обуви,
поступившей в упаковке поставщиков, и умышленное не-
довложение товаров в ящики, укомплектованные на
складе базы. Эти лица не оспаривали лишь фактов пе-
ресортицы, ссылаясь в своих показаниях на возможные
ошибки при отборке обуви, производившейся в тесном и
темном помещении склада базы, где трудно было пра-
вильно разобрать товар по ассортименту. Как было уста-
новлено осмотром склада, показания названных лиц о
неприспособленности помещения соответствовали дей-
ствительности.

Выяснив круг поставщиков обуви и круг организаций,
получавших эти товары от краевой базы, я направил в
прокуратуру ряда городов отдельные требования с за-
данием:

а) проверить, не имеется ли по месту нахождения
обувных фабрик и баз «Главобувьторга», отгружавших
товар краевой базе, зафиксированных недостач и хище-
ний обуви в партионной упаковке; с участием представи-
телей городских торговых отделов произвести внезапное
контрольное вскрытие ящиков, подготовленных к от-
правке, в целях проверки состояния упаковки и соответ-
ствия фактического наличия обуви количеству, указан-
ному в упаковочных ярлыках;

б) провести те же мероприятия по месту нахождения
организаций, получавших товар от краевой базы и
предъявивших претензии о недостачах и пересортице;

в) в случае обнаружения у получателей обуви доку-
ментов, указывающих на факты обнаружения недостач

при вскрытии упаковки, изъять еще не предъявленные краевой базе рекламации, приемные акты и упаковочные ярлыки;

г) допросить по существу этих документов лиц, участвовавших в приемке или вскрытии товаров.

Осуществить эти следственные мероприятия нужно было потому, что не исключалась возможность, что хищения совершались на складах обувных фабрик и других поставщиков, а также организаций, получавших товар от Алтайской базы. Если недостач и хищений в этих организациях обнаружено не будет, более вероятной окажется версия о том, что вскрытие партионных ящиков производилось на складе Алтайской базы. Кроме того, в результате выполнения отдельных требований я расчитывал как можно больше собрать фактического материала об обстоятельствах приемки и вскрытия товаров на месте их получения, установить характер повреждений тары и вскрыть другие случаи хищений.

В тех же целях по нашему предложению гортротдел выделил специалистов для проверки ящиков партионной упаковки на краевой базе «Главобувьторга» и на складах получателей, находящихся в г. Барнауле. Планом следственных действий был предусмотрен также мой выезд в г. Бийск для осмотра ящиков партионной упаковки на базе «Главобувьторга» и складе местной обувной фабрики. Этот выезд необходим был потому, что имелось значительное количество претензий получателей обуви от Алтайской базы с упаковочными ярлыками Бийской фабрики.

Было дано задание ОБХСС дополнительно проверить оперативным путем возможные способы вывоза и выноса товаров со склада Алтайской базы и, в частности, выяснить, не наблюдалось ли случаев продажи обуви непосредственно на складе.

Поскольку на складе Алтайской базы имелось большое количество товаров в ящичной упаковке и сплошная проверка их потребовала бы длительного времени, было решено, в первую очередь, произвести контрольное вскрытие ящиков, скрепленных металлическими наугольниками. Такое решение я принял потому, что, как сказано выше, недостачи и пересортица обуви чаще всего обнаруживались в ящиках, имевших металлические науголь-

ники. В процессе этой проверки в 10 ящиках, имевших упаковочные ярлыки фабрики-поставщика, была обнаружена недостача 63 пар разной обуви, стоимость которой по розничным ценам составляла 3906 р. 80 к. В этих ящиках имелись заметные следы вскрытия упаковки. По заключению специалистов-товароведов, участвовавших в контрольной проверке, о фактах вскрытия ящиков свидетельствовал тот признак, что хотя металлические полосы (наугольники) были прибиты к деревянным прокладкам двумя гвоздями, на поверхности прокладок под наугольниками имелись три или четыре отверстия, образовавшихся от перебивки гвоздей (см. рис. 1 и 2).

При вскрытии тары с обувью, поступившей от Семипалатинской обувной фабрики, в тринадцати ящиках была обнаружена пересортица обуви. В них нехватало 60 пар мужских кирзовых сапог. Вместо мужской обуви в этих ящиках находились 44 пары мальчиковых кирзовых сапог и 16 пар женских кирзовых сапог производства Омской обувной фабрики меньшей стоимости. Все эти ящики также имели описанные выше следы перебивки наугольников.

Характер повреждений ящичной упаковки был описан мною в протоколе и зафиксирован путем фотографирования.

Аналогичные факты вскрытия упаковки были обнаружены также на складе Барнаульского универмага при контрольной проверке партионной обуви, полученной на базе «Главобувьторга». При вскрытии одного ящика, имевшего упаковочный ярлык обувной фабрики, оказалась недостача четырех пар комнатных туфель. Ящик имел названные выше следы перебивки металлических наугольников.

Позже путем допроса лиц, участвовавших в контрольной проверке, я установил, что в том же ящике был обнаружен упаковочный молоток. Он был мною изъят, сфотографирован и приобщен к делу в качестве вещественного доказательства, а затем предъявлен для опознания среди других молотков упаковщику склада Алтайской базы. Молоток, приобщенный к делу, был опознан этим свидетелем как использовавшийся на складе при упаковке обуви. По показаниям того же свидетеля на складе имелось два упаковочных молотка, но один из них куда-то исчез.

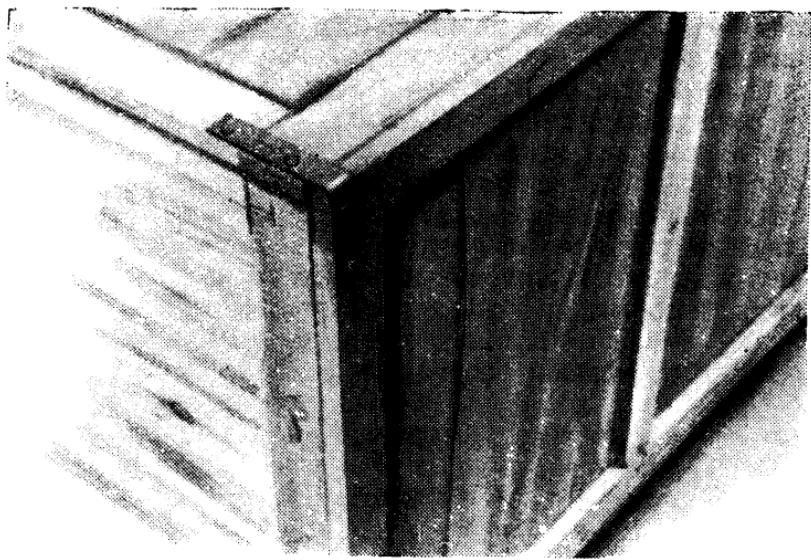

Рис. 1. Упакованный ящик с металлическим угольником

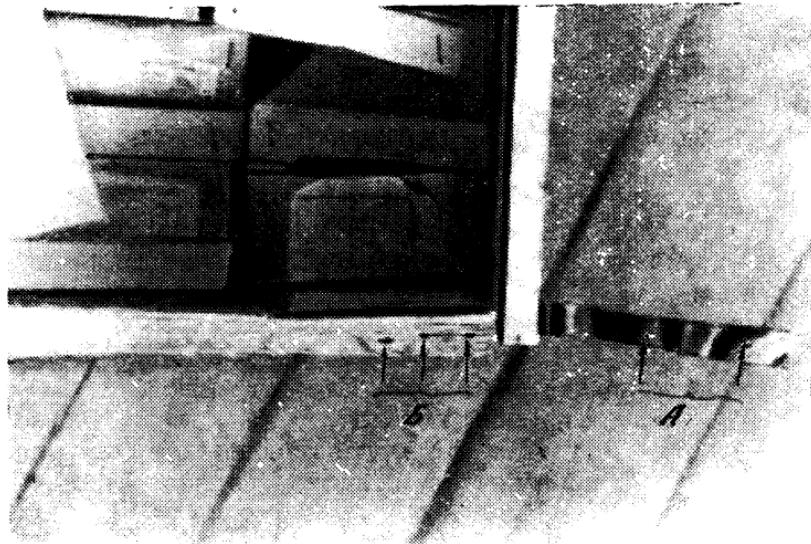

Рис. 2. Вскрытый ящик. А — отверстия от гвоздей на металлической ленте; Б — отверстия от гвоздей на планке ящика

В описи инвентаря склада числилось два упаковочных молотка. Они были приняты Устиновым. Допрошенный по этому вопросу Устинов признался в том, что при приемке инвентаря склада Исаев передал ему лишь один молоток. Второго молотка в наличии не оказалось. Исаев обещал найти этот молоток, но так и не передал его.

В г. Бийске я произвел выборочный осмотр и вскрытие партионных ящиков на выходном складе обувной фабрики и на базе «Главобувьторга», однако недостач и пересортицы, а также фактов хищений обнаружить не удалось. Не подтвердилась также версия о хищении обуви на складах других поставщиков и получателей. В то же время были выявлены другие факты недостач и пересортицы партионной обуви, поступившей от Алтайской базы «Главобувьторга».

Допрошенные в порядке отдельных требований работники иногородних получателей, участвовавшие в приемке обуви, дали важные показания. Они назвали ряд фактов, когда партионные ящики, поступившие от Алтайской базы, имели следы перебивки гвоздей, в ряде случаев товар отгружался с базы в нестандартных ящиках, но имел упаковочные ярлыки одного поставщика; некоторые ящики с обувью одного поставщика значительно отличались от других ящиков из той же партии с обувью того же артикула; в одном и том же ящике обнаруживалась обувь, изготовленная двумя различными фабриками; в отдельных случаях на ящиках были сорваны упаковочные ярлыки, а вместо них на стенке ящика имелись надписи, сделанные карандашом.

Наличие многочисленных фактов, свидетельствующих о том, что недостачи и пересортица обнаруживались в ящиках, поступавших через склад Алтайской базы «Главобувьторга»; обнаружение недостач и пересортицы в ящиках, имевших металлические наугольники; недостача в ящиках с упаковочными ярлыками склада Алтайской базы; наконец, обнаружение в одном ящике упаковочного молотка, являвшегося инвентарем склада Алтайской базы,— все это косвенно подтверждало то, что ящики вскрывались на складе этой базы.

В ходе следствия требовалось конкретизировать, кто вскрывал ящики партионной упаковки. Вопрос этот представлялся сложным, так как ящики, имевшие описанные выше дефекты, отгружались в период работы Исаева,

Устинова и Аляпина. В то время, когда Исаев был заведующим складом, Аляпин работал отборщиком на складе и имел непосредственное отношение к упаковке ящиков.

Было неясным даже и то, кто мог оставить упаковочный молоток, обнаруженный в ящике при вскрытии товаров в Барнаульском универмаге. Как устанавливалось по документам (счету фабрики-поставщика и приемному акту), ящики с комнатными туфлями поступили на базу в период, когда заведующим складом был Исаев. При сдаче им склада туфли были переданы Устинову. В приемо-сдаточном акте состояние упаковки не было отмечено. Этот товар был отпущен с базы универмагу по фактуре, имевшей подпись Устинова.

По показаниям рабочих склада, Исаев, а иногда и Аляпин после окончания рабочего дня оставались в помещении склада. Чаще всего это бывало, когда на дежурство приходил приятель Исаева — охранник Битюков. Как сказано в начале статьи, он вместе с Исаевым изобличался как участник кражи кирзовых сапог.

Битюков, признавшись в краже одного ящика мужских кирзовых сапог со двора склада базы, подтвердил на допросе, что Исаев часто оставался в помещении склада в нерабочее время. В складе иногда находились подготовленные для забивки, но еще не упакованные ящики с обувью. Из этих ящиков Исаев изымал более ценную обувь, а вместо нее клал дешевую или оставлял в ящике пустые коробки. Исаев также вскрывал упакованные ящики, применяя кусачки. Для того чтобы не оставить следов кусачек, он накладывал тряпку на шляпку гвоздя и извлекал его из гнезда. Вскрыв таким путем ящик и изъяв часть обуви, Исаев забивал гвозди в прежние отверстия. Однако, как видно, он не всегда действовал осторожно, и гвозди иногда оставляли следы их перебивки. Снаружи нельзя было заметить повреждения упаковки.

Показания Битюкова соответствовали действительности. Как я сам убедился, присутствуя при контрольной проверке ящиков, наружным осмотром нельзя было выявить следов вскрытия тары.

Произведенным следственным экспериментом было установлено, что ящики, забитые металлическими угольниками, легко поддавались вскрытию. Стоило толь-

ко постучать молотком по нижней части деревянной прокладки, как из нее выступали шляпки гвоздей, которые нетрудно было извлечь при помощи кусачек.

Свои показания Битюков подтвердил на очной ставке с Исаевым. Исаев отрицал факты изъятия обуви из ящиков, поступивших в упаковке поставщиков, а также из укомплектованных на складе. Он отрицал также факт пропажи упаковочного молотка, однако после предъявления ему вещественного доказательства признался, что вскрыл лишь один партионный ящик, откуда взял лишь одну пару комнатных туфель, но не присвоил их, а оставил на витрине в складе. Где остальные три пары комнатных туфель, не обнаруженных в ящике, Исаев объяснить не мог.

Не ясным оставался вопрос, кто произвел вскрытие тринадцати ящиков с кирзовыми сапогами. Этот товар поступил на склад от поставщика в период работы Устинова.

Допрошенные по этому вопросу рабочие склада показали, что переупаковка ящиков с мужскими кирзовыми сапогами производилась Аляпиным. В то время в складе находился и Устинов. Изобличенные этими показаниями, Устинов и Алябин вынуждены были признать факт вскрытия ящиков партионной упаковки. По показаниям этих лиц, обувь была изъята ими из ящиков с целью восполнения недостачи кирзовых сапог в россыпи и уменьшения суммарной разницы, возникшей в связи с пересортицей.

Установить способ сбыта похищенной обуви мне помогли работники ОБХСС. Они выявили оперативным путем ряд лиц, которым Исаев приносил обувь домой и продавал за наличный расчет. Некоторые из них покупали обувь непосредственно на складе.

На допросе свидетели подтвердили факты покупки обуви у Исаева и Аляпина, которые в ряде случаев продавали обувь по ценам, ниже установленных прейскурантом. Покупателей обуви, по указанию Исаева, со склада беспрепятственно пропускал охранник. Этот охранник был опознан некоторыми покупателями. Им оказался Битюков.

Допрашивая свидетелей, я установил других лиц, покупавших обувь на складе или на квартире Исаева. У некоторых покупателей обувь мною была изъята, сфотографирована и приобщена к делу в качестве веществен-

ных доказательств. По заключению эксперта-товароведа, обувь, изъятая у покупателей, совпадала по марке фабрики, маркировке, артикулам и сорту с обувью, находившейся в партионных ящиках на складе Алтайской базы «Главобувьторга».

Прямых доказательств, устанавливающих факты скрытой продажи обуви Устиновым, следствием добыто не было. Однако было известно, что, укомплектовывая партионные ящики, он не полностью вкладывал в них товар. В частности, по упаковочным ярлыкам Устинов недовложил 3 пары обуви на 209 руб., отправленные Каменьторгу, и две пары обуви на 676 руб., отправленные Алейторгу. Объяснения Устинова о будто бы допущенной им ошибке при укладке ящиков не подтвердились. Излишков этой обуви на складе не оказалось.

Кроме того, по показаниям свидетелей — работников базы, Устинов и Аляпин находились в приятельских отношениях с Исаевым и пьянистовали с ним, а во время передачи им склада Исаевым нарушили правила приемки материальных ценностей. Они не полностью проверили наличие обуви в россыпи, а также не произвели сверки маркировки обуви с маркировкой на картонных коробках, в которых, как было установлено при инвентаризации, находилась обувь, по артикулам и сортам не соответствовавшая маркировке. В результате была скрыта крупная пересортица товаров, возникшая еще в период работы Исаева. Общий ущерб, вызванный хищениями партионной обуви и ее пересортицей, был исчислен ревизией в сумме 65,8 тыс. руб.

При помощи судебно-бухгалтерской экспертизы материальный ущерб, причиненный базе, был разграничен между лицами, изобличенными в хищениях.

Участники хищения Исаев, Аляпин, Битюков и Устинов осуждены краевым судом к различным срокам заключения в исправительно-трудовых лагерях.

*Старший следователь прокуратуры
Московской области
юрист 2-го класса*

A. Ф. Маркво

*Зам. нач. следственного отдела
прокуратуры Московской области
юрист 1-го класса*

B. И. Постеев

РАССЛЕДОВАНИЕ ХИЩЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ПО СГОВОРУ РАБОТНИКОВ ПРОМАРТЕЛЕЙ И ТОРГОВОЙ СЕТИ

6 октября 1954 г. в прокуратуру Балашихинского района Московской области поступили сведения о том, что в промтоварном магазине № 32 Реутовского отделения Балашихинского торга по предварительным данным ревизии у заведующего магазином Владимирского и его заместителя Васиной выявлена крупная недостача товаров, превышающая 200 тыс. руб.

Прокурор района т. Дементьев сразу же выехал в магазин, ознакомился с предъявленными ему ревизорами документами и, убедившись в том, что недостача действительно имеет место, возбудил уголовное дело. Затем он допросил директора магазина Владимирского и его заместителя Васину. Причин образования недостачи по магазину они не объяснили, заявив, что не знают, как это произошло. Однако Васина показала, что ей известен один случай, когда Владимирский, взяв выручку магазина в сумме 21 тыс. руб. для сдачи в объединенную кассу Реутовского отделения Балашихинского торга, сдал только 14 тыс. руб.

Владimirский при допросе подтвердил этот факт и заявил, что действительно взял из выручки 7 тыс. руб. для закупки у неизвестных лиц роговых гребней по заниженной стоимости (из расчета 60 процентов стоимости) для последующей перепродажи через магазин и присвоения разницы. Однако эти неизвестные лица якобы не пришли, и сделка не состоялась, а потому деньги на

другой день были сданы в кассу вместе с выручкой за следующий день. Показания Владимира и Васиной свидетельствовали о попытке незаконного использования выручки магазина для закупок товаров на стороне.

Днем 7 октября о данном деле по телефону было сообщено в прокуратуру Московской области. По указанию прокурора области мы срочно выехали в Балашихинский район.

Из ознакомления с первичными материалами можно было предположить, что недостача по магазину могла быть результатом использования выручки для приобретения «левых» товаров. Поскольку у нас имелось признание самого Владимира о попытке реализовать через магазин гребни, приобретенные незаконным путем, мы и решили прежде всего проверить движение именно этой группы товаров.

Ревизорам было дано задание немедленно произвести выборочное восстановление количественного движения роговых гребней и расчесок.

Задача по восстановлению количественного учета облегчалась тем, что через Реутовское отделение Балашихинского торга магазин № 32 заключил оптовые торговые сделки с целым рядом организаций: Карагандинским облторгом и облпотребсоюзом, Алма-Атинским облторгом и другими на продажу этим организациям неходовых товаров, в том числе гребней и расчесок. Путем сопоставления документов на поступление гребней и расчесок в магазин и расходных документов на отгрузку этих же товаров из магазина в счет оптовых торговых сделок удалось установить почти точное количество поступивших и реализованных гребней и расчесок. Пока ревизоры подбирали необходимые документы, у Васиной и Владимира, подозреваемых в хищении товаров, были произведены обыски дома и на работе и наложен арест на имущество.

При обыске у них были изъяты блокноты с указанием фамилий, адресов, телефонов, а также черновые записи с указанием денежных сумм, против которых стояли какие-то непонятные пометки, похожие на инициалы.

При обыске в магазине № 32 были обнаружены неоприходованные металлические браслеты для часов в

количестве 1500 шт. Большинство из них имело маркировку Штамповально-эмалерного завода Железнодорожного райпромтреста Москвы.

Решено было проверить, кем сдавалась выручка в течение последних 5 месяцев (июнь — октябрь), то есть за время, прошедшее с последней инвентаризации. Оказалось, что в большинстве случаев выручка сдавалась кассиром магазина Орловской и гораздо реже — заведующим магазином Владимирским и его заместителем Васиной.

Орловская заявила на допросе, что Владимирский и Васина систематически большими суммами (от 3 до 18 тыс. руб.) брали деньги из кассы магазина, не давая расписок. В подтверждение своих показаний Орловская предъявила черновые записи, которые, как она пояснила, являются учетом всех сумм, изъятых из кассы в течение последних четырех месяцев. Эти записи были осмотрены и приобщены к делу.

Ко времени окончания допроса Орловской ревизоры сообщили, что по расходным документам магазина количество отпущенных роговых гребней и расчесок значительно превышает количество этих товаров, указанное в приходных документах. Эта разница составляла более четырех тысяч штук на сумму 12 тыс. руб. Одновременно ревизоры сообщили, что все гребни и расчески были проданы по безналичному расчету Карагандинскому облторгу.

Эти предварительные данные позволяли выдвинуть предположение о реализации таким же путем не только гребней, не оприходованных в магазине, но и других товаров, незаконно приобретенных за наличный расчет через каких-то неизвестных лиц.

Мы предложили ревизорам срочно подобрать документы по всем торговым сделкам, связанным с отправкой товаров.

Судя по отгрузочным документам (по накладным, счетам и спецификациям), в организации, с которыми были заключены договоры на поставку товаров, большими партиями отгружались хлорвиниловые скатерти, металлические браслеты для часов, шелковые косынки, носовые платки, пуговицы, гребни и расчески.

Ознакомление с инвентаризационными документами показало, что в магазине № 32, как правило, товарные

остатки превышали лимит в 2—2,5 раза. Вызывало интерес и то обстоятельство, что несмотря на большой сверхлимитный остаток товаров, в магазин продолжали завозиться неходовые товары — хлорвиниловые скатерти, браслеты для часов и др. Поэтому возникала необходимость в восстановлении количественного учета и по этим группам товаров. Такое указание и было дано ревизорам.

По расходным документам магазина было установлено, что последняя отправка товаров в г. Караганду состоялась 7 сентября 1954 г., причем в большом количестве было отгружено хлорвиниловых скатертей, шелковых косынок и браслетов для часов.

Для проверки действительного количества отправленных товаров мы решили наложить арест на эти товары и произвести их осмотр, о чем вынесли соответствующее постановление. Прокурору Карагандинской области было дано задание произвести на базе Карагандинского облторга осмотр товаров, поступивших по торговым сделкам из Московской области.

Одновременно с этим мы произвели осмотр приходных документов на эти товары в магазине № 32. Из документов было видно, что хлорвиниловые скатерти поступали в магазин только из артели «Химпром», Нарофоминского района, Московской области. Они принимались Васиной и частично Владимирским.

Единственным поставщиком металлических браслетов для часов оказалась оптово-промтоварная база Управления торговыми делами Московской области.

Судя по документам, за вторую половину 1953 года и проверяемый период 1954 года (январь — сентябрь), шелковые косынки, носовые платки, а также пуговицы в магазин не поступали вообще и в остатке на 1 июля 1953 г. не чисились.

Возникла необходимость в допросе Владимирского и Васиной.

На первых допросах, ознакомившись с документами, они сознались, что через магазин были проданы и большей частью отправлены в другие города по торговым сделкам такие товары, как пуговицы и хлорвиниловые скатерти, которые по магазину были оприходованы лишь частично. Однако Владимирский и Васина отказались назвать поставщиков этих неоприходованных товаров, сославшись на то, что они не знают их фамилий и адрес-

сов. Васиной были предъявлены накладные с указанием организации, отпустившей хлорвиниловые скатерти и браслеты для часов. Убедившись, что выдвинуть правдоподобную версию о каких-то других поставщиках она не может, Васина заявила, что хлорвиниловые скатерти в магазин доставлялись только гражданином, которого Владимирский называл Михаилом Григорьевичем. По словам Васиной, этот гражданин является работником артели «Химпром». С ним всегда приезжал другой гражданин по имени Фаддей Исаакович.

Далее Васина пояснила, что накладные на скатерти всегда выписывались на полное количество товара, а через два-три дня они переписывались на меньшее количество, и это уменьшенное количество приходовалось по магазину.

На первых допросах Владимирский отрицал знакомство с «Михаилом Григорьевичем» и получение хлорвиниловых скатертий без оприходования по документам. На вопрос о том, откуда поступали браслеты для часов, он пояснил, что они доставлялись только с оптовопромтоварной базы УМТ Московской области через заведующего галантерейным складом базы по имени «Сима». Фамилию ее он не назвал.

Мы сочли необходимым срочно назначить ревизию в артели «Химпром» и на базе УМТ Московской области, тем более что преступники, привозившие товар, могли в самое ближайшее время получить сведения об аресте Владимирского и Васиной. В артель «Химпром» выехал старший следователь т. Маркво, а на базу УМТ — старший следователь т. Агеев. Было условлено, что как в первой организации, так и во второй будут немедленно опечатаны склады, готовая продукция и все приходо-расходные документы. При выезде на место все это было выполнено. Кроме того, в артели «Химпром» были осмотрены все личные дела, причем были выяснены личности как Михаила Григорьевича, оказавшегося коммерческим директором Машбицем, так и Фаддяя Исааковича, оказавшегося начальником хлорвинилового цеха Зайденштейном. Допросить их на месте не удалось, так как они выехали в Москву, причем Зайденштейн покинул территорию артели буквально за 10 мин. до прихода следователя.

Организовав проверку наличия сырья и готовой продукции и дав необходимые указания ревизорам, т. Марк-

во выехал в Москву на квартиру Машбица, а затем Зайденштейна. В эту ночь 11 октября 1954 г. Машбиц был приглашен на допрос в областную прокуратуру. Зайденштейна обнаружить на квартире не удалось. Ни в этот, ни в последующие дни он не появлялся.

При допросе Машбиц заявил, что в магазине № 32 он никогда не был и скатерти туда не привозил.

Тогда на следующий день Машбиц в числе других лиц был предъявлен для опознания Васиной и Владимирскому. Они опознали в нем того «Михаила Григорьевича», который привозил им хлорвиниловые скатерти.

При выезде на оптово-промтоварную базу старший следователь т. Агеев установил личность «Симы», оказавшейся заведующей складом Пичугиной.

При обыске на складе, где работала Пичугина, из ее рабочего стола было изъято 3000 руб. и записная книжка с телефонами и адресами.

При допросе Пичугиной по содержанию записей, имевшихся в книжке, было выявлено, что один из указанных телефонов принадлежит некоему Биттеру, работающему на Штамповально-эмалерном заводе, изготавлившем браслеты для часов. Так как при обыске в магазине были обнаружены неоприходованные браслеты для часов с товарным знаком Штамповально-эмалерного завода, то возникла версия о преступной связи Пичугиной с Биттером. Выяснение этой связи мы начали с организации ревизии в цехе этого завода, так как проверка показала, что Биттер работал там начальником браслетного цеха.

На первоначальных допросах Пичугина отрицала какую-либо преступную связь с Владимирским. Однако к этому времени мы уже располагали показаниями Васиной, которая заявила, что ей со слов Владимирского известно о приобретении «левых» товаров, в том числе и браслетов для часов со склада, где работала «Сима». Она также пояснила, что «Сима» в магазине была 2 раза и оба раза получала от Владимирского деньги за проданный товар. В одно из таких последних посещений «Сима» была с кем-то из работников базы.

В числе других лиц «Сима» была предъявлена Васиной для опознания. Васина сразу же опознала ее, и между ними была проведена очная ставка.

После очной ставки Пичугина призналась в приобретении у Биттера 4500 шт. браслетов по сниженной цене (за

60 процентов действительной стоимости) и в реализации их через Владимирского за полную стоимость, но без оприходования по магазину.

Эти показания Владимирский был вынужден подтвердить на очной ставке с Пичугиной.

Имея показания Пичугиной, которые объективно подтверждались Владимирским и Васиной, можно было приступить к изобличению Биттера.

Когда Биттер был приглашен на допрос, ему были предъявлены доказательства, изобличающие его участие в хищении. Это было настолько неожиданным, что на первом же допросе он рассказал, что за время работы на заводе «Точмех», а также Штамповально-эмалерном заводе он похитил 4600 шт. браслетов. Эти браслеты он продал Пичугиной, но из расчета не 60, а 40 процентов их стоимости.

На этом же допросе Биттер показал, что браслеты для часов, которые он реализовал через Пичугину, изготавливались за счет сырья, закупленного на рынках Москвы у не известных ему лиц.

После допроса Биттер был арестован.

К этому времени прокурор Карагандинской области сообщил, что на базу Карагандинского облторга прибыли контейнеры с товарами, отгруженными из магазина № 32. В письме указывалось, что при вскрытии контейнеров в них были обнаружены 3000 хлорвиниловых скатертьей, носовые платки, браслеты для часов и т. д.

Так как работники Карагандинской облпрокуратуры не могли знать всех обстоятельств дела, а выполнение отдельного требования заняло бы продолжительное время, в г. Караганду для выяснения поставщиков, упаковки и маркировки товаров был командирован зам. начальника следственного отдела т. Поспееев.

При осмотре товаров в г. Караганде оказалось, что все хлорвиниловые скатерти имели маркировку артели «Химпром». Эти скатерти были взвешены. Средний вес одной скатерти оказался равным 462 г. Несколько скатертьей, а также образцы упаковки были приобщены к делу в качестве вещественных доказательств.

Приходные документы, изъятые на базе, свидетельствовали о том, что Карагандинский облторг и облпотребсоюз получили в общей сложности более 16 тыс. хлорвиниловых скатертьей.

Кладовщики оптовой базы Карагандинского облторга подтвердили, что ими действительно было получено около 16 тыс. скатерей. Все скатерти были одинаково упакованы и маркированы. Никаких других скатерей на базу не поступало. Браслеты для часов в количестве 2000 шт. оказались упакованными в коробки с этикетками Штамповально-эмалерного завода. В коробках были уложены браслеты для ручных часов, изготовленные различными заводами, но большинство браслетов было изготовлено на Штамповально-эмалерном заводе (более 600 шт.), часть же — заводом «Точмех».

Образцы браслетов и упаковки, а также маркировочные ярлыки с рукописным текстом были изъяты в качестве вещественных доказательств.

Аналогичным образом был произведен осмотр и остальных товаров.

В процессе дальнейшего расследования графической экспертизой было установлено, что все маркировочные ярлыки заполнены рукой Пичугиной. При допросе она подтвердила это.

Все это явилось веским доказательством того, что браслеты доставлялись на базу без всякой упаковки, и только когда их надо было реализовать, Пичугина укладывала их в коробки, доставленные Биттером, заполняя своей рукой маркировочные ярлыки и указывая в них артикул, сорт и цену.

Так были добыты доказательства, объективно подтверждающие показания арестованных Васиной, Владимирского, Пичугиной и Биттера.

Своевременно назначенные ревизии, а также немедленное и полное снятие остатков в магазине № 32, артели «Химпром», на заводах «Точмех» и Штамповально-эмалерном заводе также дали положительные результаты.

Так, в магазине № 32 по уточненным материалам ревизии была установлена недостача товаров не на 220 тыс. руб., а на 259 тыс. руб. Эта недостача образовалась в результате хищения денежной выручки, полученной от реализации тех товаров, поступление которых в магазин было оформлено по документам.

Выше уже говорилось, что в нашем распоряжении имелись черновые записи кассира Орловской и ее показания об изъятии из кассы денег Владимирским и Васиной. Подсчет этих записей свидетельствовал о том, что из кассы

магазина № 32 было изъято более 265 тыс. руб., однако других доказательств изъятия денег из кассы не было.

В самом начале следствия 8 октября 1954 г. нами были опечатаны сохранившиеся так называемые мягкие кассовые чеки на товары, проданные непосредственно из магазина за период с июня по октябрь 1954 года.

Ввиду уничтожения кассовой книги, отсутствия кассового аппарата и всех внутренних накладных на выдачу товаров продавцам, мы предложили ревизорам произвести сверку кассовой выручки, которая сдавалась в объединенную кассу Реутовского отделения, и выручки по мягким чекам, полученной от покупателей за каждый день.

При сравнении суммы выручки по мягким чекам с суммой выручки, которая была сдана в объединенную кассу, оказалась разница в 270 тыс. руб. Таким образом, записи Орловской о том, что она выдала Владимирскому и Васиной из кассы более 265 тыс. руб., нашли объективное подтверждение при осмотре документов.

Кроме того, ревизия, проводившая восстановление количественного учета, документально установила, а бухгалтерская экспертиза подтвердила, что по расходным документам (счетам, спецификациям и накладным) из магазина в другие области было отправлено товаров на 836 тыс. руб. больше, чем оприходовано.

Такими товарами были: хлорвиниловые скатерти — на 322 тыс. руб.; металлические браслеты для часов — на 124 тыс. руб.; шелковые косынки — на 213 тыс. руб.; дамские броши — на 134 тыс. руб. и др.

Располагая ревизионными материалами, изъятыми документами, данными осмотра и другими доказательствами, мы имели возможность произвести уже более детальные и полные допросы арестованных.

Невозможность опровержения имеющихся у следствия документов заставили Владими르ского, Васину, Орловскую и других дать подробные показания обо всех обстоятельствах хищения денег. Из показаний стала ясна вся обстановка, в которой совершались хищения, и обстоятельства, способствовавшие тому, что эти преступления своевременно не были вскрыты.

Как оказалось, Владимирский, назначенный в магазин № 32, где работала Васина, привез на 7000 руб. пуговиц и брошь из другого магазина, в котором он также работал директором. Никаких документов на эти товары

у него не было. Через два-три месяца внутренней проверкой он установил, что в магазине имеется недостача товаров на сумму более 12 тыс. руб., которую Васина скрыла при передаче ему магазина, приписав товары в инвентаризационные ведомости. Владимирский предложил ей скрыть недостачу за счет выручки, которую можно получить от реализации неоприходованных товаров. При этом он заявил, что товары можно купить за наличный расчет по пониженной стоимости у известных ему лиц.

С этого времени в магазине часто стал появляться Машбиц, привозивший неучтенные скатерти. Приемку их производили как Владимирский, так и Васина. При доставке скатерти в магазин у Машбика на руках, как правило, имелась накладная на все количество скатертий, таким образом, на случай проверки неучтенные товары оказались бы оформленными. Через два-три дня после реализации товаров эта накладная переписывалась на меньшее количество, и уже реализованные неучтенные товары из нее исключались. Браслеты же передавались Пичугиной вообще без всяких документов. Таким же образом в магазин поступали косынки, носовые платки и другие товары.

Имея большие товарные остатки в магазине, Владимирский договорился с руководством Реутовского отделения Балашихинского торга об отправке неходовых товаров в другие области. Под видом неходовых товаров отправлялись все те товары, на которые не было документов. На них выписывались накладные и счета. Оплата товаров покупателями производилась через банк. Для того чтобы стоимость товаров не отразилась как излишек на расчетном счете магазина, из кассы систематически изымалась выручка на соответствующую сумму. Расчеты, по договоренности между участниками хищения, производились с условием оплаты 60 процентов стоимости товаров, 40 процентов оставалось в распоряжении Владимирского и Васиной. Деньги за товары Машбицу и другим участникам хищения передавались в подсобном помещении магазина по мере реализации товаров.

Машбиц и Пичугина (каждый в отдельности) в группе других лиц были предъявлены для опознания работникам магазина, которые опознали их и заявили, что Машбиц часто привозил в магазин указанные выше товары и вел какие-то расчеты с Владимирским, а Пичугина дважды

приезжала в магазин и о чем-то разговаривала с Владимирским.

Кроме того, работники магазина рассказали, что в магазине систематически устраивались попойки, в которых принимали участие Владимирский, Васина, бухгалтер магазина Лаврухина, работники Реутовского отделения Балашихинского торга, управляющий отделением Дугин, старший товаровед Каширин, который незаконно от имени управляющего подписал две торговые сделки, главный бухгалтер отделения Горелик и другие лица.

По подсчетам бухгалтерской экспертизы Владимирским и Васиной было похищено 1 096 тыс. руб. Из них более 836 тыс. руб. похищено при реализации неоприходованных товаров и 259 тыс. руб. — путем хищения товаров, оприходованных по документам, в расчете на то, что эта недостача позднее будет покрыта оприходованием «левых» товаров.

Своевременность ревизий, проведенных по нашему указанию в артели «Химпром», осмотр и взвешивание большого количества готовой продукции (более 3200 скатертей) как на базе в г. Караганде, так и на складе артели, дали технологической экспертизе возможность установить факт недовложения сырья в готовую продукцию. Так, при норме выхода каждой скатерти весом в 580 г, они выпускались артелью от 420 г до 520 г. Это давало артели возможность за счет экономии сырья изготавливать неучтенную продукцию. Списание сырья (пластиката) происходило бесконтрольно, оно не учитывалось по толщине, как это должно быть, согласно техническим условиям.

Своевременный обыск на квартире заведующего складом артели Попова дал нам возможность обнаружить расходную накладную за № 369 от 21 октября 1953 г., по которой со склада артели магазину № 32 отпускались 4390 хлорвиниловых скатертей. На накладной рукой Попова была учинена надпись о том, что товар возвращен в артель, так как в магазине № 32 в этот день производилась ревизия.

Допросом свидетелей и осмотром соответствующей документации мы установили, что 21 октября 1953 г. в магазине № 32 ревизии не было, а товар, который завозили в магазин, не возвращался назад.

Кроме того, при осмотре документов мы обнаружили, что за этот день в магазине ни одной хлорвиниловой ска-

терти оприходовано не было. Однако через два дня по накладной № 5 от 23 октября 1953 г. Васиной было оприходовано 2000 скатертей, тогда как из артели такого количества скатертей не вывозилось.

В результате этих следственных действий было установлено, что из артели похищено 2390 скатертей.

Кроме того, нам было известно, что скатерти при отправке из артели упаковываются в пачки по 20 шт. Поэтому при ознакомлении с расходными документами мы обратили внимание на одно очень странное обстоятельство. При удаленности г. Наро-Фоминска, где находилась артель, от г. Реутово более чем на 100 км по документам артели в магазин № 32 на грузовых автомашинах доставлялось всего по 10—15 пачек скатертей (200—300 штук). Мы допросили шоферов и грузчиков, доставлявших скатерти в магазин.

Шофер Киселев, возивший скатерти всего два раза, заявил, что 7 января 1954 г. он погрузил 105 пачек скатертей из склада артели на автомашину для доставки в магазин № 32. Количество пачек он запомнил потому, что сам укладывал и считал их. При сопоставлении этих показаний с документами было выявлено, что в этот день по расходным документам было якобы вывезено всего 300 скатертей (15 пачек).

Этот же свидетель показал, что 14 января 1954 г. он доставил в магазин № 32 200 пачек скатертей, а по документам артели значилось отпущенными только 200 скатертей (или 10 пачек). Показания Киселева полностью подтвердили грузчик Тужиков.

О доставке скатертей в магазин № 32 29 июня 1954 г. показал грузчик Хотеев. Он заявил, что 6 июня 1954 г. в магазин № 32 им было доставлено 65 пачек скатертей (1300 шт.), а 29 июня — 165 пачек, тогда как по документам артели в эти дни соответственно было отпущено всего 500 и 100 скатертей.

Во всех случаях груз сопровождал Машбиц.

Путем сравнения и анализа этих показаний о количестве доставленных скатертей в магазин № 32 за 7 и 14 января, 6 и 29 июня 1954 г. с данными о количестве скатертей в расходных накладных склада артели «Химпром» за эти же дни было установлено, что со склада артели вывезено не 2000 скатертей, как указано в документах, а не менее 10—11 тыс. шт.

Эти данные объективно подтверждали показания Владимираского и Васиной по этому эпизоду.

О систематическом изготовлении неоприходованной продукции свидетельствовало и то, что по складу, где работал Попов, была установлена недостача пластика на сумму более 6 тыс. руб.

Хищению способствовало отсутствие пропускной системы, а также строгого учета расходных накладных, выдаваемых заведующему складом Попову.

В цехе продукция по периодам не учитывалась, а рабочим в нарядах начальник цеха Зайденштейн указывал не фактически изготовленное количество скатерей, а только то количество, которое значилось в производственных отчетах. Эти отчеты даже не утверждались техноруком артели. Путем сопоставления документов артели на отпуск скатерей в магазин с расходными документами магазина на реализацию скатерей в другие организации по безличному расчету следствию удалось установить хищение из артели 13 260 скатерей на сумму 322 тыс. руб. за период с сентября 1953 года по октябрь 1954 года.

По документальным данным из магазина № 32 оптовым покупателям было отпущено скатерей одного и того же артикула с маркировкой артели больше на 13 260 шт.

Внезапное снятие остатков на галантерейном складе оптово-промтоварной базы Управления местными торговыми Московской области также дало положительные результаты.

Было установлено, что заведующая складом Пичугина продавала в течение продолжительного времени товары непосредственно со склада. Это обстоятельство подтверждало не только многие свидетели, но и факт обнаружения у нее в рабочем столе при обыске 3 тыс. руб., вырученных от реализации похищенных товаров. Недостача товаров по складу превышала 12 тыс. руб., но одновременно были обнаружены и безучетные товары (браслеты и др.) на сумму 10 500 руб.

На Штамповально-эмалерном заводе и заводе «Точмех», где в разное время работал Биттер, также были обнаружены в большом количестве неучтенные материалы

¹ Методы хищения промышленной продукции на производстве подробно в статье не описываются, так как это не входит в тематику настоящего сборника.

для изготовления браслетов. Кроме того, на Штамповально-эмалерном заводе оказалось большое количество неучтённой готовой продукции в виде сырья¹ и несобранных деталей для браслетов.

Опоздание с назначением внезапных инвентаризаций и ревизий по ряду других производств привело к тому, что, когда они были назначены (по истечении месяца после возбуждения дела), никаких результатов получено не было.

Так оказались безрезультатными попытки следствия установить, кем и каким образом похищались гребни, расчески, пуговицы и шелковые косынки.

Нам были известны предприятия, где изготавлялась эта продукция. Однако к приходу ревизоров и следователя преступники успели подготовиться, в связи с чем работа следствия в этой части оказалась безрезультатной.

Все это привело к тому, что хищение указанных выше товаров по обвинительному заключению и по приговору суда именовалось как «приобретение товаров из неустановленных источников».

По данному делу были привлечены к уголовной ответственности не только все участники хищения, но и должностные лица, попустительствовавшие расхитителям. Все расхитители и их пособники (всего 14 человек) были осуждены Московским областным судом.

Старший следователь прокуратуры
г. Москвы
юрист 2-го класса
Л. С. Федотова

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ХИЩЕНИЯ ДЕНЕГ. НЕОБОСНОВАННО ПЕРЕЧИСЛЯЕМЫХ НА СЧЕТ МАГАЗИНА

В Сталинский районный отдел милиции Москвы поступило анонимное письмо о том, что заведующий магазином № 43 Мосхозторга Тарасов живет со своей семьей явно не по средствам. Автор письма, по всей вероятности кто-либо из соседей Тарасова, сообщал, что жена Тарасова говорит, что «нефтелавка ее мужа — золотое дно». Глядя на жизнь этой семьи, писал неизвестный, приходится согласиться, что так оно и есть: Тарасов работает один, имея четырех иждивенцев; приобретает ценные вещи; в квартире Тарасовых часто происходят пьянки. Всей семьей Тарасовы ежегодно на все лето уезжают на курорт.

Проверкой данных анонимного письма занялось УБХСС московской милиции.

В процессе проверки выяснилось, что магазин № 43 Мосхозторга — оптово-розничный. Анилиновые красители, хозяйственное мыло, сода, посуда, керосин и т. д. не только продавались в магазине в розницу, но и отпускались различным организациям и предприятиям по безналичному расчету. Изучение оптовой клиентуры показало, что постоянных покупателей магазин имеет немного; в основном, план товарооборота выполнялся магазином за счет розничной торговли.

Среди оптовых покупателей обращал на себя внимание коммунальный трест Коминтерновского района Москвы, оплативший много счетов магазина на различные хозяйственные товары.

Вызывало удивление то обстоятельство, что этот трест, расположенный в центре города, приобретает хозяйст-

венные материалы очень далеко от своих предприятий — на окраине города, тогда как в непосредственной близости от треста были магазины, торгующие такими же товарами.

Еще большее удивление такая «приверженность» коммунального треста к магазину № 43 вызвала при проверке порядка его снабжения. Оказалось, что трест Комитерновского района, как и все остальные коммунальные тресты Москвы, имеет специальную организацию централизованного снабжения хозматериалами — контору Управления предприятиями коммунального обслуживания (УПКО).

В свете таких данных торговые операции треста с магазином вызывали подозрение. Работники УБХСС правильно пришли к выводу о необходимости проверки очередной такой операции. 28 июля при выходе из магазина ими был задержан кладовщик сектора бытового обслуживания треста Родин.

При нем оказались следующие документы:

счет магазина № 43 от 20 июля на сумму 9625 руб.; товаро-транспортная накладная от того же числа, по которой Родин якобы получил 5500 порошков анилинового красителя на 9625 руб.; приходная накладная склада коммунального треста на 55 кг краски (что соответствует по весу 5500 порошкам); копия поручения банку на перечисление денег магазину № 43, то есть такие документы, которые должны были бы находиться в бухгалтерии сектора, но отнюдь не у Родина.

Срочно прибыв в трест, сотрудники УБХСС зафиксировали, что на складе нет ни одного порошка анилиновой краски. Проверив расходные накладные склада за 20—28 июля, они убедились, что в течение этих дней анилиновый краситель и краска для полов Родиным никому не отпускалась.

В тот же день работники УБХСС остановили грузовую автомашину, отъезжавшую с товаром от магазина № 43.

Проверив документы, они установили, что машину сопровождает заведующая магазином № 159 Мосхозторга Хрусталева, получившая у Тарасова большое количество посудохозяйственных товаров для своего магазина. Хрусталева имела товаро-транспортную накладную и пояснила, что Тарасов часто получает на базе хозмате-

риалы для нескольких магазинов сразу, затем уже магазины берут полагающуюся им часть хозматериалов у Тарасова. Было известно, что такое право, действительно, предоставлено Тарасову. При сверке накладной Хрустальной с товаром, находящимся в кузове, оказалось, что 1000 пакетов анилинового красителя на сумму 1750 руб. были вывезены без документов. Накладной на краситель у Хрустальной не было. Она объяснила, что эти 1000 пакетов красителя куплены у Тарасова за наличный расчет, что от Тарасова во многом зависело снабжение ее магазина, поэтому, когда 28 июля он предложил ей купить у него 1000 пакетов красителя за наличный расчет, она побоялась отказаться и купила их, взяв деньги из выручки своего магазина.

При сопоставлении этих двух эпизодов возникло основательное предположение, что 5500 пакетов анилинового красителя похищены Родиным и Тарасовым и реализованы за наличный расчет.

Так возникло дело, о котором рассказывается в данной статье.

На допросе Родин очень быстро признал себя виновным в хищении 9625 руб. (как это потом выяснилось, он хотел скрыть более значительные преступления).

Родин показал, что хищение было совершено им и Тарасовым по заранее намеченному плану. Начальник снабжения коммунального треста Коротаев договорился с Тарасовым о хищении. Деньги в сумме 9625 руб. перечислил Тарасову бухгалтер сектора треста Ларионов с ведома главного бухгалтера треста Королькова. Он же, Родин, оформил с Тарасовым бестоварную накладную № 00579 на 5500 пакетов красителя, но получил от него не товар, а деньги в сумме, равной половине стоимости красителя. Остальные деньги остались у Тарасова. Родин пояснил, что операция эта совершена ими 20 июля, но Тарасов не додал в тот день 1600 руб., за которыми и приходил Родин 28 июля, в день задержания.

Каким образом хищение этих денег скрывалось в бухгалтерии треста, Родин точно описать не мог.

На основании таких данных были допрошены Корольков, Коротаев и Ларионов.

Последний отрицал свою причастность к совершенному преступлению, а Корольков и Коротаев после очной ставки с Родиным признались в нем.

В таком виде дело было изъято из УБХСС и передано мне для дальнейшего расследования.

Ознакомившись с материалами дела, я, конечно, прежде всего передопросила обвиняемых. Они попрежнему утверждали, что хищение совершили впервые.

Выехав в магазин № 43 Мосхозторга, я осмотрела, как расположен магазин (где кабинет заведующего, где и какое подсобное помещение, где касса, сколько продавцов и т. д.).

На первый взгляд это может показаться лишним, но в работе следователя такое ознакомление необходимо. Хорошо зная обстановку магазина, я имела возможность задавать свидетелям такие вопросы, ответы на которые придавали их показаниям еще большую убедительность.

В магазине я допросила свидетелей — продавцов и лоточников, и из их показаний выяснилось, что Родин, Коротаев и Корольков известны им как лица, производящие оптовые закупки для коммунального треста Коминтерновского района.

Работники магазина Матвеев, Замятин и другие пояснили мне, что все эти лица появлялись в магазине в течение нескольких лет, но очень редко Родин или Коростаев увозили товар из магазина; работники магазина часто видели, как все эти лица вместе с Тарасовым пьянствовали в подсобном помещении магазина.

При допросе кассира Комаровой я обратила внимание на прописку в ее паспорте. Комарова жила в общежитии Селезневских бань (одного из коммунальных предприятий треста), хотя никакого отношения к ним не имела. Я заинтересовалась этой пропиской и выяснила, что Комарова прописана в общежитии бани незаконно, причем «устроил» ей эту прописку Родин. Кроме того, я узнала, что Комарова — родственница Тарасова.

После выяснения этих обстоятельств я снова вызвала на допрос Комарову, и она дала мне весьма ценные показания о личных, неслужебных взаимоотношениях Тарасова с работниками коммунального треста, об их давних совместных попойках.

Все это подсказывало мне, что хищение 9625 руб. — один из многих, а не единственный эпизод в преступлениях этой группы. Однако, когда в коммунальном тресте я попыталась установить, сколько и каких торговых операций проведено трестом с магазином № 43 Мосхозторга,

этого мне сделать не удалось. В бухгалтерии треста не оказалось ни одного документа, кроме перечисления 4625 руб., подтверждающего какую-либо связь с магазином № 43 — ни накладных, ни банковских перечислений, ни упоминаний этого магазина в проводках.

Я организовала проверку документов и товарных отчетов Тарасова в бухгалтерии Мосхозторга. Только за один год при этом было обнаружено более 20 счетов магазина, на сумму 166 тыс. руб., оплаченных коммунальным трестом Коминтерновского района и сектором бытового обслуживания того же треста.

Ко всем счетам были приложены требования треста магазину об отпуске хозтоваров, доверенности треста на получение этих товаров на имя Коротаева и Родина, товаро-транспортные накладные на отпуск различных хозяйственных материалов.

На основании всех этих документов бухгалтерией Мосхозторга с подотчета Тарасова за указанный год было списано товаров на 166 тыс. руб.

Разбирая документы магазина № 43, я обнаружила счета магазина на 100 тыс. руб., оплаченные трестом в течение двух предыдущих лет.

Все эти документы я изъяла и тут же потребовала назначения ревизии, поставив перед ревизорами конкретную задачу: проверить все расчетные операции по приобретению товаро-материальных ценностей.

Пока ревизия обследовала, когда, кем перечислены деньги из треста в магазин и каким образом это скрыто от учета, я выписала из всех товаро-транспортных накладных номера указанных там автомашин и послала запрос в ГАИ с просьбой установить их принадлежность.

Затем я внимательно изучила требования треста магазину об отпуске товаров и доверенности на их получение. При этом было установлено, что большинство доверенностей не имеют печати; в целом ряде из них отсутствовала подпись управляющей трестом Горьковой, а стояла одна лишь подпись главного бухгалтера Королькова. Когда я предъявила все указанные документы Горьковой, она заявила, что ничего не знает о приобретении хозматериалов в системе Мосхозторга, так как все снабжение треста и секторов производилось только конторой снабжения УПКО. Горькова утверждала, что

никаких требований в магазин № 43 и доверенностей на получение там товара она никогда не подписывала.

Все эти документы вместе с образцами почерка Горьковой, Королькова и Коротаева я направила на графическую экспертизу, перед которой поставила один вопрос: кем из указанных лиц выполнены подписи Горьковой.

Вскоре я получила заключение о том, что все подписи от имени Горьковой подделаны Коротаевым.

Пока документы были на экспертизе, я осмотрела в тресте и секторах журналы регистрации выдачи доверенностей на получение товаро-материальных ценностей. Ни одна из доверенностей на имя Коротаева, обнаруженных в Мосхозторге, не была зарегистрирована в этих журналах. За теми же номерами там значились доверенности совершенно другим лицам на получение товаров в различных организациях.

К этому времени из ГАИ пришел ответ на мой запрос. Там содержались очень интересные сведения: некоторые машины, номера которых были указаны в накладных Тарасова, вообще в природе не существовали, многие номера принадлежали машинам, давно выбывшим за пределы Москвы, и лишь девять номеров соответствовали автомашинам, работающим в Москве.

Все девять шоферов этих автомашин были допрошены. Путевые листы их работы в дни, указанные в накладных, я изъяла. Все машины оказались легковыми, марки «Победа» и «Москвич», совершенно неприспособленными для перевозки бочек с керосином и ящиков с мылом.

Шоферы категорически отрицали какое-либо знакомство с Тарасовым и работниками треста, утверждая, что никогда не перевозили хозматериалов на своих машинах из магазина в трест.

Параллельно с этой работой я допрашивала свидетелей об образе жизни обвиняемых и установила, что все они ведут жизнь, не соответствующую их заработку, часто посещают рестораны, пьянятся даже в рабочее время и т. д.

Имея доказательства виновности обвиняемых в систематическом хищении государственных средств, я, не дожидаясь окончательных результатов ревизии, приступила к допросам обвиняемых по этим, вновь установленным эпизодам.

Родин, Корольков и Коротаев долго не признавали свою вину в хищении и не называли соучастников преступлений. Однако под давлением имеющихся в деле доказательств они были вынуждены рассказать о своем участии в хищениях и назвать соучастников, которыми были заместители директора магазина № 43 Чернышев, Творогов и другие.

Признание обвиняемых объективно подтверждалось результатами ревизии. Ревизия вскрыла, что Корольковым и Ларионовым за период с 1950 по июль 1953 года перечислено в магазин № 43 301 тыс. руб. государственных средств, товар на эту сумму в трест и сектора не поступал; сами эти перечисления в бухгалтерских проводках отражения не нашли; никаких оправдательных документов на перечисленные магазину деньги в бухгалтерии не имелось, то есть вся сумма 301 тыс. руб. была похищена преступниками.

Меня заинтересовал вопрос о том, почему в течение такого длительного времени это преступление не было раскрыто, несмотря на неоднократные ревизии, проводимые в тресте и секторах.

Как уже указывалось, в большинстве документов треста не отражалось перечисление денег магазину. Эти суммы встречались лишь в банковских выписках, но там проставлялась лишь дата, сумма и порядок списания банком определенной суммы с расчетного счета треста. Куда же перечислялась эта сумма, в выписке не указывалось.

В бухгалтерских проводках обвиняемые вывалировали похищенные суммы, включая похищенные деньги в другие, действительно перечисленные каким-либо организациям суммы, перебрасывая деньги с одной статьи расхода на другую, отавизовывая их секторам и коммунальным предприятиям, списывая на счета других организаций и т. д. Чтобы вскрыть хищение обычным ревизионным путем, нужно было бы проделать огромную работу: выверку взаимных расчетов со всеми организациями, встречную проверку документов треста и секторов и т. д. Обычные же ведомственные ревизии такой работы не проводят.

Бот, например, как завуалирована была сумма 4001 руб., похищенная в декабре предыдущего года.

Бухгалтерской проводкой № 2 (взаимные расчеты) за декабрь месяц Корольков отнес эту сумму (4001 руб.)

на расчеты с конторой снабжения «Мосгортопснаб». Но чтобы это не сразу обнаружилось, он сделал следующее: в декабре месяце перечислил конторе снабжения «Мосгортопснаб» за топливо 4000 руб. Бухгалтерской проводкой № 2 он отнес на расчеты с конторой не 4000, а 8000 руб. (4000 из похищенных), а оставшийся один рубль списал в общей сумме 675 (вместо 674 руб.) мастерской за ремонт арифмометра. Контора снабжения свои деньги фактически получила, мастерская — тоже. Значит, с их стороны Королькову нечего было ждать проверки. Работник отделения банка подсчитал, сколько денег снято со счета треста по выпискам и сколько разнесено бухгалтером по проводкам, эти суммы совпадали, а значит, операции не вызвали сомнений. Сумма же 4001 руб. никому на глаза больше не попадалась.

Больше всего похищенные суммы списывались Корольковым и Ларионовым на расчеты с райфо по отчислению прибылей.

Дело в том, что трест и сектор ежемесячно отчисляли большие суммы в бюджет как налог с прибыли, суммы эти выражались в десятках и сотнях тысяч рублей.

Перечислив фактически одну правильную сумму, они списывали на райфо в своих проводках большую сумму (правильная сумма плюс сумма похищенного).

По существующему положению инспектор райфо обязан делать частые взаимные сверки — сколько поступило в бюджет денег от треста (сектора) и сколько списано его бухгалтерией. Но инспектор Коминтерновского района Мурашова этих сверок с трестом не делала.

Таким образом, следствием было установлено, что, перечисляя деньги в магазин № 43 Мосхозторга, Корольков, Коротаев, Ларионов и Родин не получали там товаров. Хозматериалы оставались у Тарасова, реализовывались им с заместителями Чернышевым и Твороговым, а вырученные деньги — присваивались.

Мне было известно, что в магазине № 43 деньги от покупателей получают через кассовый аппарат. Каким же образом Тарасов изымал деньги за проданный похищенный товар? Это нужно было установить.

Я выяснила, что Тарасов в Мосхозторге добился разрешения иметь передвижной лоток. В докладной записке на имя управляющего Тарасов мотивировал это тем, что население района вынуждено очень далеко ходить за

хозтоварами. Тарасов писал «о приближении товара к потребителю». Ему разрешили иметь возок, где деньги получает непосредственно продавец.

Когда я занялась проверкой деятельности этого передвижного лотка, то выяснила, что фактически возок торговал похищенными хозматериалами. Лоточник отчитывался только перед Тарасовым, в нарушение установленного порядка вся выручка сдавалась Тарасову, а не в кассу. Это и был основной источник, откуда изымались наличные деньги.

В процессе расследования выяснилось, что Корольков был переведен на должность главного бухгалтера треста три года тому назад, а до этого он работал бухгалтером Селезневских бань коммунального предприятия, входившего в тот же трест.

То обстоятельство, что первая преступная операция треста с магазином была проделана Корольковым уже через несколько дней после перевода на новую должность, заставило меня предположить, что и на прежнем месте работы Корольков совершил такие же преступления. Я не ошиблась в своем предположении.

Проверив в бухгалтерии Мосхозторга отчетные документы магазина № 43, я нашла там двенадцать счетов, на общую сумму 78 121 руб., оплаченных магазину Селезневскими банями за различные хозтовары. После тщательного расследования я установила, что эта сумма была похищена Корольковым при участии Тарасова и Творогова тем же способом, что и в коммунальном тресте.

Собранными материалами было установлено, что Тарасовым, Коротаевым и другими похищено 344 926 руб. государственных средств¹.

К уголовной ответственности по делу было привлечено 11 человек. Все основные виновники, кроме Тарасова, сознались в совершении хищений. Тарасов же не сознавался, несмотря на убедительность собранных против него улик. Он изобличался следующими материалами:

Родин, Корольков, Коротаев и другие сознавшиеся обвиняемые указывали на Тарасова как одного из организаторов хищений и подробно рассказывали о его роли, конкретных действиях, совершенных им в связи с хище-

¹ Судебно-бухгалтерская экспертиза, уточнив суммы, названные ревизией, несколько уменьшила их.

ниями. Они указывали на то, что в расходно-транспортных накладных вымышленные номера автомашин писал собственноручно Тарасов. Графическая экспертиза подтвердила это, а расследованием было установлено, что на указанных Тарасовым автомашинах товары из магазина не вывозились.

С несомненностью были доказаны систематические кутежи Тарасова с Корольковым, Родиным, Коротаевым и другими участниками хищений. Даже сам Тарасов признавал, что он «выпивал» с ними в помещении магазина.

Работники магазина, в частности заведующий передвижным лотком, изобличали Тарасова в том, что он, нарушая установленный порядок сдачи выручки лотка в кассу, сам принимал эту выручку. Кассир магазина Комарова заявила, что принятые от продавца лотка деньги Тарасов не пробивал через механическую кассу, имевшуюся в магазине.

Кассир Комарова дала также очень важные показания, изобличающие Тарасова и по другому вопросу. Она рассказала о реализации 1000 пакетов похищенных красителей через заведующую магазином № 159 Хрусталеву. При описанных выше обстоятельствах Тарасов не смог отрицать того, что он отпускал Хрусталевой 1000 пакетов красителей за наличный расчет. Но тут же заявил, что полученные от нее деньги в сумме 1750 руб. он внес в кассу и кассир выбила ему 17 кассовых чеков по 99 р. 99 к. и один чек на 50 р. 17 к. Однако кассир Комарова на допросе заявила, что Тарасов говорит неправду. 28 июля он не вносил в кассу никаких сумм. Была проверена кассовая контрольная лента за этот день, и показания кассира подтвердились: такие суммы в кассу не поступали.

Соучастник хищений, заместитель директора Чернышев, сознавшись в совершенных преступлениях, подробно рассказал о преступных действиях Тарасова.

Образ жизни Тарасова, его большие, явно не по средствам, расходы свидетельствовали о дополнительных, помимо зарплаты, источниках денег, получаемых им.

Московский городской суд признал Тарасова и остальных десятерых обвиняемых виновными в систематическом организованном расхищении государственного имущества и осудил их к различным срокам заключения в исправительно-трудовых лагерях.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Усиление борьбы с хищениями социалистической собственности — одна из важнейших задач органов расследования	3
Расследование хищения денег, скрытого фальсификацией показаний счетчика механической кассы.— В. Н. Макарова	8
Важность разграничения ответственности за недостачу между материально-ответственными лицами.— М. Я. Могилевский	19
Хищения были вскрыты в результате тщательного исследования причин пересортицы товаров.— П. И. Медведев	30
От установления спекуляции к раскрытию хищения.— А. В. Лопаткин	41
Тщательный осмотр места происшествия помог разоблачить преступников.— А. Н. Лунев	49
Установление фактов реализации похищенного через торговую сеть.— В. В. Перцев	61
Расследование попытки скрыть растрату денежных средств путем поджога.— М. И. Лукницкий	73
Следствие по делу о хищениях при выездной торговле.— Л. Э. Мартвель	85
Разоблачение инсценировки кражи.— М. И. Каган	98
Расследование кражи со взломом из сельмага.— Л. С. Горвиц	109
Как было раскрыто хищение товаров на базе.— Ф. П. Туркевич	119
Расследование хищений, совершенных по сговору работников промартелей и торговой сети.— А. Ф. Марков и В. И. Поспелев	131
Особенности расследования хищения денег, необоснованно перечисляемых на счет магазина.— Л. С. Федотова	145